

Общая тетрадь

Рига 2021

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинз (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 3-4(83) 2021

К читателю

О мировом праве
Юрий Сенокосов 5

Тема номера

О культуре мира
Ингеборг Брейнес 12

*Политика и моральный выбор:
власть и общество в России в 2021 году*
Татьяна Ворожейкина 22

*Мадам де Помпадур в Москве.
Опыт систематизации рисков для российской политики*
Андрей Колесников, Денис Волков 35

Р. S.
«Пенять» не возбраняется
Юрий Сенокосов 54

*Миссия по исправлению ошибок.
Об особенностях политического мировоззрения российской элиты*
Павел Лузин 56

Мемориал

Раздвоение памяти. Зачем закрывают «Мемориал»?
Александр Баунов 63

Р. S.
О смысле общества «Мемориал»
Юрий Сенокосов 68

Экономика и политика

Мировая экономика и политические последствия
Михаэль Сульман 70

Исторический опыт

Тридцатилетие постсоветского политического опыта
Михаил Минаков 81

«Мы должны сделать все, чтобы вернуться в нормальную страну»
Андрей Стрижак 98

Точка зрения

- О здравом смысле*
Александр Морозов 106
- Антропоцен и экологический кризис современности*
Сергей Медведев 115
- «Демократия в опасности»*
Даниэль Дедтлинг 130
- Этика и политика*
Константин Эггерт 137

Горизонты понимания

- Эволюция конституционных ценностей*
Елена Лукьянова 143

Памяти Геллнера

- В защиту Эрнеста Геллнера: комментарии к выступлению*
Криса Ханна «Критика неолиберализма Геллнера»
Анатолий Хазанов 151

Наш анонс

- Лекция 1. Предварительные замечания*
Лев Гудков 158

Книги

- Контрапункт*
Дмитрий Травин 164

Nota bene

- Восстановительное правосудие как путь
к верховенству права и демократии*
Борис Грозовский 169
- Письмо А. М. Калмыковой*
Л. Н. Толстой 174

О мировом праве

В последние годы тема мирового права становится все более актуальной. Когда эта тема появилась в международной повестке дня? Почему и зачем человечеству в XXI веке необходимо мировое право?

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

Актуальность темы продиктована не только поиском форм социальной защиты от пандемии коронавируса, изменения климата, угрозы ядерной войны, но и в результате явной утраты смысла в человеческих добродетелях и морали.

Да, мы живем в эпоху торжества кибертехнологий, которые, несомненно, наделяют нас большей свободой, если не обращать внимания на то, как власть лишает граждан в авторитарных государствах естественных прав, подрывая основу международного права. Потому что она не нуждается в праве, ей достаточно закона. Хотя было бы разумнее придерживаться формулы «закон обязывает, а право открывает возможности».

Идея о том, что мир един, что все мы являемся частью мирового сообщества с общими проблемами и общим будущим после пережитых человечеством в XX веке двух мировых войн, нашла, как известно, воплощение в создании Организации Объединенных Наций и породила не менее амбициозные проекты ее совершенствования.

Многим знакома формула Антонио Грамши «Пессимизм ума — оптимизм воли».

«У меня принцип такой: сочетать пессимизм знания с оптимизмом действий», — сказала российский политик Галина Старовойтова в ноябре 1998 года в

интервью газете «Аргументы и факты», опубликованном через четыре дня после ее убийства под заголовком «Властям не хватает мозгов и совести».

На мой взгляд, это и есть проблема современного мирового права, когда общество остается заложником государства, властям которого «не хватает мозгов и совести». В России со времен ее главной «духовной скрепы», царя-подростка Ивана Грозного (а наглядно демонстрирует это сегодня политическая система и то, как она осуществляет правосудие, включая современную опричнину), Центр «Э» — главное управление по противодействию экстремизму МВД России.

Обратимся к выражению «Слово и дело», которое появилось в виде идиомы от «сказывать слово» и «дело государево». Так стали называть в России XVI века «доносы» о государственных преступлениях. Слово означало обвинение человека в «дерзновении против Бога и Церкви», а дело — преступление против государя и государства. Для этого надо было опричнику (телохранителю царя) выйти на площадь и крикнуть: «Слово и дело!»

Во время царствования Ивана IV (Грозного) это явление приобрело массовый характер. Опричники сообщали, что бояре и князья плетут заговоры против царя, потомственных дворян казнили целыми семьями, представители духовенства, купцы и служилые люди писали доносы на коллег и знакомых. Напуганные горожане доносили друг на друга, включая родственников, чтобы самим спастись от пыток и казней.

Испытывая раскаяние после убийства сына, Иван Грозный велел составить список жертв своего правления, а его копии вместе с денежными

пожертвованиями рассылались по монастырям России с распоряжением молиться за упокой их душ. В год смерти царя, в 1584 году, в списке было больше 3000 имен.

Во время царствования Алексея Михайловича (1645–1676) сотрудничество полицейского института «Слово и дело государево» с доносителями продолжало расширяться. Что бы ни случилось тогда в Москве, отмечают историки, об этом сразу становилось известно «кому следует». В главе II Соборного уложения 1649 года — свода законов России — официально появляется наказание за недоносительство: «казнить смертью безо всякия пощады».

Петр I, отвергая многие традиции русского государства, предпочитал им, как известно, западноевропейские каноны. Но, просвещая, руководствовался формулой «Люди должны быть инициативны и изобретательны и при этом послушны». И с политическими противниками и врагами Отечества царь-реформатор придерживался прежних методов. Доносы, пытки и казни в годы его правления носили массовый характер.

В Артикуле воинском 1715 года, в частности, говорилось, что четвертование и конфискация имущества полагается за любую измену царю, даже если никаких конкретных действий обвиняемый не предпринял, но «токмо его воля и хотение к тому было». К политическим преступлениям были причислены коллективные жалобы на чиновников и даже «подозрительные сходбища и собрания».

Под пытками многие люди признавались в делах, которых не совершали. А количество доносов возросло, и Петр I даже предпринял меры по их ограничению.

Психология и национальные особенности характера русских формировались на протяжении столетий. И одна из таких особенностей в наши дни, как показывают социологические опросы, уверенность большинства респондентов, что стране нужен сильный лидер, которого они не считают вправе открыто критиковать. А вторая, что им сложно принять западноевропейскую модель общества, в которой индивидуальность человека считается безусловной ценностью, а отношения, как это свойственно психологии японцев и китайцев, к особой роли коллектива над индивидуумом у них нет.

Вопрос: можно ли в таком случае согласиться с теми, кто говорит, что российский народ нашел некую золотую середину между коллективизмом и индивидуализмом? Или между «другом и врагом», выражаясь словами немецкого политического теоретика и юриста Карла Шмитта?

«Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя, — писал Николай Бердяев в начале 20-х годов XX века. — Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. <...> Можно строить культуру догматически или скептически, мистически или критически. Но невозможно строить культуру ни апокалиптически, ни нигилистически. Апокалипсис и нигилизм — конец всего. Ни апокалипсис, ни нигилизм не признают срединного царства культуры».

И еще одна цитата.

«В психологии русского человека, — говорится в одной из статей, вывешенных на интернет-сайте “Этика жизни” в декабре 2018 года, — практически

ничего не изменилось: один подавляет, а другой продолжает верить, ждать и надеяться на мирный исход. Изменились лишь стратегии подавления и оболванивания: пиар-технологии, нейролингвистическое программирование, разные виды лжи в СМИ, открытая клевета на порядочных людей».

На мой взгляд, это и есть золотая середина: *один подавляет, а другой продолжает верить*. А объяснить, почему это повторяется, я думаю, можно, обращая внимание в том числе и на семантику появляющейся лексики во время перехода общества из одного состояния в другое. Или, другими словами, на синонимы, выражающие смысловые и стилистические оттенки исходных значений слов. Как это произошло, в частности, во второй половине XIX века в русском языке со словом «баланс», заимствованным из французского, и глаголом «балансировать».

В Словаре В. И. Даля (первая половина XIX века) названные слова означают «бытие на перевесе», «в равновесии»; «держаться в равновесии», а в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (первое издание, 1900 г.) слово «балансировать» уже стоит в ряду таких слов, как «угождать» (нашим и вашим), «потворствовать», «услуживать», «предупреждать желания».

Между тем во французском языке первое значение существительного *la balance* — весы: *être en balance* — быть в нерешительности; *mettre qch en balance* — взвешивать (доводы за и против); *faire pencher la balance* — склонить решение в чью-либо пользу; *la balance du commerce* — торговый баланс. А синонимы глагола *balancer* — качать, раскачивать; взвешивать; уравновешивать;

Константин Звездочётов. РАХ.CULTURA. 1992–1993

подводить баланс (Французско-русский словарь, составила К. А. Ганшина. М., 1930).

Что же повлияло на появление в русском языке новых синонимов глагола «балансировать» и побудило Салтыкова-Щедрина написать известную сказку о «победе» пороков над добродетелями? Очевидно, некая, по выражению историка Натана Эйдельмана, «мина замедленного действия». В своей книге о декабристе Михаиле Лунине он писал: «Самодержавие и просвещение — вещи несовместимые. Просвещая, Петр под-

водит мину под всевластие Романовых, но мину замедленную». И она, как известно, в 1917 году взорвалась.

Мировое право. В наши дни, когда в мире отмечаются даты рождения известных участников перестройки (1987–1991) и продолжаются дискуссии о «европейскости» России, диагноз Старовойтовой о «нехватке мозгов и совести» у властей, останавливающих демократический транзит, помогает лучше понять не только смысл, но и необходимость мирового права.

Фраза Старовойтовой о сочетании пессимизма знания с оптимизмом действий, как и формула А. Грамши, предполагает трезвый анализ действительности и одновременно мобилизацию усилий для достижения цели. Поэтому Старовойтова не случайно назвала формулу Грамши принципом, подчеркнув в своем интервью: «Неважно, насколько я не удовлетворена нынешней ситуацией, надо делать свою работу». И она права.

Беда убеждает, а вера помогает. Но откуда вера, учитывая, что язык неизбежно склоняет нас, согласно русской поговорке «Сила — ума могила», к поиску ответа на поставленный вопрос в области видимого, слышимого, воспринимаемого, а не в том, как мы понимаем то, что видим и слышим. Приведу пример.

О политике, стремлении людей к достижению определенных целей и защите своих интересов, принято говорить как об *искусстве возможного*. Но я сознательно разделил в этой фразе слова «целей» и «интересов» выделенным союзом и, чтобы разорвать их смысловую связь, так как она позволяет оправдывать любую политику. Или скажу определеннее: с помощью формулы «политика есть искусство возможного» можно оправдать любую власть, любой способ правления.

Напомню, как к этой формуле Бисмарка, с которой он наверняка был знаком, относился Сталин. Будучи абсолютно уверенным, что цель оправдывает средства, Сталин стремился к максимальному усилению репрессивного аппарата своей личной власти.

Искусство — мастерство, интуиция, хитрость. Если мы откроем «Словарь древнерусского языка XI–XVII веков»

(вып. 6), то увидим, что это понятие образовалось от старославянского слова *искус* — опыт, испытание, искушение, соблазн перед лицом Бога. Испытывая страх либо страстное желание, человек когда-то явно понимал, что в этом состоянии важно контролировать себя. Отсюда и соответствующий синонимический ряд к слову «искушение»: проверка, знание, умение, опыт.

В дальнейшем эти его исходные значения перешли в русском языке в область педагогики, а затем — уже при советской власти — искусство, как его определяли марксисты, стало «одной из специфических форм общественного сознания. Как и наука — другая «форма общественного сознания», не утратившая в качестве понятия исходного значения и столь же эффективно использовавшаяся в целях коммунистической пропаганды.

Если мы посмотрим в названный выше словарь (вып. 10), то увидим, что это понятие образовалось от слова *наук* — наставление, назидание, научение. Чему? Чтению и пониманию Библии. А в европейской средневековой культуре сходное значение имело греческое по своему происхождению слово *схоластика* — церковная школьная дисциплина, опиравшаяся на авторитет богооткровенных истин; с появлением же национальных языков оно было вытеснено и на смену ему пришло новое понятие — *scientia*, включающее в себя физический эксперимент и математические расчеты. А затем, когда стали размышлять о предпосылках собственно научного знания, появилась философия науки.

Таким образом, в Европе шла постоянная рефлексия как над опытом человеческой жизни в целом, так и

относительно занятий человека в области науки, искусства, религии, права и их роли в истории. Причем особую роль в этом играла семантика латинских слов *ars, artis* — ремесло, занятие; искусство, наука (*artes ingenuae; liberales* — свободные искусства). В русском же языке слова «наука» и «искусство» сохранились (несмотря на революцию 1917 года), и марксистская идеология не случайно превратилась в СССР в единственно верное учение, оправдывающее существование тоталитарного режима.

Но вернемся к политике. Почему искусство *возможного*? Потому что невозможно?.. Политика есть искусство возможного в условиях или в ситуации *невозможного*? Иначе не совсем понятно. Смысловая нагрузка находится где-то здесь — в отношении к ситуации невозможного. Тут и завязываются узлы нашего отношения к политической реальности и ее понимание.

Следовательно, формула может выглядеть так: политика — это искусство возможного в условиях невозможного, когда политики и бизнес в поисках выхода из тупика ищут выход. Надо что-то делать, но что? Формула гласит: политика — искусство возможного... достижения доверия, согласия? Между кем — властью и обществом? Между взаимоисключающими интересами политиков, борющихся за власть? За сохранение власти? Между религиями, этносами, культурами?

Ответы на эти вопросы в европейской истории искали Афины и Спарта, сторонники Римской республики и Римской империи; Данте и Макиавелли; Англия и Франция, основатели национальных государств и творцы колониальных империй. Продолжая

войны, заключая союзы и договариваясь о мире.

А сегодня? Что такое политика как искусство возможного в условиях современного поиска людьми форм социальной защиты от пандемии коронавируса, изменения климата, угрозы ядерной войны? Смогут ли современные государства делегировать для решения этих проблем часть своих полномочий некоему наднациональному политическому институту?

24 апреля 2021 г., в Международный день многосторонности и дипломатии во имя мира, группа из более чем 100 гражданских организаций опубликовала петицию к Организации Объединенных Наций, требующую включить гражданское общество в процессы глобального управления. Петиция начинается словами «Мы, народы» (отсылающими к первой строке преамбулы Устава ООН) и призывает ООН осуществить три конкретные реформы:

Во-первых, создать гражданскую инициативу мира, которая позволит вносить в повестку дня Генеральной ассамблеи ООН или Совета Безопасности ООН свои предложения, если они достигли определенного порога народной поддержки.

Во-вторых, создать Парламентскую ассамблею ООН, которая сможет «лучше отражать разнообразие взглядов людей со всего мира».

В-третьих, создать пост посланника ООН по вопросам гражданского общества, который будет ответственным за реализацию более инклюзивной стратегии по взаимодействию гражданского общества и ООН.

29 апреля 2021 г. была опубликована беседа Нилса Гилмана и Джонатана Блейка с Фрэнсисом Фукуямой.

Во время беседы Ф. Фукуяма подчеркнул, что потребность в международном сотрудничестве в настоящее время особенно актуальна, но прежде, чем создавать наднациональную структуру, нужно продумать стратегию достижения этой цели, так как политические институты долгое время были просто машинами для накопления власти и не использовали свои полномочия в конструктивных целях.

Таким образом, авторы петиции предлагают в условиях глобального кризиса *включить в процесс реформирования ООН гражданское общество*, и Ф. Фукуяма говорит фактически о том же, о наднациональной структуре и необходимости продуманной стратегии при ее создании. Или, другими словами, о достижении цели. Поскольку и в этом случае речь идет об отношении к той же по сути ситуации невозможного, о которой говорилось выше. И теперь добавлю: когда цель и смысл достижения цели совпадают, включая в себя «пессимизм знания и оптимизм действий».

В природе нет целей. Только человек обладает способностью ставить перед собой цели. И задаются они нашей телесной, чувственной природой — желаниями и потребностями, которые политики называют интересами.

А цели, свободные от чувственной заинтересованности человека, существуют? Да, это цели моральные, по словам Канта, диктуемые нашим разумом. Человек свободен абсолютно,

когда действует исключительно ради морального долга. Но жить по правилам только морали он не может. И ведет себя, как правило, свободно, исходя из потребностей (личных, групповых, государственных), не задумываясь, что эта его свобода и свобода другого неизбежно порождают конфликты и войны. Поэтому Фукуяма по-своему прав, когда говорит: «Я не вижу способа, при котором управление применением насилия могло бы быть делегировано вышестоящим наднациональным структурам».

Однако, на мой взгляд, такой способ очевиден. Это подтверждает фраза о «пессимизме знания и оптимизме действий», выражающая суть права как такового. Его составляющие — постоянный дефицит необходимого знания и осознанная готовность «делать свою работу». Согласно известному императиву, поступки наши нравственны, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

Мировое право — это не цель, а движение к цели, ибо целью является мораль, конвертируемая в право. Закон обязывает, а право позволяет, открывает возможности.

Норма права — это правило поведения в отличие от статьи нормативно-правового (законодательного) акта, являющегося формой выражения суверенной государственной воли. И именно о нормах права говорится во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.

*Ингеборг Брейнес,
бывший сопредседатель
Международного бюро мира,
старший советник Всемирного
саммита лауреатов
Нобелевской премии мира*

О культуре мира*

Я расскажу о культуре мира, которую можно рассматривать как утопию либо как альтернативную политику безопасности, а также поделюсь информацией о проекте мира и диалога между гражданским обществом Северной Европы и России.

Несколько слов из моей биографии. Я родом из Северной Норвегии, у меня гуманитарное образование и большой опыт работы в ЮНЕСКО — Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, где я занимала несколько различных должностей: генерального секретаря норвежской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, координатора программы для женщин в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, директора программы по делам женщин и программы «Культура мира», представителя ЮНЕСКО в Исламабаде и Женеве. В течение многих лет на общественных началах я принимала участие в деятельности норвежского и международного движения за мир и, в частности, старейшей в мире действующей международной организации по поддержанию мира — Международного бюро мира (IPB). Я также являюсь старшим советником нобелевских саммитов, которые были учреждены Михаилом Горбачевым после того, как он получил Нобелевскую премию мира. Нобелевские саммиты проходят раз в год и собирают лауреатов Нобелевской премии мира для обсуждения тем, представляющих для мира жизненно важный интерес. Руководителем секретариата является Екатерина Загладина.

При попытке переосмыслить концепцию безопасности и разработать жизнеспособные стратегии обеспечения мира возникает множество вопросов. Как

* Выступление на семинаре в Стокгольме 27 ноября 2021 г.

изменить столь драматичную и тревожную ситуацию, которая сейчас сложилась в мире? Каковы наши альтернативы — как в мировом масштабе, так и на уровне отдельных стран? Как вывести мир из милитаристского определения безопасности? Каковы наилучшие методы для стимулирования развития от культуры войны, насилия, подозрительности, образа врага и пропаганды к культуре сотрудничества, взаимопомощи, мира и ненасилия?

Ответы на эти вопросы, конечно же, будут варьироваться в зависимости от нашего прошлого, условий, контекста и личного опыта. Наши слепые зоны часто более заметны для других, чем для нас самих. Моя сегодняшняя презентация будет отражать тот факт, что я с Запада — из географической области, о которой я наиболее хорошо осведомлена и в жизнь которой я, будучи конструктивно критичной, возможно, смогу внести некоторые изменения. Ваше прошлое, вероятно, другое. На мое мировоззрение влияет как *IPB*, так и программа «Культура мира», разработанная ЮНЕСКО в 1980-х и 1990-х годах.

Концепция «Культуры мира» была поистине новаторской. Это было серьезное переосмысление стратегий безопасности. Она открыла новое видение будущего. Весьма разнообразные группы нашли в «Культуре мира» платформу для плодотворного взаимодействия и взаимного вдохновения. Хочется надеяться, что станет возможным лучше соединить культуру мирного мышления как с реализацией Целей ООН в области устойчивого развития, так и с Парижским соглашением по климату.

«Культура мира» определяется как ценности, взгляды и модели поведения,

которые отвергают насилие и стремятся предотвращать насильственные конфликты путем устранения их первопричин, а также решения проблем посредством диалога и переговоров — между отдельными людьми, группами и нациями. Эта концепция сосредотачивает в себе не только понимание мира как отсутствие войны, каким бы важным оно ни было, но и фокусируется на содержании и условиях мира. Программа «Культура мира» с ее восемью основными столпами направлена на формирование культуры мира через образование, устойчивое социальное и экономическое развитие, уважение прав человека, гендерное равенство, участие в демократических процессах, терпимость и солидарность, свободный обмен информацией и знаниями и, наконец, международный мир и безопасность. Программа ЮНЕСКО «Культура мира» на самом деле представляет собой план альтернативной политики безопасности.

Окончание холодной войны дало толчок всей концепции «Культуры мира», а появление социальных сетей способствовало превращению этой концепции в настоящее движение. Около 75 миллионов человек подписали Манифест ЮНЕСКО 2000 года в поддержку культуры мира и ненасилия, взяв на себя обязательство, я цитирую, «уважать все живое, отвергать насилие, делиться с другими, слушать, чтобы понимать, сохранять планету и заново открыть для себя солидарность».

Программа «Культура мира» неслучайно была разработана ЮНЕСКО — этическим и интеллектуальным подразделением ООН, организацией, обладающей полномочиями и многолетним опытом в укреплении мира по-

средством международного сотрудничества в области образования, науки, культуры и коммуникации. Многопрофильная группа сотрудников ЮНЕСКО работала почти круглосуточно, в том числе и с внешними партнерами. Мы действительно думали, что спасаем мир, не меньше! Мы были абсолютно счастливы, когда ООН провозгласила 2000 год Международным годом культуры мира, за которым последовало Международное десятилетие культуры мира и ненасилия ради детей всего мира. Представьте, что вы

Мы рискуем разрушить нашу прекрасную планету – дом для всей той жизни, какой мы ее знаем

вступаете в новое тысячелетие со стратегией перехода от культуры войны и насилия к культуре мира и ненасилия!

Однако драматические события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и их последствия серьезно помешали согласованному плану действий. С тех пор страх и борьба с терроризмом стали доминирующими как в международном дискурсе, так и в использовании ресурсов. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), общество сейчас тратит на военные нужды почти два триллиона долларов в год — больше, чем когда-либо в истории. Чрезмерные военные расходы — это не только кража ресурсов у тех, кто голодает и страдает, но и сомнительное средство обеспечения безопасности человека и культуры мира. Существенное сокращение военных расходов могло бы ликвидировать ужасающую нищету и положить конец невыносимым условиям,

в которых живет почти треть населения нашей планеты — в основном женщины, дети и молодежь. Международные военные расходы за один год составляют гораздо больше, чем 600 средних годовых бюджетов ООН. Мирового военного бюджета за восемь дней будет достаточно, чтобы дать 12 лет бесплатного качественного образования каждому ребенку на земле. Как при таком дисбалансе ООН сможет должным образом выполнять свою работу? Существенное сокращение военных расходов укрепило бы и усилило возможности как Организации Объединенных Наций, так и движения за мир по «избавлению грядущих поколений от бедствий войны», как указано в Уставе ООН.

Кажется очевидным, что мы больше не можем продолжать злоупотреблять мировыми ресурсами — как финансовыми, так и интеллектуальными — в военных целях. Кроме прочего, все эти чрезмерные военные расходы не способны обеспечить желаемую безопасность. Фактически военные делают нас более уязвимыми как с экономической, так и с экологической точки зрения: они забирают огромное количество ресурсов, необходимых совсем для других целей, и производят огромные выбросы парниковых газов, радиации и загрязнений. Нельзя допустить, чтобы военные и дальше оставались вне международных соглашений по климату и продолжали оставлять тяжелые отпечатки своих ботинок на земле, воде, в воздухе и даже в атмосфере. Мы рискуем разрушить нашу прекрасную планету — дом для всей той жизни, какой мы ее знаем. Вооруженные силы должны быть реформированы и

переподготовлены для борьбы с глобальным климатическим и экологическим кризисом. Ситуация требует принятия действительно срочных мер и комплексного подхода, включающего переосмысление отношения к расточительным, разрушительным моделям производства и потребления.

Мы должны перевести деньги из военного сектора в социальный и изменить наши приоритеты — только так мы сможем не заикливаться на фиктивных угрозах, которые создаются в основном для обслуживания военно-промышленного комплекса, а бороться с реальными опасностями, которые действительно угрожают нашей жизни, такими как климатический и экологический кризис, пандемии, ядерная угроза и быстрорастущее неравенство. Еще президент Эйзенхауэр предупреждал о «серьезных последствиях» роста военно-промышленного комплекса: «Каждая изготовленная винтовка, каждый спущенный на воду военный корабль, каждая выпущенная ракета означают в конечном счете кражу у тех, кто голодает и не накормлен, у тех, кто мерзнет и не имеет одежды».

Война — это рудимент: она убивает и калечит, разрушает инфраструктуру и уничтожает средства к существованию, делает беженцами миллионы людей. Учитывая вопиющие неудачи военизированной «безопасности» в решении любых серьезных проблем, которая фактически их усугубляет, даже крупные державы теперь, возможно, будут с большим вниманием прислушиваться к потребностям людей, к важности продовольственной безопасности, безопасности в области здравоохранения — как ради выживания человечества, так и ради выживания планеты.

Женщины всегда были решительными сторонницами концепции «Культуры мира». В заявлении ЮНЕСКО о вкладе женщин в «Культуру мира» подчеркивается тесная связь между гендерным равенством, развитием и миром: «Не может быть прочного мира без развития, а устойчивого мира — без полного равенства между женщинами и мужчинами». Инициативы женщин в защиту мира часто проистекают из гнева и разочарования в политических решениях, на которые они не смогли повлиять. Их жизненный опыт, не в последнюю очередь связанный со сферой заботы и ухода, позволяет им обладать иным взглядом на порядок вещей, иными методологическими подходами и альтернативным видением решения тех или иных проблем. Таким образом, женщины могут играть значительную — и значимую — роль на политической арене, где традиционно доминировали мужчины. Возможно, гендерный баланс на разных уровнях управленческого сектора сделал бы планету совсем другой — более справедливой и мирной.

Многие мужчины тоже страдают от смиренной рубашки, в которую их облачила гегемонистская и устаревшая мужественность, настойчиво требующая соответствия стереотипным характеристикам: быть кормильцем, сверхрешительным, сильным, неэмоциональным, агрессивным и т.д. Одна из важнейших рекомендаций в отношении мужчин, мужественности и насилия, вынесенных на конференции ЮНЕСКО в контексте «Культуры мира» (Осло, 1997 год), заключалась в том, чтобы обучать мальчиков и юношей ненасилию и равноправному партнерству.

Воспитание мира в самом широком смысле этого слова лежит в основе культуры мира. Нам нужно научиться жить вместе мирно. К сожалению, большинство школьных систем вместо того, чтобы обучать сотрудничеству и взаимопониманию, поощряют соревнование и соперничество и готовят к иерархическому укладу. Помимо разоружения и демилитаризации, вероятно, одна из важнейших задач сегодняшнего дня состоит в том, чтобы помочь всем, и не в последнюю очередь мальчикам и мужчинам, научиться разрешать разногласия и конфликты ненасильственными способами.

Как неоднократно отмечалось, первая жертва войны — это правда. В ситуации холодной войны, подобной той, которая снова разыгралась между Россией и Западом, а также между США и Китаем, возрастает риск распространения односторонней информации и стереотипного восприятия друг друга. Для «других» создаются образы врагов, а политики и лидеры демонизируются и дегуманизируются. Но мы должны перестать смотреть на «других» как на неменяемых и опасных врагов. Эта ситуация усугубляется языковыми барьерами, которые затрудняют как взаимодействие на более глубоком уровне, так и проверку источников информации. Нет четкого понимания, как эффективно бороться с фейковыми новостями и пропагандой. Средства массовой информации находятся в руках очень небольшого числа людей. Как известно, 90% всех мировых СМИ принадлежат шести компаниям и 15 миллиардерам. И эта столь маленькая группа людей оказывает огромное влияние на то, как мы думаем, чувствуем и живем. На Западе свобода прессы подвергается

особому давлению со стороны крупных коммерческих собственников и транснациональных корпораций, имеющих свои собственные политические и деловые интересы. На Востоке, по видимому, доминирует политическая собственность.

Ненасильственные решения, как правило, не считаются стоящим информационным поводом. Язык мира часто воспринимается как наивный, непрофессиональный, эмоциональный. Хотя для меня, как раз наоборот, более наивна вера в то, что современное смертоносное оружие принесет мир, потому что если бы это действительно было так, у нас давно был бы мир во всем мире.

Новые технологии и интернет делают нас менее зависимыми от традиционных средств массовой информации. Это открывает демократическое пространство для общения между людьми, но этим пространством все чаще злоупотребляют, в том числе так называемые интернет-тролли. Сложные алгоритмы помогают направлять определенную информацию определенным группам. Становится все труднее и труднее понять, где на самом деле правда. «Мирный дискурс исчез», — говорит исследователь мира Ян Оберг. Слово «мир» практически не используется ни в политических сферах, ни в средствах массовой информации, ни в научных кругах. Вместо этого все более и более распространенным становится милитаристский нарратив, что чревато общей милитаризацией сознания. Провокационная и оскорбительная риторика препятствует международному диалогу. Если наша цель — сотрудничать и заводить друзей, а не врагов, то слова, которые мы используем, говоря друг о друге, очень важны. Необходима порядочность.

Ансельм Кифер. Семь небесных дворцов. 2009.

В своей статье «Риторика милитаризма» Эндрю Бикфорд рассказывает, что словами, изображениями и символами манипулируют — как для разжигания конфликтов, так и для того, чтобы военные вмешательства казались неизбежными, неоспоримыми, необходимыми и даже полезными. Производители оружия, некоторые представители индустрии развлечений и другие силы участвуют в распространении милитаристской идеологии, часто ориентированной на молодежь. Ник Тёрс в своей книге *The Complex: How the Military Invades Our Everyday Lives* (2008) называет это американским «военно-промышленным технологически-развлекательным академическим медиа-корпоративным комплексом».

Слово «война», впрочем, также не используется — наверное, потому, что конфликтующие стороны не хотят слишком расстраивать людей, ведь они тоже борются за их сердца и умы. Вероятно, это связано еще и с тем, что когда война не объявлена, то в соответствии с гуманитарным правом легче избежать осуждения. Когда правящие классы говорят о безопасности, это в большинстве случаев означает военную безопасность. То, что мы называем войной, в основном называется ограниченными или точечными операциями, упреждающими ударами, бесполетными зонами, расширенными военными действиями, военными операциями и даже гуманитарными операциями и гуманитарными интервенциями.

Суждения «воинственного класса» часто абсолютно непостижимы. Они используют, как правило, фальшивый, лживый, перевернутый с ног на голову или вывернутый наизнанку язык. Чтобы скрыть разжигание войны, ис-

пользуется лексика, которую люди привыкли ассоциировать с благородными целями. Военные решения в значительной степени остаются за рамками демократических процессов. Кроме того, увеличение использования технических терминов и сокращений, незнакомых большинству, препятствует демократическим процессам и вовлечению людей. А новые стили государственного управления вызывают дальнейшее отчуждение.

Контроль над новыми технологиями и информационными каналами дает огромные преимущества, в том числе для наблюдения и шпионажа. Сеть 5G позволяет «большому брату» видеть нас где угодно и когда угодно, а также дает возможность направлять в нашу сторону дроны или роботов-убийц, атаковать и убивать с большей точностью.

Журналисты-миротворцы, информаторы (речь идет о *whistleblowers*, людях, которые заявляют о нарушениях в какой-то организации, частью которой они сами являются. — *Прим. пер.*) и правозащитники — все они подвергаются риску, когда разоблачают ставшие слишком распространенными лицемерие и жадность сильных мира сего, когда сводят на нет их усилия по сохранению военных зверств в секрете, вне новостной повестки и вне судебной системы. По данным ЮНЕСКО на октябрь 2019 года, каждый год убивают сотню журналистов. Независимость журналистов как от коммерческого, так и от политического влияния нуждается в защите. И те немногие журналисты, которые все еще занимаются вопросами мира, которые действительно ищут реальные причины войн и насильственных конфликтов

и предлагают ненасильственные решения, нуждаются в нашей поддержке.

Нобелевская премия мира в 2021 году присуждена филиппинской журналистке Марии Рессе и редактору Дмитрию Муратову («Новая газета») из России за их усилия по защите свободы слова, которая является необходимым условием демократии и прочного мира. Вынесение свободы слова на первый план очень важно, но трудно не сожалеть о том, что ни Джулиан Ассанж, ни Эдвард Сноуден не были включены в число лауреатов. Ведь именно они раскрыли военные преступления Запада, его секреты и ложь, а сейчас расплачиваются за эти разоблачения под клеймом «угроза национальной безопасности».

Россия представлена на Западе как угроза — и в средствах массовой информации, и в основной политической риторике. Почему и кем создан этот образ врага? Кому выгодна такая ситуация? Одновременно и в России доминирует образ Запада как врага.

В последние годы предпринимались и предпринимаются определенные усилия по укреплению отношений между гражданским обществом Северной Европы и России под лозунгом «Соседи как друзья, а не враги». В частности, в 2018 году около 30 человек из разных стран Северной Европы посетили Россию с намерением узнать больше о стране, пообщаться с участниками движения за мир и в какой-то степени внести свой вклад как во взаимопонимание, так и по возможности в снижение напряженности. Мы хотели показать, что не все на Западе страдают русофобией.

У Норвегии никогда не было никакого вооруженного конфликта с Россией. Народы Севера, в том числе

коренные саамы, финны, норвежцы, русские и шведы, ради своего выживания на протяжении веков опирались на обмен товарами, торговлю и добрососедские отношения. Однако эти новые возможности в Арктике, к сожалению, становятся предметом значительных коммерческих интересов и усиливаются и без того высокую напряженность между Западом — прежде всего США — и Россией. Эта напряженность является основной движущей силой нынешней милитаризации и гонки вооружений, включая как обычное, так и ядерное оружие. Обе стороны используют свои колоссальные ресурсы для наблюдения, в том числе и за атомными подводными лодками, скрывающимися в глубоких норвежских фьордах и под полярными льдами. Военные учения НАТО и США в Норвегии становятся все масштабнее и проводятся все ближе к российской границе. Представьте, если бы то же самое делала Россия в Мексике на границе с США!

В Норвегии, недалеко от одного из важнейших военных объектов России на Кольском полуострове, сооружаются американские склады оружия и боеприпасов, устанавливаются радары наблюдения и базы с солдатами и истребителями. Это подрывает доверие, жизненно необходимое для настоящего сотрудничества и для нашего выживания. Это также подвергает риску Норвегию, поскольку ни одна из крупных держав не хотела бы, чтобы потенциальная война произошла на ее территории. Это безумие должно прекратиться. Я надеюсь, что не задену ничьих чувств, но для меня ракеты и подводные лодки — это символы абсолютно устаревшей маскулинности и агрессии, которой слишком долго

позволялось управлять международными отношениями.

В этом контексте важно взглянуть на роль НАТО. НАТО было создано в 1949 году как североатлантическая оборонная организация для противостояния тому, что воспринималось как коммунистическая угроза со стороны Советского Союза. В качестве ответного шага в 1955 году Советский Союз

Нам, гражданскому обществу, необходимо расширять наши знания, укреплять наше сотрудничество и искать наилучшие общие стратегии. Мы сможем внести свой вклад в новый гуманизм, новое просвещение, экологичную, безотходную экономику, в общую безопасность

вместе с другими странами Восточной Европы создал Варшавский договор. Когда Советский Союз распался, прекратил свое существование и Варшавский договор, холодная война закончилась, капитализм вроде как победил. Не было больше никаких оснований и для существования НАТО. Но вместо того, чтобы ликвидироваться, НАТО расширило свои владения далеко за пределы Северной Атлантики, сегодня это крупнейшая военная сила в мире.

Когда президент Горбачев внедрил серьезные изменения в советскую политическую систему, никакой положительной ответной реакции от Запада, к сожалению, так и не последовало. Прозвучал призыв к всеобщей безопасности, дополнительно подкрепленный Комиссией Пальме, с надеждой на взаимное выживание, а не на взаимное уничтожение и с мечтой о мире

от Ванкувера до Владивостока. НАТО обещало Горбачеву не продвигаться «ни на дюйм на восток», но вскоре нарушило свое обещание, и теперь большинство бывших восточноевропейских государств являются членами как ЕС, так и НАТО. США фактически окружают Россию своими военными базами, что рассматривается как провокация и подстегивает к ответным действиям. Согласно существующим известным данным, у США насчитывается от 750 до 1000 военных баз, в то время как у России их восемь. Мы наблюдаем, как происходящее все больше и больше становится похоже на новую гонку вооружений.

Многие из нас глубоко подавлены и разгневаны тем, как сегодня устроен мир, напуганы стремительно развивающимися экологическими и климатическими кризисами, а также милитаризацией, модернизацией и распространением ядерного оружия, способного уничтожить человечество и планету. Кроме того, стремительно растет пропасть неравенства — между теми немногими, у кого много ресурсов, и многими, кто живет в крайней нужде и даже голодает без надежды на достойную жизнь. Это вызывает оправданный, а иногда и опасный гнев у тех, кто остался брошенным на произвол судьбы.

Однако подавляющее большинство ведущих мировых лидеров продолжают вести себя так, будто военная мощь является ответом на все вызовы современности. Это отсылает нас к старой латинской пословице: «Хочешь мира — готовься к войне» (*Si vis pacem, para bellum*). Нам нужно доказать, что такое

мышление опасно и устарело. Если мы хотим мира, мы должны готовиться к миру, и нам нужно устранять коренные причины конфликтов, а не только их симптомы. И нам, гражданскому обществу, необходимо расширять наши знания, укреплять наше сотрудничество и искать наилучшие общие стратегии в надежде, что мы сможем внести свой вклад в новый гуманизм, новое просвещение, новую экологичную, безотходную экономику, в общую безопасность.

Как богатые, так и бедные государства, похоже, вынуждены участвовать в гонке вооружений, тратя на армию и оружие больше, чем им нужно — и чем они могут себе позволить. Продолжение процесса милитаризации, часто находящегося вне демократического контроля, порождающего коррупцию и выгодного в основном только производителям и торговцам оружием, — это опасный путь, который не принесет надежды молодым людям, находящимся в отчаянии. Страны сильны не демонстрацией оружия, а заботой, которую они проявляют к людям и планете.

Нам нужен мир на Земле, а также мир с Землей. Экологические проблемы волновали многих молодых людей, с которыми мы встречались в России. С тех пор шведская школьница Грета Тунберг всколыхнула мир идеями о том, что мы должны действовать настолько быстро, будто наш дом *уже* охвачен огнем. Тысячи молодых людей по всему миру опасаются климатической катастрофы, которая уже ощущается в таянии льдов, в лесных пожарах, в опустынивании сельскохозяйственных земель, в разрушительных штормах, наводнениях и повышении уровня моря. Но мы бесстыдно продолжаем централизацию, ослабляем наш сельскохозяйственный потенциал и покрываем землю асфальтом, делая ее бесплодной. Мы должны найти такие способы производства и потребления, которые обеспечивают благополучие всего и всех и гарантируют целостность биосферы. Нам нужен новый вид общественного договора, приносящий пользу как человечеству, так и планете.

Татьяна Ворожейкина,
политолог

Политика и моральный выбор: власть и общество в России в 2021 году*

Россия переживает критический этап своей истории. Вопрос состоит в том, будет ли эта история и дальше полностью определяться логикой власти, или общество сможет что-то этой логике противопоставить.

Логика власти в последние двадцать лет заключалась в неуклонном стремлении ограничить, подавить и, наконец, полностью исключить любые проявления независимых действий и самоорганизации в обществе. За это время власти удалось установить практически полный контроль за средствами массовой информации, включая телевидение и подавляющее большинство газет, существенно ограничить деятельность ведущих некоммерческих организаций, многие из которых объявлены «иностранными агентами». Этот процесс ускорился после аннексии Крыма и развязывания войны на востоке Украины в 2014 году и принял особенно устрашающие, гротескные формы после внесения в 2020 году т.н. поправок в российскую конституцию. Эти поправки и развивающие их законы, принятые Государственной думой Российской Федерации осенью 2020 — зимой 2021 года, де-факто лишают российских граждан основных гражданских и политических прав: на свободу слова, шествий и демонстраций, собраний и ассоциаций. Выборы в органы власти различного уровня уже давно превратились в фикцию, поскольку представители оппозиции не допускаются к участию в них уже на стадии регистрации кандидатов, а результаты голосования систематически подвергаются явной или скрытой фальсификации.

Стремление утвердить логику власти в качестве единственной, по которой только и могут существо-

* Osteuropa. 3/2021. <https://zeitschrift-osteuropa.de/hefte/2021/3/>

вать и взаимодействовать государство и общество в России, вполне согласуется с тем, как на протяжении путинского двадцатилетия осуществлялось последовательное выхолащивание институтов государственной власти в России — политических и правовых в первую очередь. Ликвидация независимой от исполнительных органов представительной власти; политических партий, свободных от контроля сверху; независимого суда, выборов привела к фактическому демонтажу государства в общепринятом смысле этого слова — как системы публичных институтов. На их месте за двадцать лет сложилась система частной по существу власти, не имеющей каких-либо действенных институциональных ограничений. Единственным ограничителем этой власти является она сама. Отсюда снятие конституционных ограничений на бесконечное, по сути, пожизненное переизбрание Путина президентом РФ. Отсюда же практически полное, персонализированное единство власти и собственности в России, где узкая группа людей (друзей и приближенных Путина), контролирующая исполнительную власть, одновременно контролирует и наиболее прибыльные сферы экономической деятельности. Итогом правления Путина с этой точки зрения стала глубокая институциональная деградация и политическая демодернизация, иначе говоря, тупик, выход из которого этот режим не может предложить в силу собственной природы.

Напротив, в российском обществе в последние 15–20 лет развиваются процессы модернизации. Они проявляются, в частности, в возникновении горизонтальных структур самоорганизации и сетей солидарности. Для растущего количества людей, в первую очередь городских жителей, взаимодействие с другими — соседями, теми, кто сталкивается со сходными проблемами, — постепенно становится нормой. Это относится прежде всего к самозащите, противостоянию коррупции и произволу властей в повседневной жизни. Защита природы и городской среды от произвола городской администрации и связанных с ней строительных компаний; защита социальных прав и поддержка уязвимых слоев населения (престарелых, бедных, детей, больных, инвалидов); защита от семейного насилия, защита животных — в этих и многих других сферах возникают сети солидарности, часть которых напрямую компенсирует неспособность государственных органов осуществлять свои функции в здравоохранении, социальном обеспечении, образовании. Благотворительность, основанная на краудфандинге, стала за последние 10 лет частью и нормой повседневности. В ней участвуют люди с самым разным уровнем дохода — от предпринимателей до пенсионеров, что позволяет оказывать эффективную и своевременную помощь тем, кто в ней нуждается. Это живые и развивающиеся сети, активисты которых зачастую берут на себя функции государства, не выполняющего или не желающего выполнять их на соответствующем требованиям общества уровне¹.

Кроме того, усиление репрессий против политических активистов, независимых муниципальных депутатов, участников протестных выступлений начиная с 2017 года привело к взрывному росту солидарности с репрессированными, арестованными и осужденными по политическим статьям. За 10 лет сложилась целая сеть правозащитных

В российских городах, в первую очередь крупных, происходит важнейший модернизационный сдвиг – отделение общества от государства. Гражданское общество формируется в противоборстве с приватизированным, коррумпированным, мафиозным государством

организаций и поддерживающих их медиаресурсов: «ОВД-Инфо», «Правозащита Открытки», «Медиазона», «Русь Сидящая» и другие, волонтеры которых оказывают юридическую, финансовую, информационную помощь жертвам репрессий и их родственникам. Впечатляющий рост солидарности был продемонстрирован в январе — феврале 2021 года, когда на протестных

митингах по всей стране было задержано более 11 тысяч человек. По свидетельству координаторов волонтерской помощи, число волонтеров, которые разыскивали арестованных, передавали им пищу и воду, соединяли их с адвокатами, выросло на порядок. Люди тратят свое время, деньги, они готовы «играть в долгую», что говорит о существенном росте доверия в этом общественном сегменте.

Все это свидетельствует о том, что в российских городах, в первую очередь крупных, происходит важнейший модернизационный сдвиг — отделение общества от государства. Гражданское общество формируется в противоборстве с приватизированным, коррумпированным, мафиозным государством². С точки зрения социолога Эллы Панеях, «мы имеем дело с постмодерными формами солидарности и доверия, мы видим, что разные люди получают возможность взаимодействовать и кооперироваться — люди, между которыми большая социальная дистанция, большие различия во взглядах, опыте, культуре. <...> И это создает органическую солидарность людей, которые могут самоорганизовываться, несмотря на различия и социальную дистанцию, и приносить в совместную деятельность разные ресурсы и компетенции. Они могут по какому-то вопросу взаимодействовать, быстро собираться в коалицию, чтобы отреагировать на разовую проблему или несправедливость, или превращаться в сообщества»³.

Гражданское общество в России, несмотря на постоянное и растущее давление, которое оказывает на него власть, живо и развивается. Формы солидарности в нем становятся все более многообразными и устойчивыми. Это, однако, не исключает того, что общество фрагментировано, а проявления гражданской солидарности — локальны и пока что с большим трудом объединяются в какое-то единое целое.

Эти очаги гражданской активности и сети солидарности сосуществуют с огромным массивом традиционалистских слоев населения, деприми-рованных экономически и социально, зависимых от государства во всех сферах жизни — от места работы, зарплат и пенсий до той ценностной и идеологической картины мира, которую им навязывает государственное телевидение. Отчасти этот водораздел проходит между жителями крупных городов с более высоким уровнем образования и доходов и остальной частью страны — малыми и средними городами и особенно сельской местностью, где соответствующие социально-экономические показатели существенно ниже. Но и этот подход не следует абсолютизировать, он не объясняет всей сложности картины: члены высокодоходных групп в крупных городах могут быть настроены вполне конформистски, в то время как жители малых городов и поселков могут активно участвовать в гражданских инициативах и волонтерских проектах. Социальная ситуация в России является очень сложной, быстро меняющейся в одних секторах и остающейся застойной, практически неизменной в других. Чрезмерные обобщения в ту или другую сторону в этой ситуации чреватые или необоснованным оптимизмом в отношении перспектив гражданского общества и роста политического активизма, или, напротив, опасностью не заметить, пропустить, не придать значения тем новым практикам, настроениям и требованиям, которые постоянно появляются в российском обществе⁴.

Таким образом, государство и общество (по крайней мере, наиболее динамичная их часть) движутся в расходящихся, если не в противоположных направлениях. Начиная с массовых выступлений 2011–2012 годов общество пытается добиться политической субъектности, осуществления принципа представительства через проведение свободных и честных выборов и осуществления периодического давления на власть путем массового протестного движения. Власть, напротив, стремится исключить любую возможность независимого, неподконтрольного действия или движения в политической сфере, которую ей удалось полностью стерилизовать и поставить под административный контроль. Политическая сфера, политика в России, по сути дела, исчезла, превратилась в пустую и бессодержательную. За двадцать лет путинского режима были полностью заблокированы те и раньше очень слабые политические институты, в которых общество, и особенно его оппозиционно настроенная часть, могло бы реализовать накопленный социальный потенциал и выразить недовольство. Политическое действие, точнее, его отсутствие стало в этой ситуации главной проблемой российского общества. Возвращение Алексея Навального в Россию 17 января 2021 года было, как представляется, попыткой внести в повестку дня субъектное политическое действие, с тем чтобы разблокировать, мобилизовать накопленный в обществе потенциал и направить его в политическую сферу.

Начиная с массовых выступлений марта 2017 года Навальный стал главным и фактически единственным оппозиционным политиком в России, способным вывести на улицу десятки тысяч людей. Это в особенности проявилось летом 2019 года в ходе массовых протестов в Москве, когда Навальный, даже находясь в заключении, призывал выходить на улицу и требовать включения независимых кандидатов в бюллетени, а так называемые несанкционированные митинги и шествия собирали десятки тысяч человек. Когда же Навальный призвал сосредоточиться на «умном голосовании» на выборах Московской городской думы, уличные протесты стали собирать в разы меньше людей. После попытки отравления, совершенной в августе 2020 года агентами российских спецслужб, положение Навального как лидера российской оппозиции парадоксальным образом укрепилось еще больше. Расследование «Фонда борьбы с коррупцией» о строительстве «дворца Путина» под Геленджиком, расследование *Bellingcat* о том, кто и как осуществил это отравление, и в особенности телефонный разговор Навального с одним из участников — все это позволило Навальному сохранить и усилить свой вес в оппозиционном движении в ситуации, когда он вынужден был находиться за границей для лечения и когда многие аналитики предсказывали ему уход в политическое небытие.

Алексей Навальный вернулся в Россию, где его уже ожидал целый набор старых или вновь открытых уголовных дел, после попытки отравления боевым отравляющим веществом. Возвращение Навального в этих условиях стало политическим актом, поступком, очень редким в российских реалиях и в реалиях российской оппозиции. Более того, это поступок с колоссальным этическим весом. Своим возвращением Навальный попытался разрушить политическую стагнацию, подорвать «логику власти» и логику бесконечной к ней адаптации со стороны остатков демократической оппозиции. Выступив лично против Путина как коррумпированного лидера режима, который убивает, Навальный пошел на колоссальный и осознанный риск, жертвуя не только собой, поскольку сохраняется непосредственная угроза его жизни, но и благополучием своей семьи. Этот шаг обескуражил многих критиков Навального в среде оппозиции: так не поступают политики, единственная цель которых заключается в том, чтобы добиться личной власти. Это поступок человека, который стремится к власти для того, чтобы изменить страну, чтобы добиться блага — как он его понимает — для людей, которые в этой стране живут.

На первых порах казалось, что Навальному удалось нарушить политическое равновесие и вызвать политический кризис. Его скандальное задержание в аэропорту Шереметьево, за которым тысячи людей наблюдали в режиме реального времени; постановление суда об аресте, вынесенное на «выездном заседании» в отделении полиции; суд, заменивший вынесенный в 2014 году приговор к условному сроку на

Клав Ржецкий (Klawe Rzeczy). Плакат. 2020

реальный, — все это было воспринято как вызов обществу и привело к массовым протестам. Демонстрации 23 января 2021 года стали самыми многочисленными с начала 1990-х годов и охватили, что очень важно, не только Москву, Санкт-Петербург и крупные города, но и десятки мелких и средних городов⁵. Большую часть протестующих составляли люди от 30 до 35 лет, многие из которых впервые участвовали в протестных акциях. 31 января и 2 февраля протесты повторились, хотя и в меньших масштабах.

Власти ответили на эти мирные протесты беспрецедентным за всю постсоветскую историю России насилием. Видео- и фотосвидетельства нападений полиции и Росгвардии на участников митингов и случайных прохожих, избиений, грубых задержаний в ходе и после демонстраций, переполненных спецприемников и центров временного содержания в течение нескольких недель заполняли социальные сети и немногие сохранившие независимость СМИ⁶. Только в Москве было возбуждено более 5,5 тысяч дел об административных правонарушениях, почти тысяча человек получили от 10 до 30 суток административного ареста, больше тысячи человек были подвергнуты штрафам⁷. Всего по России в связи с январскими и февральскими протестами было возбуждено 90 уголовных дел, по которым участники протестов обвиняются в применении насилия по отношению к представителям власти, в перекрытии дорог и тротуаров, в призывах к массовым беспорядкам и нарушении санитарно-эпидемиологических правил, вовлечении несовершеннолетних в противоправную деятельность и по другим, столь же лживым и сфабрикованным обвинениям. Протесты носили исключительно мирный характер, беспорядки и столкновения с полицией возникали исключительно в тех случаях, когда полиция нападала на протестующих, грубо задерживая и избивая их.

Подавление зимних протестов 2021 года и по масштабам, и по жестокости носило демонстративный характер, заставляя российских участников вспоминать картины задержаний и избиений в Белоруссии летом 2020 года. Многих задержанных, получивших административные аресты и штрафы, полицейские заставляли признавать свою вину и каяться на видеокамеры — практика, которая до этого применялась только в кадировской Чечне. Суды штамповали сфальсифицированные полицейские протоколы, окончательно превращаясь тем самым в часть карательной машины⁸. Несколько обвиняемых по уголовным делам уже получили реальные сроки — от одного года до 3,5 лет — заключения в колонии. Не-

Резкое усиление репрессивности путинского режима в начале 2021 года продолжило тенденцию его политического ужесточения

сколько видных соратников Алексея Навального, включая его брата Олега Навального, пресс-секретаря Киру Ярмыш, юриста «Фонда борьбы с коррупцией» Любовь Соболь, находятся под домашним арестом по абсурдному обвинению в «нарушении санитарно-эпидемиологических норм в ходе протестов 23 января»⁹.

Резкое усиление репрессивности путинского режима в начале 2021 года продолжило тенденцию его политического ужесточения, особенно очевидного после принятия поправок к Конституции и законов 2020 года, нарушающих основные права и свободы граждан. После распада «крымского консенсуса» 2014–2015 годов режим потерял способность к кооптации, к привлечению на свою сторону и удержанию под своим контролем молодых образованных жителей крупных городов. Ухудшение экономической ситуации в 2020 году, рост цен, продолжающееся с 2014 года падение доходов населения, в особенности усилившееся во время пандемии, привело к росту недовольства других слоев населения. В этой ситуации репрессии становятся главным, если не единственным способом общения государства с обществом.

После ареста Навального власти начали задерживать, штрафовать, отправлять под арест активистов его штабов в регионах России¹⁰. Против многих независимых политиков и активистов, которые заявили о своем намерении участвовать в выборах в Государственную думу в сентябре 2021 года, систематически возбуждаются уголовные дела, с тем чтобы не допустить этого. 26–27 апреля 2021 года Московский городской суд приостановил деятельность всех структур Алексея Навального — «Фонда борьбы с коррупцией» (который уже признан Министерством юстиции в 2019 году «иностранным агентом»), «Фонда защиты прав граждан», штабов Навального, которые прокуратура требует признать «экстремистскими организациями». Мало кто сомневается, что суд это решение примет. Это будет означать не только запрет организаций, созданных Алексеем Навальным, но и бесконечные возможности

для административного и уголовного преследования их активистов, а также десятков и сотен тысяч людей, которые оказывали им финансовую поддержку, распространяли их материалы и призывы в социальных сетях. В сочетании с законом о физических лицах — «иностранных агентах», с законом о государственном контроле над просветительской деятельностью разгром структур Навального означает, что российские власти объявляют войну практически всем независимым ассоциациям гражданского общества, их активистам, оппозиционно настроенным политикам и их сторонникам.

Роль самого Алексея Навального в этом противостоянии остается центральной. Несмотря на то что он уже больше трех месяцев находится в заключении, именно его действия по-прежнему определяют политическую повестку и власти, и оппозиции в России. Объявив 31 марта 2021 года голодовку с требованием предоставить ему врача и выдержав ее в течение 24 дней, Навальный перевел политическое противостояние с режимом и лично с Путиным в экзистенциальное и на данном этапе, похоже, выиграл его. Ситуация для очень многих противников Путина, не поддерживавших Навального или поддерживавших его условно, стала восприниматься как черно-белая, как размежевание «добра и зла»¹¹. Мобилизовав поддержку десятков тысяч людей в стране и за рубежом, политических лидеров и деятелей культуры, оставшиеся на свободе соратники Навального смогли добиться частичного удовлетворения его требований, что позволило ему прекратить голодовку.

Поставив свое противостояние с Путиным в предельную, экзистенциальную ситуацию, где ценой выступала собственная жизнь, Навальный фактически исключил возможность какой-либо критики его политической стратегии. Как в этой ситуации быть с прошлым Навального? С его активным участием и организацией «русских маршей» в 2000-е годы, его ксенофобскими высказываниями о мигрантах, оскорблениями грузин в период войны 2008 года и призывами «идти на Тбилиси» и прочим? Как с этим быть в новой политической ситуации, когда Навальный стал не только единственным лидером оппозиции, но и единственным человеком, по призыву которого люди выходят на улицу? Предать забвению и убедить себя и всех, что он «перерос», развивается, изменил свою позицию, как это сейчас делают практически все его сторонники в либеральном лагере? Встает этическая проблема критики Навального, совершившего поступок, который не преувеличивая можно назвать самопожертвованием сидящего в тюрьме с угрозой для жизни, но имеющего весьма специфическое прошлое.

Лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский попытался это сделать, опубликовав в начале февраля большую статью с критикой стратегии Навального, с критикой массовых уличных акций вообще и в особенности тех, на которых полиция встречает людей дубинками и автозаками. Явлинский приравнивал антикоррупционные расследования Навального

к разжиганию «классового популизма» и «примитивной социальной розни». Обвинив Навального и его окружение в равнодушии к «поломаным судьбам граждан, которые по их призыву вышли на несанкционированные акции и оказались за решеткой», Явлинский весьма категорически заявил, что «демократическая Россия, уважение к человеку, свобода, жизнь без страха и без репрессий несовместимы с политикой Навального. Это принципиально разные направления»¹².

Реакция общества на эту критику очень показательна. Прежде всего, эта критика была воспринята как абсолютно несвоевременная и аморальная по отношению к человеку, который находится в тюрьме и поэтому не может ответить. Более того, критикующий неизбежно становится на сторону власти, для которой Навальный — главный противник. Критика стратегии уличного противостояния власти как бессмысленной и опасной для его участников полностью абстрагируется от отсутствия альтернативы. Недовольство общества нарастает, а выхода нет. Ситуация бездействия, неспособности к действию порождает в людях гораздо большее разочарование и чувство беспомощности, чем полицейские дубинки, избиения и аресты. Обвиняя Леонида Волкова в том, что он бросил народ под дубинки, Явлинский фактически отрицает субъектность участников протестов. Решение о выходе на улицу люди принимают сами, это их ответственность перед собой и собственной совестью. Это очень важная вещь: преодоление страха способно переломить политическую ситуацию на этической основе, за что, собственно, и выступает Навальный¹³. При всей неоднозначности политического прошлого Навального он ключевая фигура оппозиции, и сводить эту фигуру к национализму и популизму в нынешней ситуации ошибочно.

Что может сделать общество, которому российская власть фактически объявила войну? С каждым месяцем и днем репрессии, запреты, властный произвол становятся все более масштабными и повсеместными. 13 марта 2021 года полиция разогнала в Москве форум муниципальных депутатов, задержав всех его участников, 200 человек, обвинив их в «сотрудничестве с нежелательной организацией». 14 апреля 2021 года были задержаны и помещены под домашний арест редакторы студенческого издания *DOXA*, которых обвиняют в вовлечении несовершеннолетних в протесты на основании видеоролика солидарности со студентами и школьниками, на которых оказывалось давление после январских демонстраций. С 1 июня 2021 года вступают в силу поправки к Закону об образовании, которые фактически запрещают в России независимую от государства просветительскую деятельность. Власти демонстрируют решимость применять репрессии ко все большему числу горизонтальных ассоциаций, которые возникли в России в последние десятилетия.

Какой может быть в этих условиях стратегия оппозиции? Партия «Яблоко», единственная зарегистрированная оппозиционная

Джессика Гриндстафф и Эрик Санко. *Phantom Limb's 69°S*. 2011

организация, призывает к отказу от уличного протеста и сбережению сил для участия в предстоящих в сентябре 2021 года выборах в Государственную думу. Стратегией штабов Навального до их запрета было так называемое умное голосование — призыв голосовать за любого кандидата, который имеет шанс победить кандидатов правящей «Единой России». Представляется, что обе эти стратегии ущербны. Выступая против уличных протестов, критикуя сидящего в тюрьме Алексея Навального, партия «Яблоко» рискует потерять даже то крайне незначительное количество голосов, которые она собрала на предыдущих выборах¹⁴. «Умное голосование» Навального игнорирует тот очевидный факт, что все партии так называемой системной оппозиции — Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, партия «Справедливая Россия» — давно уже стали органической частью путинской политической системы. Призыв голосовать за кандидатов этих партий, игнорируя сталинизм коммунистов, радикальный национализм жириновцев и имперские настроения нового, прилепинского пополнения «Справедливой России»¹⁵, создает лишь иллюзию оппозиционного голосования. Кроме того, серьезная этическая и политическая проблема «умного голосования» заключается в том, что оно выхолащивает сам принцип демократического представительства, который предполагает, что общество, индивид голосуют за своего представителя и отвечают за него. Если же избиратель голосует за того, на кого, согласно логике «умного голосования», ему указывают в последний момент другие, то он не несет за свой выбор никакой ответственности.

Как не несет ее перед избирателями и поддержанный «умным голосованием» кандидат. Российские избиратели так и не научились за тридцать лет постсоветского развития отвечать за свой политический выбор. Стратегия, использующая эту традицию ради совершенно иллюзорной краткосрочной выгоды, представляется близорукой.

Остается стратегия уличного протеста. 23 марта 2021 года оставшиеся на свободе соратники Навального призвали его сторонников регистрироваться на сайте «Свободу Навальному!», где можно было выбрать на карте России город, улицу и дом, с тем чтобы люди видели, что их много. По достижении 500 тыс. регистраций организаторы собирались объявить новую дату массовых протестов. Однако это пришлось сделать раньше, поскольку ситуация со здоровьем голодающего Навального стала критической. 21 апреля 2021 года десятки и даже сотни тысяч людей вновь вышли на улицы российских городов с требованием допустить к нему гражданских, не зависимых от тюремной администрации врачей. Самые многолюдные демонстрации прошли в крупных городах, в Москве в первую очередь. Несмотря на то что участники были готовы к их жесткому подавлению по опыту январских выступлений, в большинстве городов власти отказались от массового применения насилия. Всего в этот день было задержано меньше двух тысяч человек, почти половина из них в Санкт-Петербурге, где задержанных избивали, применяли электрошокеры, не пускали адвокатов и насильно заставляли оставлять отпечатки пальцев.

Конечно, эти выступления не были победой гражданского общества, хотя сам Навальный расценил их именно так и прекратил голодовку. Но не были они и поражением, хотя очевидно, что вышло существенно меньше людей, чем зарегистрировалось на сайте «Свободу Навальному!». Стало понятно, что число выходящих на улицу не растет, да и сама регистрация шла гораздо медленнее, чем, по-видимому, предполагали организаторы. Тем не менее сначала казалось, что власть отступила, что запугивание оппозиции не сработало, что наступило некое промежуточное равновесие сил. Однако уже через несколько дней начались задержания участников протестов — тех, кто опубликовал в социальных сетях призывы выйти на улицу, и тех, кто вышел. Последних определяют через камеры видеонаблюдения и систему распознавания лиц. Административные штрафы и задержания на срок от 10 до 30 суток исчисляются уже десятками и, скорее всего, будут продолжаться. Власть изменили тактику: вместо массовых задержаний на улице полиция приходит к людям рано утром и забирает их в отделы, где составляют протоколы, которые потом штампуют суды. Устрашение, с одной стороны, стало индивидуальным, а с другой — распространяется на всех: среди оштрафованных и задержанных оказались политики, правозащитники, активисты, учителя, университетские преподаватели, врачи — как

очень известные, так и самые обычные люди. Очевидная цель — запугать людей, заставить всех бояться «звонка в дверь», что должно казаться особенно эффективным в стране, где жива память о массовых репрессиях 1930-х годов.

Таков промежуточный итог развития политического кризиса в России в первые месяцы 2021 года. Его можно оценивать с двух противоположных позиций. Можно констатировать крайнюю статистическую малочисленность протеста по отношению к населению России, основная часть которого в лучшем случае равнодушна и привыкла приспосабливаться к любым действиям властей. Отсюда невозможность субъектного действия. Другая позиция заключается в поиске возможностей политического действия, в гражданском сопротивлении насилию, репрессиям и произволу, в создании демократического и социального движения, которое может существовать и развиваться, только действуя даже в самой безнадежной ситуации. Как говорил Вацлав Гавел, «общество всегда должно платить или, во всяком случае, быть готовым к тому, чтобы платить за свободу, независимость, права человека, за свои успехи. Ничего не дается даром. Ради дела временами нужны огромные усилия и жертвы, независимо от того, принесут ли они пользу»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такое положение иногда устраивает коррумпированные государственные структуры, чьи функции и расходы берут на себя волонтерские организации. (Один из примеров — «помощь» волонтеров в поддержании государственных домов для престарелых, которая на деле оборачивается принятием на себя значительной части расходов по их жизнеобеспечению.) Что важнее для становления гражданского общества и правового государства — добиваться, чтобы государство выполняло свои обязательства, или, махнув на него рукой, спасать людей? Этот вопрос остается открытым.

² См.: Балинт Мадьяр. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

³ Элла Панеях. Российское общество между архаикой и постмодерном // Низовая модернизация: могут ли общество и государство двигаться в разных направлениях? / Сост. Кирилл Рогов. InLiberty (30.11.2018). <https://www.inliberty.ru/article/modern-rogov/>

⁴ Примером последнего мне представляется взгляд Льва Гудкова, согласно которому «стратегия большинства населения — адаптация через снижение требований и запросов, установка на выживание, беспринципный оппортунизм. В России возникло массовое общество, но другого типа, чем в западных демократиях, — аморфное по своей социальной структуре, потребительское, догоняющее (ориентированное на заимствование), аполитичное, без признания необходимой сложности и инициативности, но с фобией нового (не технического, не инструментального). Человек этого общества умеет и может работать, он осваивает новые виды бытовой техники, коммуникаций, молодежь — языки и новые стандарты моды, образцы массовой культуры и т.п. Но никаких

признаков расширения сферы гражданской ответственности, участия, политической активности я не вижу» (Лев Гудков. Как мы думаем // Либеральная миссия (03.02.2021). <https://liberal.ru/defense-of-democracy/kak-my-dumaem>).

⁵ Всего протестные выступления прошли в 198 городах и населенных пунктах, в них приняли участие, по разным данным, от 150 до 200 тыс. человек.

⁶ Правозащитный портал «ОВД-Инфо» зафиксировал не менее 140 случаев избиений демонстрантов, после задержания многие подверглись издевательствам и пыткам. В Москве и других крупных городах полиция и ФСБ использовали данные видеокамер и системы распознавания лиц для того, чтобы определять участников протестных выступлений («Дворцовое дело»: кто эти люди и за что их судят. Гид ОВД-Инфо. <https://ovdinfo.org/navalny-protests>).

⁷ Пресечение мирных протестов января — февраля 2021 года в России. Доклад ОВД-Инфо. <https://ovdinfo.org/reports/winter-2021-supression?fbclid=IwAR2Xzjz>

⁸ Тот факт, что Лилия Винокурова, судья Советского районного суда города Воронежа, оправдала 11 участников митингов за отсутствием подтверждающих вину доказательств, воспринимается как из ряда вон выходящий, как исключение из правила.

⁹ Обвинение в особенности бессовестное на фоне официального празднования 7-й годовщины присоединения Крыма к России, когда несколько десятков тысяч человек слушали выступление Путина на московском стадионе «Лужники», не соблюдая никаких противоэпидемических правил.

¹⁰ Поскольку власти многократно отказывались регистрировать политическую партию Навального, в 2017 году, накануне президентских выборов, была создана сеть его региональных штабов, охватывавших 69 российских городов.

¹¹ Леонид Волков, глава сети штабов Навального, призывая людей выйти на митинг 21 апреля, говорил: «Наше противостояние с Путиным не идеологическое. Это финальная битва между добром и абсолютным злом». <https://www.youtube.com/watch?v=6wUaV3sksjk>

¹² Григорий Явлинский. Без путинизма и популизма. О смыслах текущей политики. <https://www.yavlinsky.ru/article/bez-putinizma-i-populizma/>

¹³ Его главное послание, лозунг: «Я не боюсь, и вы не бойтесь!»

¹⁴ В феврале 2021 года «Справедливая Россия» объединилась с националистическими партиями «За правду» писателя Захара Прилепина и «Патриоты России» Геннадия Семигина.

¹⁵ На парламентских выборах 2016 года «Яблоко» получило чуть больше 1 млн голосов (2% принявших участие в выборах). На президентских выборах 2018 года Григорий Явлинский получил 770 тыс., или 1% голосов.

¹⁶ Вацлав Гавел. Выступление в 1999 году в Варшаве в связи с тем, что «Газета Выборча» объявила его «человеком десятилетия» («Общая газета», 27.05–2.06.1999).

Развитие социально-экономической ситуации в России может негативно повлиять на устойчивость политической системы. Например, изменение энергетического баланса способно лишить российскую власть ренты, с помощью которой она покупает лояльность населения. Какие еще ключевые средне- и долгосрочные вызовы и риски поставят под вопрос состоятельность сложившейся политической модели?

Мадам де Помпадур в Москве. Опыт систематизации рисков для российской политики*

«Нечего горевать, так и заболеть недолго. После нас — хоть потоп» (Après nous le déluge) — эта фраза фаворитки Людовика XV мадам де Помпадур хорошо описывает доминирующее настроение российского истеблишмента. После нынешнего поколения руководителей, и не только в России, может остаться один большой потоп в прямом — с учетом климатических изменений — и переносном смысле слова. Однако мы вспомнили это высказывание потому, что до недавних пор внимание российских элит, включая экономические, было привлечено чем угодно, кроме реально существующих средне- и долгосрочных вызовов.

Лишь недавно они крайне неохотно заговорили о климатических проблемах, признав их серьезными. Наиболее продвинутые экономические начальники еще в прошлом году скептически отмахивались от проблемы изменения энергетического баланса. Теперь же они время от времени упоминают и ее¹. Многочисленные разговоры в ходе этого исследования с осведомленными людьми (не только с опрошенными нами экономистами), понимающими логику мышления верхов, подтвердили гипотезу: истеблишмент живет по принципу «на наш век хватит». В смысле, что на период нашего правления хватит нефти и газа, чтобы получать достаточные доходы в федеральный бюджет и покупать за счет бюджетных расходов лояльность избирателей; хватит избранной стратегии тотального подавления гражданского общества и медийной среды; хватит пропагандистской мощи, чтобы

*Андрей Колесников,
руководитель
программы «Российская
внутренняя политика
и политические
институты»
Московского центра
Карнеги*

*Денис Волков,
социолог, директор
Левада-Центра*

* <https://carnegie.ru/2021/09/30/ru-pub-85439>

удерживать в подчинении зависящие от государства группы населения. А после этого (того же 2036-го, предельного периода пребывания Владимира Путина у власти) — «хоть потоп».

Такой подход к оценке рисков говорит о принципиальном отказе не просто от модернизационных усилий, но и от прагматического стратегического мышления. Об этом среди прочего свидетельствует, например, новая Стратегия национальной безопасности, где много выдуманных угроз с Запада, которыми торгует оптом и в розницу силовая элита, но не упоминается ни одна реальная угроза². Горизонт сегодняшнего государственного мышления — краткосрочный. Между тем настоящие риски для России — долгосрочные.

В чем причины такого рода легкомысленной оценки ситуации? Во-первых, существенная часть истеблишмента просто не верит в быстрые изменения внешней среды и в беспрецедентность новых вызовов, хотя большинство наших экспертов полагает, что элиты начинают понимать масштаб проблем. Во-вторых, их устраивает сложившаяся модель управления, они привыкли существовать в ее границах. Первые два обстоятельства приводят к тому, что, в-третьих, за последние годы люди, принимающие решения, перестали слушать экспертов. Например, им не интересна социальная политика как таковая с ее слишком отдаленными во времени результатами. Результат нужен здесь и сейчас, с сегодня на завтра, а значит, из всей социальной диагностики и социального программирования люди, принимающие решения, готовы отбирать не связанные между собой меры, например, выплаты семьям с детьми. Здесь можно утешать себя фантастически быстро изменившейся в положительную сторону статистикой³. В свою очередь, облеченные полномочиями чиновники, первыми получающие аналитические бумаги, не готовы настаивать, чтобы начальство выслушивало экспертов. Ведь казнят того, кто приносит плохие вести, зачем же бюрократу провоцировать гнев начальства? Соответственно, складывается ситуация, когда важнее получить успокаивающие цифры, анализ, прогноз, чем реальную и трезвую оценку ситуации с предложением альтернативных мер. Кстати, это одно из проявлений того, что наши эксперты называют управленческим кризисом.

Похожая картина наблюдалась в последние годы советской власти, перед перестройкой. Тогда тоже царил «консенсус бездействия», как назвал эту ситуацию в разговоре для нашего проекта экономист Андрей Мовчан. Другое ее определение — «плохое равновесие»⁴: элитные кланы боятся действовать и даже открыто говорить о проблемах, опасаясь утратить место в системе власти.

Прошло время авторитарной модернизации — масштабных программ, которые эксперты готовили для начальства («Стратегия-2020», программа Центра стратегических разработок 2017 года). Фундаментальные основы системы — политический авторитаризм и государственный

капитализм — трогать нельзя. Можно лишь технократически улучшать механизмы изнутри, предлагать не политику и стратегию, а конкретные шаги и действия с коротким горизонтом планирования и быстрым политическим эффектом. Авторитарная система может терять легитимность, но она не должна терять лояльность масс и легальность — процедуры обязаны формально соответствовать законодательству, пусть и репрессивному по своей сути.

Предпосылки исследования: каталог рисков

Задумывая наш проект, мы исходили из того, что для системы существует множество рисков и вызовов (политических, социальных, экономических, даже психологических), способных привести к тому, что нынешнее поколение управленцев просто не доживет до благостного окончания «своего века», а «потоп» начнется раньше, чем кажется. И тогда нам показалось важным составить своего рода каталог рисков. Мы сочли возможным использовать метод углубленного опроса ряда ведущих экономистов из разных сфер и разных стран, в том числе тех, кто работает на государство (часть из них по естественным служебным причинам просили не упоминать их фамилии). Всего согласились и нашли время (что не одно и то же) ответить на наши вопросы устно или письменно 23 экономиста. Двое из них иностранцы, много лет работающие в российской бизнес-среде, несколько человек живут и работают за границей⁵.

Опрос/разговор проводился по следующей матрице:

- Какие, на ваш взгляд, три-четыре главных вызова (не обязательно социально-экономических) стоят перед страной?
- Какие, на ваш взгляд, существуют ключевые вызовы для российской системы власти, связанные с тенденциями экономического развития/стагнации России? Какой у этих вызовов временной горизонт (когда они станут актуальными)?
- Какие из упомянутых вами вызовов самые серьезные и почему? Какие кризисы они могут спровоцировать?
- Какие из вызовов/кризисов могут реализоваться быстрее других (в каком примерно временном горизонте)?
- Какими могут быть последствия реализации тяжелых сценариев — массовые протесты, «бунт» элит, «бунт» предпринимателей, большая волна эмиграции, еще большее ужесточение политического режима и еще большее вмешательство государства в экономику, смена власти сверху, что-либо еще?
- Осознают ли, на ваш взгляд, российские власти те или иные стоящие перед политической системой экономические и социальные вызовы, и предпринимают ли они какие-либо шаги для их купирования? Или степень удовлетворенности экономической политикой такова, что власти

большинство этих вызовов не видят или не хотят видеть (или неточно выбирают способы решения проблем)?

- В чем вы видите основные препятствия для адекватных ответов государства и общества на эти вызовы?
- Каковы шансы российских властей в рамках нынешней модели политической власти справиться с вызовами и кризисами или в рамках существующей системы эти проблемы решить невозможно?

Разумеется, экономисты были вольны отвечать на вопросы в любой последовательности, а какие-то из них игнорировать. В конце концов, это исследование не чисто социологическое: нам было важно понять с помощью серьезных экспертов, какие вызовы существуют, и подвергнуть их систематизации и анализу.

Вызовы: общее и особенное

Исследование показало, что вызовы и вытекающие из них потенциальные или уже разворачивающиеся кризисы в высокой степени переплетаются и взаимозависимы. Например, часто упоминавшийся экспертами-экономистами кризис человеческого капитала как едва ли не основной риск для развития страны является одновременно и причиной, и следствием неэффективности российской экономической системы. Слабый экономический рост, стагнация реальных располагаемых доходов, низкоквалифицированные рабочие места ухудшают качество человеческого капитала. Низкокачественный человеческий капитал, в свою очередь, ограничивает возможности экономического развития и увеличения производительности труда.

- Потенциальные риски и кризисы не всегда разворачиваются с одинаковой скоростью. Временной горизонт отдельных вызовов — таких, например, как декарбонизация экономики (изменение энергетического баланса), существенное падение доходов бюджета, глубокий экономический кризис, утрата Россией военно-технологического паритета с Китаем и США, нарастание количества техногенных и логистических катастроф, ощущение эффекта депопуляции, — оценивается примерно в 10–15 и более лет. Некоторые вызовы — например, неравенство доходов, богатства, возможностей и прав — актуализировались уже сегодня и находятся в развитии, это риски и сегодняшнего, и завтрашнего дня. Тревожные тренды в образовании (в частности, отказ от получения высшего образования в пользу среднего профессионального из-за низких доходов семей и стремления быстрее выйти на рынок труда) обозначились уже сейчас и в среднесрочной перспективе (примерно 5 лет) могут негативно сказаться на качестве человеческого капитала. Многие наши эксперты отмечают, что потенциальные кризисы в разных сферах разворачиваются параллельно и одновременно, однако точно определить, какой из них и в каком временном промежутке «выстрелит», непросто.

Клав Ржецкий. Мечтатель. Плакат

- Адаптивность существующей политэкономической системы к потенциальным и уже существующим вызовам оценивается как достаточно высокая. Соответственно, как низкая оценивается вероятность изменений, которые могут быть начаты по решению верхов заняться политической модернизации или в связи с «бунтом» элит или низовыми протестами. Слишком глубокие изменения могут разрушить балансы сил и интересов, устраивающие эти элиты.

- Понимание элитами наличия ряда вызовов в целом присутствует. Притом что есть все-таки некоторая разница между силовыми и «гражданскими» элитными кланами. В связи с наиболее очевидными рисками, на которые еще в начале года не обращали внимания и в которые не верили, начинается бюрократическая суэта. Например, в правительстве создаются рабочие группы по адаптации российской экономики к глобальному энергопереходу — по сути дела, группы по спасению доходов бюджета⁶.

Однако в подходе к проблемам преобладает стремление каким-либо образом адаптироваться к ним, не меняя фундаментальных основ системы. И, соскочив с нефтегазовой ренты, придумать себе другую ренту. На такого рода поиски обратил внимание экономист Олег Буклемишев: «Модернизационные попытки прошлого в России часто опирались на потоки ренты, выжимавшиеся из определенных слоев населения и хозяйствующих субъектов. Поэтому сокращение объема доступной углеводородной ренты при необходимости решать задачи глобальной конкуренции (даже в самом консервативном их прочтении) будет вновь вести к поискам ренты в других областях (натиск на металлургов и прочих экспортеров тому свидетельство)⁷. Перераспределительный императив, отчасти объективный, будет тем самым придавать импульс росту государственных механизмов».

Человеческий капитал, неравенство, социальная апатия

Гигантская по своей емкости и важности тема, на которую обращают внимание практически все эксперты, — снижение качества человеческого капитала. Этот вызов «касается всех сторон жизни России и приводит к деградации всех институтов, в том числе и государства» (Евгений Гонтмахер), и он является «цивилизационным», так как способен привести, по определению Сергея Алексахенко, к «оглуплению населения». «С долгосрочной точки зрения самая главная проблема России — это разрушение человеческого капитала. Россия обладает важным конкурентным преимуществом, но это конкурентное преимущество — система образования, уважение к человеческому капиталу — постоянно разрушается, образованные люди уезжают, вузы и школы отстают от своих конкурентов. И тем самым может оказаться так, что уже через 10 или 15 лет в России не будет очевидных источников экономического роста, сокращения отставания от соседей» (Сергей Гуриев).

Конечно, этот сюжет связан с политикой — в конце концов, эмиграция, пусть и не массовая, продолжается, как и вынужденные отъезды тех, кого преследуют по политическим мотивам. Тема эмиграции не раз затрагивалась экспертами: в отъезде активных и квалифицированных граждан трудоспособного возраста большинство видит серьезную проблему, ведущую к снижению качества человеческого капитала, особенно молодых когорт. «К 2030 году трудоспособное население недосчитается

7 миллионов человек» (Никита Масленников). Кроме того, важно не только кто уезжает, но и кто остается, кто готов приспособливаться к текущим политическим и экономическим обстоятельствам, в том числе с рисками маргинализации. Это бюджетозависимые слои населения (бюджетники); те, кто предпочитает работать по найму за небольшую, но стабильную зарплату без рисков инициирования собственного частного бизнеса; миллионы людей, выбирающих надежную карьерную траекторию силовиков, военнослужащих, спецслужбистов, полицейских; чиновники разных уровней власти. Одно из наших предыдущих исследований показало, что граждане в массе своей выбирают стабильную работу, в том числе и прежде всего в государственном секторе, хотя мечтают о большей независимости для своих детей, а независимость — это частный бизнес⁸. Однако поколение «детей», молодежь в силу особенностей российского рынка труда тоже выбирает предсказуемые и более спокойные карьерные траектории, связанные с работой на государство или крупные компании: у представителей этой генерации, даже если они хорошо относятся к бизнесу, нет другого выбора по причине огосударствления экономики (об этом свидетельствуют результаты фокус-групп, которые мы проводили в августе 2021 года в ходе изучения настроений молодежи, и массовые опросы)⁹.

К этой категории относятся, по замечанию одного из экспертов в области образования, люди, чьи семьи финансово не могут потянуть хорошее высшее образование. Да и не нужно оно, ведь на рынок труда легче и быстрее выйти, надев форму полицейского или отличительный знак менеджера торгового зала, среднего профессионального образования здесь вполне достаточно¹⁰. В системе этого среднего профессионального образования далеко не всегда востребованы рабочие специальности; нужны неквалифицированные рабочие или «менеджеры», готовые сидеть на телефоне и механическим голосом перебрасывать звонок клиента в какой-нибудь технический отдел.

По замечанию того же эксперта, данная ситуация «свидетельствует о сокращении ресурсов семей и сжатии временного горизонта при выборе образовательных траекторий: будущее (стратегически) не строится. Это косвенно подтверждает, что экономика не развивается, сложное знание и современные компетенции не нужны. То же самое показывает и ситуация с дополнительным профессиональным образованием (ДПО): все призывы его развивать ни к чему не приводят, повышения квалификации не происходит, экономика его не требует, в социальной сфере (врачи, учителя) ДПО все более формально. Временной горизонт, когда население четко осознает, что у детей «плохо с будущим», лет 5–7».

Но качество человеческого капитала сопряжено и с другими проблемами. Это и диспропорции регионального развития (в том числе потому, что квалифицированная рабочая сила распределяется неравномерно, тяготея к Москве, Санкт-Петербургу и нескольким очень немногим

Ричард Принц. *Blasting Mat Studies*. 2021

резервуарам рабочих мест), и не слишком высокое качество здравоохранения и образования, где тоже существуют региональные диспропорции. Это и сокращение трудоспособного населения вкупе с его старением, и стагнация производительности труда при неспособности рабочей силы ответить на технологические вызовы. Неравенство и бедность также не способствуют улучшению качества человеческого капитала. Да и резко ухудшившаяся ситуация с соблюдением прав человека и прав собственности снижает экономическую отдачу от бесправного и апатичного работника.

Депопуляция уже идет — на фоне высокой смертности, низкой рождаемости и сокращения миграционного притока. Концентрация населения в трех макрорегионах — Большой Москве, Большом Петербурге и на оси «Ростов — Краснодар — Сочи» (Дмитрий Прокофьев) — еще больше усугубляет процессы депопуляции в оставшихся регионах, которым начинает не хватать работников трудоспособного возраста. Происходит «размложение» рабочей силы (Владимир Гимпельсон). Эксперты, как уже было отмечено выше, хотя и не ждут массовой эмиграции, но подчеркивают, что утечка мозгов будет продолжаться.

«Текущий дефицит качественной рабочей силы особенно проявляется в сфере ИТ (например, в медицине — в работе с современным оборудованием); количественно нехватка работников на любой крупной стройке достигла уровня, при котором возникли инициативы по привлечению солдат, заключенных и увеличению притока мигрантов» (Владимир Гуревич). Все это вместе вызывает высокую степень социальной

апатии, неготовность предпринимать усилия для улучшения своего социального статуса, приспособление к ухудшающимся внешним обстоятельствам как к «новой нормальности». По замечанию одного из ведущих российских экспертов в области социальной политики, считающего социальную апатию самым серьезным вызовом, «этот кризис системно перерастет в другие виды кризисов. Технологический разрыв не может быть устранен работниками, у которых отсутствует мотивация, немотивированные и низкооплачиваемые работники не могут повысить производительность труда, социальная индифферентность населения делает возможными любые изменения политического курса во внутренней и внешней политике, создавая предпосылки в том числе для политического кризиса (который может быть неострым, но затяжным)».

Олег Буклемишев называет один из подвидов такого вызова социально-технологическим: «Значительная часть современных технологий носит социальный характер и требует определенного состояния общества для их реализации (та же цифровизация или вакцинация). Выстроенный в России механизм общественного управления не опирается на обратные связи с обществом и оттого не способствует внедрению современных технологических решений в интересах большинства или ведет к извращению этих решений».

Снижение качества человеческого капитала во многом обусловлено низким уровнем жизни, консервацией бедности (и здесь, отмечают эксперты, не должны вводить в заблуждение официальные статистические данные), снижением или стагнацией реальных располагаемых доходов населения. Причем, по сути, власти закладывают стагнацию доходов в целевые показатели, возможно, сами того не замечая: «Даже в качестве национальной цели до 2030 года назван рост доходов не ниже инфляции (т.е. цель будет считаться достигнутой, если реальные доходы в это десятилетие будут просто стагнировать)» (Владимир Гуревич).

Стагнация доходов дополняется рисками инфляции, снижением покупательной способности населения. С точки зрения ряда экспертов, это может способствовать росту протестных настроений, поэтому государство будет вынуждено делать все, чтобы «заполнить холодильник» (Йохан Вандерплаетсе, Владимир Гимпельсон). Проблема, впрочем, не решается просто социальными подачками: здесь уже речь идет об изменении модели экономического развития, на что власти — и об этом разговор ниже — не пойдут.

Неравенство — «сокрушительная бедность одних и неправомерное богатство других» (Олег Вьюгин) — еще один фактор деградации человеческого капитала, тесно связанный с темой стагнации доходов. Но речь идет не только о доходном неравенстве, региональном неравенстве или так называемом неравенстве богатства. Один из экспертов обозначил проблему так: «Неравенство не только в классических терминах, но и неравенство с точки зрения предоставления базовых общественных

услуг, грубо говоря, состояние инфраструктуры, состояние системы здравоохранения, системы образования, качество госуслуг с, мягко говоря, неравным доступом к такого рода базовым услугам для разных категорий населения. <...> И когда я говорю про неравенство, я имею в виду не только неравенство социальное в части неравенства доходов, но и неравенство прав».

Общеэкономический, экологический и технологический вызовы

Все эксперты постоянно подчеркивают, что экономические вызовы, то есть главным образом «потеря экономической конкурентоспособности в мировом масштабе» (Олег Вьюгин), имеют политическое происхождение. «Главные вызовы, которые стоят перед российской политической системой, — это вызовы, связанные с отсутствием экономического роста. Российские политические институты заостенели, они находятся в таком состоянии, которое не позволяет создавать стимулы для инвестиций, привлекать иностранные деньги, защищать права собственности, защищать конкуренцию, обеспечивать равенство перед законом. Без этого невозможно рассчитывать на экономический рост» (Сергей Гуриев).

Очевидна и связь экономических рисков с еще одним вызовом — пандемией, причем ее последствия трудно оценить: прогнозы неустойчивы и постоянно опрокидываются текущей эпидемиологической конъюнктурой и влиянием пандемического фактора на рынки, включая рынок труда.

В этом смысле речь идет о глобальном вызове, не исключительно внутрироссийском. Как подчеркивает один из экспертов, экономический вызов «не только внутренний, но и внешний. Последствия экономической политики многих стран (особенно развитых), связанной с пандемией коронавируса, крайне сложно пока просчитать. Если инфляция активов продолжится, то инвестиции будут снижаться, экономический рост замедлится во всем мире, не только в России. Кроме того, не исключен достаточно тяжелый финансовый кризис, который, став глобальным, вызовет и серьезные политические потрясения (ср. Великая депрессия). Ситуация, когда долги во всем мире растут, не может продолжаться постоянно. Тем более что идет как бы продолжение финансирования неэффективной экономики за счет неэффективных денег».

Общеэкономические риски напрямую связаны с экологическим вызовом, причем это не только в чистом виде экологические проблемы, но и очевидное изменение структуры экономики (что в свою очередь вызвано декарбонизацией) и конкуренция за новые рыночные ниши. По оценке одного из экспертов, в России экология — «это нарастание экологических проблем, связанных с мусором и неумением его

утилизировать (отсутствуют современные технологии), цена человеческой жизни достаточно низка, чтобы власть активно вкладывалась в решение данной проблемы. Но население видит в ухудшении экологии еще одно свидетельство нарастания бедности и того, что власть не располагает необходимыми ресурсами и “его — население — кинуло”. <...> “Зеленая экономика” — это прежде всего поиск ниш для новой экономической деятельности (заводы по производству батарей, электромобилей, ветряков и т.п.), а не решение собственно экологических проблем».

Технологическое отставание эксперты также связывают с природой политического режима, невосприимчивого к инновациям и к тому же склонного к самоизоляции. «Консервация технологической отсталости в рамках паразитирования на природных ресурсах может в перспективе до 2050 года привести к выпадению России из мировой экономической системы и критическому ухудшению экономического положения населения» (Михаил Крутихин). «Связанные с технологическим отставанием сложности в поддержании военного паритета и создании инновационных видов оружия. При высокой степени закрытости этой сферы в открытых источниках делалась оценка, согласно которой возможность поддержания военно-технической автономии ограничена перспективой в 15–20 лет. Надо также учитывать, что в современных условиях — и это общемировая тенденция — развитие вооружений обеспечивается трансфером технологий от гражданских отраслей в оборонпром, а не наоборот, как было несколько десятилетий назад» (Владимир Гуревич).

В то же время «российские власти будут инвестировать в технологии, которые позволят собирать информацию о жизни простых граждан — через системы видеонаблюдения, распознавания лиц, сбора данных в социальных сетях, — с тем чтобы, как это устроено сегодня в Китае, пытаться предотвращать протесты, видеть, где появляются риски возникновения протестов, и в этом смысле новые технологии могут помочь российским властям ограничить проблемы, связанные с отсутствием обратной связи» (Сергей Гуриев).

Изменения в энергетическом балансе и декарбонизация

Декарбонизация — это, пожалуй, один из немногих вызовов, на который российские власти обратили внимание. Да и то потому, что, как было сказано выше, они нуждаются в замене одной ренты на другую без отказа от перераспределительной политики. Притом что вызов декарбонизации может оказаться как среднесрочным, так и долгосрочным. «Сокращение спроса на нефть способно уже к 2040 году создать серьезные проблемы для финансирования страны. Стимулирование нефтедобычи через налоговые льготы не поможет, поскольку, несколько увеличив нефтеэкспортный потенциал, оно сократит поступления в госбюджет (схема “тришкин кафтан”). Рынок займут поставщики нефти

с меньшей себестоимостью, а российская нефть окажется неконкурентоспособной» (Михаил Крутихин). Характер оценки властями вызова зависит от степени испуга элит: еще вчера перемены в энергетическом балансе не воспринимали всерьез, а сегодня вдруг все забежали и стали лихорадочно, в бюрократическом раже анализировать последствия.

Конечно, «глобальный энергетический переход и декарбонизация не обязательно будут происходить по самым радикальным сценариям, однако и более скромной трансформации достаточно для нарастающих потерь российской экономики уже в этом десятилетии. 3–5 млрд долларов ежегодных потерь экспортеров из-за введения ЕС углеродного сбора — наименьшая из проблем. Гораздо серьезнее возможная утрата прежних позиций за счет сжатия важнейших рынков сбыта сырья (а также и другой продукции при переносе на нее требований “ответственного производства”). Скорость этого процесса будет во многом определяться динамикой рынка электротранспорта, которая уже сейчас отличается от ожиданий даже двухлетней давности; аналогичную картину дает и ретроспективный анализ прогнозов развития “зеленой генерации” на протяжении всех 2010-х годов» (Владимир Гуревич).

Проблема не исчерпывается исчезновением бюджетной устойчивости (а значит, и возвращением темы государственных долгов) за счет потери доходов от нефти и газа. Речь идет о принципиальном изменении структуры мировой экономики: «На среднесрочном прогнозном горизонте (скажем, до 2027 года) темпы российской макродинамики в 1,5–2 раза отстают от общемировых. По классике, это стагнация с признаками структурного кризиса. Дело, однако, осложняется тем, что глобальное хозяйство набирает скорость транзита в обновленную структуру (ESG-повестка [учет в работе компаний экологических, социальных и управленческих критериев. — Прим. авт.], энергопереход, глобальный минимальный налог на корпорации, перебор вариантов торгово-инвестиционных региональных партнерств, поиск путей реформирования ВТО и снижения мирового суверенного и корпоративного долга и т.п.). РФ пока едет в этом “поезде”. Но не в купе, а, скорее, в тамбуре» (Никита Масленников).

Политические факторы, расширение внерыночного пространства, сверхцентрализация и самоизоляция

Итак, существенная часть экономических вызовов носит, по сути, политический характер. Это важный сюжет, который предопределяет, возможно, главную проблему: «**Ключевым противоречием является разрыв между долгосрочным трендом на модернизацию — технологическую, образовательную, культурную, с одной стороны, и охранительно-консервативной политикой нынешней власти, с другой**» (Владимир Гимпельсон).

Фундаментальной причиной длящихся годами и не решаемых годами же экономических проблем многие наши эксперты считают несменяемость власти и, соответственно, существующей авторитарной политической модели: политика напрямую влияет на экономику. Прежде всего речь идет о вмешательстве государства во все процессы в политике, обществе и экономической системе.

Доминирование государства в политике, уничтожение им каналов обратной связи с обществом приводит к чрезмерному государственному вмешательству и в экономику, что ограничивает инвестиции, формирует многочисленные социальные слои зависящих от государства людей, а значит, снижает активность малого и среднего бизнеса и производительность труда. Этот вызов еще можно назвать «расширением вне рыночного пространства» (Владимир Гуревич): «По мере ухудшения экономической ситуации, растущего влияния санкционных ограничений, возврата инфляционных угроз, желания повысить темпы роста и масштабы инвестиций устойчиво растет вмешательство государства в экономику практически по всем основным направлениям: цены, распределение прибыли, норма рентабельности, сферы инвестирования, экспорт и импорт, закупки и сбыт (плюс к этому не прекращаются изменения в налогах, тарифах, пошлинах и самом фискальном законодательстве). Экономика, пусть и с низкой эффективностью, продолжает функционировать потому, что остается все еще рыночной. Однако при сохранении темпов и характера регуляторной экспансии рыночное пространство может сузиться за несколько лет до такой степени, когда неизбежной станет проблема уже политического выбора: “Куда — туда или сюда?” Все это время группы влияния и крупные игроки будут бороться за сохранение квазирыночных свобод для себя».

При этом, отметил один из наших экспертов, вмешательство государства в экономику тоже имеет ограничения — ресурсные (государство не все может взять на себя, что-то оно будет оставлять частному бизнесу) и административные (государство не все способно администрировать, особенно будучи управленчески не слишком эффективным).

Неконкурентоспособность сегодняшней политической модели «носит характер исторической развилки» (Никита Масленников): дальнейшее сколько-нибудь динамичное развитие в рамках существующей системы просто невозможно. Кроме того, как заметил один из участников опроса, сам по себе будущий процесс передачи власти может оказаться слишком серьезным шоком для политической, а значит, и экономической системы.

Политический режим с чрезмерным вмешательством государства во все сферы жизни «сдерживает экономический рост» (Сергей Гуриев); формирует сверхцентрализованную систему управления (на это обращали внимание почти все участники нашего опроса/разговора), которая **«непригодна для управления страной такого размера, как Россия»** (Элина Рыбакова).

Среди прочего систему отличает свойство, ведущее к крайней неэффективности управления: нижестоящие этажи этой системы не берут на себя ответственность за принятие каких-либо решений. Кроме того, централизация и компетентность управленцев входят в противоречие с объективными трендами общественного развития. **Возникают противоречия** «между централизацией полномочий и наличием управленческих компетенций; между централизацией управления и неучтенными интересами возрастающего числа и объемов меньшинств; между централизацией полномочий и нежеланием брать реальную ответственность; между централизацией ресурсов и реальными двигателями развития, определяемыми рынком» (Олег Буклемишев).

Дефицит обратной связи и коммуникаций, в том числе с профессиональными сообществами, мешает адекватно формулировать экономическую политику: «**Структурная политика** — это всегда коммуникации и постоянный диалог принимающих решения относительно экономики и тех, кого они касаются. С этим дело пока не слишком спорится» (Никита Масленников).

В контексте темы централизации Сергей Гуриев обратил внимание на проблему, «связанную с тем, что российские власти не получают обратной связи из-за централизации, из-за подавления свободы СМИ, из-за цензуры. Российские власти не очень хорошо представляют себе, как устроена жизнь простых российских граждан. Но в некотором роде это часть их сознательной стратегии — они сознательно уничтожают систему обратной связи, потому что риски, которые содержит система обратной связи с точки зрения развития альтернативных точек зрения, — эти риски для российской власти больше, чем преимущества получения обратной связи».

Курс на политическую самоизоляцию, конфронтационное поведение во внешней политике, полагают эксперты, контрпродуктивны не только с точки зрения ухудшения инвестиционного климата и закрытия от новых идей и технологий, но и потому, что они создают слишком опасное напряжение в отношениях с США и ЕС, ведут к потере потенциальных союзников. Параллельно, с точки зрения ряда экономистов, возникает «угроза разрушения военно-технологического паритета между Россией и США и Китаем» (Олег Вьюгин) — в смысле отставания Российской Федерации и в этой сфере.

Самоизоляция обуславливает общеэкономическое отставание: «Без участия в международной кооперации, без доступа к передовым идеям и технологиям, к опыту и капиталу развитых стран Россия обречена на консервацию отсталости» (Михаил Крутихин).

Политическая линия режима — охранительно-консервативная, противоречащая объективному общемировому модернизационному тренду. Она сама по себе тормозит развитие, но, кроме того, искажает понимание процессов, происходящих в мире и в России, провоцирует

неточные и/или иррациональные реакции на события и тренды. «Уничтожая политическую конкуренцию, выбирают неработающие или экономически неоптимальные решения» (Олег Вьюгин).

В результате сама по себе неадекватная оценка рисков и оказывается главным риском. Владимир Гуревич: «Риски изменений оцениваются выше рисков статус-кво. Когда изменения становятся неизбежными и неотвратимыми, риски, с ними связанные, могут реализоваться в наиболее радикальной форме. Такова величина рисков статус-кво».

Особое значение в практической политике, влияющей на деградацию инвестиционного климата, социальных систем, человеческого капитала и даже на настроения населения, имеет поведение силовых элит. Это отдельный вызов. По словам экономиста Андрея Мовчана, происходит «трансформация ролевого самосознания силовой части элиты с позиции “защита системы власти в обмен на привилегии” в позицию “мы здесь власть” — ползучий/гибридный силовой переворот (или быстрый переворот в случае смерти первого лица/крупного катаклизма). В качестве промежуточного вызова — рост экономического влияния “силовой корпорации”, включая развитие подпольных и нелегальных бизнесов, в том числе с экспортом услуг, перенаправление налоговых потоков в сторону теневых силовых структур и проч.».

Впрочем, наверное, трудно назвать происходящее «переворотом», скорее, это процесс эволюции российского авторитаризма, становящегося все более силовым и репрессивным не в противоречии, а в соответствии с планами высшей власти.

Есть ли понимание проблем в элитах? И будут ли они что-то делать?

Большинство опрошенных экономистов — в том числе те из них, кто приближен к центрам принятия политических решений, — сходятся во мнении, что понимание проблем в российском истеблишменте присутствует. Главная проблема — снисходительная по отношению к обществу самоуспокоенность: «Они считают свою экономическую политику идеальной — им удалось расщепить экономику на несколько частей: “экспортную”, где все прекрасно, “государственную”, где все не хуже, и “внутренне-потребительскую”, где все хуже год от года, но у ее обитателей есть возможность перебраться в первую или вторую. Это то же самое, что несколько стран с неформальными границами» (Дмитрий Прокофьев). «Обществу отказано в субъектности, как и при коммунистах (“шеф-повар лучше знает, чего вы хотите”). Шеф тем временем живет в своем мирке, мало пересекающемся с реальностью, и кормит публику сырыми лангетами, которые все привыкли перчить и дожаривать до готовности сами в меру умений и вкусов» (Олег Буклемишев).

То есть само по себе понимание необходимости перемен парадоксальным образом будет сдерживать принятие необходимых для этих

изменений решений. Механика, считает Михаил Дмитриев, примерно такова: «Адаптацию к условиям глобального энергетического перехода будут сдерживать влиятельные специальные интересы, представляющие традиционные энергосырьевые сектора экономики».

Также этому будут препятствовать повышенные риски ведения бизнеса, особенно для средних и крупных компаний. Это будет сдерживать инновации и освоение новых рынков в несырьевых отраслях, где необходим ускоренный рост для компенсации потерь в традиционных отраслях специализации российской экономики».

В то же время, как отметил, например, Олег Вьюгин, власти «не считают, что эти вызовы способны пошатнуть получаемые материальные бенефиты от существующей политической системы на горизонте существования». Это та самая логика: «на наш век хватит» и «после нас хоть потоп». Или оптика, которую можно описать в терминах социолога Джеймса Скотта: *seeing like a state* («глядя на проблемы глазами государства») ¹¹. К тому же «издержки разворота растут с каждым новым километром репрессий и запретов. Страх перемен правит политикой» (Владимир Гимпельсон); «власть не дает ответа на вопросы, поскольку ее собственный КРП — несменяемость, а остальное все — вторично» (Василий Солодков); «ответы на вызовы вполне адекватны, если исходить из того, что задачей правителей является извлечение ренты и максимальная продолжительность правления. При таких задачах трудно ожидать других действий» (Дмитрий Травин).

«Российские власти полностью осознают все риски и проблемы, существующие в стране, — считает Сергей Гуриев. — Просто их интересы отличаются от интересов простых граждан, их интересы противоречат интересам развития страны, они полностью удовлетворены статус-кво, их цель — удержать власть. И в этом смысле не стоит удивляться, что их действия направлены на усиление репрессивного аппарата, усиление цензуры, инвестиции в пропаганду, а не в человеческий капитал, использование внешней политики для внутренних целей».

«Осознания вызовов не может не быть, однако власть ведет себя как временщик, не имея реальных долгосрочных планов и перспектив, — оценивает ситуацию Михаил Крутихин. — Модель поведения верхнего эшелона — монетизация административного ресурса, причем срочная». Изменение модели поведения истеблишмента «потребуется переделки привычек элит и “обычаев” власти (например, большей умеренности в популистском патернализме, поскольку производительность труда — в том числе функция от опоры граждан на самих себя). Готова ли власть к самотермидору, большой вопрос» (Никита Масленников).

«Все всем очевидно: арифметика и дух стагнации неумолимы, — констатирует Олег Буклемишев. — Никто из экономических управленцев не занимается оптимизацией в силу высоких персональных и управленческих рисков, действует молчаливый сговор о сохранении статус-кво».

на относительно коротком горизонте текущего политического управления, за который почти никто не заглядывает».

В результате возникает «консенсус бездействия». Его модель Андрей Мовчан описывает так: «Россия как социальная система не создает стоимость, а добывает ее в виде сырья (для чего требуется около 1% населения) и дистрибутирует внутри страны; полученная стоимость легко консолидируется в руках правящей группы, которая в целом получает от этого большие выгоды, чем от развития диверсифицированной экономики, предполагающей конкуренцию. Защита контроля за процессом распределения добавленной стоимости предполагает подавление независимых очагов формирования стоимости, то есть подавление предпринимательского процесса и диверсифицированного роста экономики. В силу того, что элита удерживает правильный баланс распределения стоимости, для общества гарантированное получение его скромной доли от ресурсной добавленной стоимости (с учетом рисков смены модели и рисков подвергнуться репрессии) является предпочтительным по сравнению с принятием риска перемен модели и вступлением в борьбу с элитой. <...> При этом вся элита полагает, что в этих условиях консенсус бездействия является наиболее разумной стратегией, особенно с учетом того, что серьезные проблемы уже многократно прогнозировались и всегда “откладывались” и есть большая надежда, что они не реализуются в горизонте планирования. <...> Велика и роль первого лица, которое является ценным настолько, насколько способно поддерживать консенсус бездействия, или, “по-кремлевски”, стабильность; понимая это, само первое лицо категорически противится любым переменам, стремясь отвечать на вызовы увеличением ригидности системы».

Кроме того, «существенным риском представляется возможное нарастание популизма среди населения под влиянием кризиса в сочетании с ослаблением запроса на развитие. Это послужит препятствием на пути долгосрочной демократизации политической системы и ограничит возможности проведения экономической политики, направленной на развитие» (Михаил Дмитриев).

«Мои русские друзья, — замечает один из иностранных бизнесменов, принявших участие в опросе, — часто говорят мне: “Не недооценивай степень цинизма среди людей во власти”. Это вынуждает меня думать, что власти рассчитывают на пассивность и лояльность рядовых россиян. Получается, что сложившееся положение вещей — это именно то, к чему элита стремится».

Несмотря на серьезность вызовов, почти никто из экспертов не ожидает в обозримой перспективе «ни падения, ни демократизации режима» (Дмитрий Травин), ни тем более шагов власти по реальному изменению вектора развития в рамках существующей политэкономической модели — в этом едины все 23 опрошенных экономиста.

Актуализация рисков и проблема политического транзита

Эксперты не говорят напрямую о политических последствиях своих экономических прогнозов. Однако большинство участников исследования сходятся во мнении, что существенная часть описанных социально-экономических рисков актуализируется на горизонте 10–15 лет. Это означает, что к 2024 году обозначенные проблемы еще не будут по-настоящему прочувствованы ни российским обществом, ни элитами. Следовательно, можно предположить, что режим имеет все шансы пройти очередную развилку президентских выборов без большого напряжения и без необходимости серьезных изменений. Однако следующий президентский срок уже не выглядит таким безоблачным.

В период с 2030 по 2036 год, если не раньше, неизбежно произойдет актуализация описанных рисков, прежде всего — энергетического перехода, а также проблемы деградации человеческого капитала. Последняя включает в себя усиление патерналистских настроений населения, которые будет трудно удовлетворить, если упадут доходы государственного бюджета. Власть оказывается заложницей своей же бюджетоцентричной позиции и стремления к большим государственным интервенциям в экономике. К этому добавляется проблема старения и приближающегося неизбежного физического обновления российского истеблишмента, в том и числе института президента (напомним, что в 2030 году Владимиру Путину исполнится 78 лет). Способность одряхлевшей политической верхушки справиться с надвигающимися рисками вызывает сомнения.

При этом, как отмечает один из экспертов, «выход из ситуации будет намного сложнее, чем в 1990-е, когда развитые страны быстро развивались и были заинтересованы в России, в том числе как новом рынке. В ближайшее время у развитых стран будет много своих проблем — не до России».

Получается замкнутый круг: власть не создает иных источников для развития, кроме ренты. Постепенное исчезновение ренты и снижение возможностей для перераспределения национального богатства через государственные механизмы при угнетенном состоянии частных малых и средних бизнесов и гражданского общества — все это готовит очень серьезные проблемы для следующих поколений, живущих за пределами 10–15 лет существования «путинской элиты».

Стагнация в самом широком смысле слова — от экономической депрессии до социальной апатии — единственно возможный средне- и долгосрочный сценарий для России. Но пенять здесь не на кого. Как говорилось в одной из пьес господина Мольера: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

*Настоящее исследование осуществлено при поддержке
Посольства Финляндии в Москве*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Pismennaya Evgenia, Quinn Aine. Siluanov Says Russia May Lose Out on Energy Transition // Bloomberg. 2021. July 8.

URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-08finance-minister-warns-russia-may-lose-out-on-energy-transition?sref=QmOxnLFz>

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

³ См.: Деньги детям не игрушка. Из списков малоимущих за квартал вычеркнуто более трех миллионов // Коммерсантъ. 2021. 7 авг. № 139. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4935646>

⁴ Колесников А., Волков Д. «Обнуляй» и властью: основные вызовы политическому режиму после 2020 года // Московский центр Карнеги. 2020. 4 дек. URL: <https://carnegie.ru/2020/12/04/ru-pub-83338>; Колесников А. Режим негативного консенсуса. 2017. 21 дек. URL: <https://carnegie.ru/2017/12/21/ru-pub-75077>

⁵ Полный список предоставлен авторами заказчиком исследования. Среди наших собеседников были, в частности: Сергей Алексащенко, Олег Буклемишев (экономический факультет МГУ), Сергей Гурьев (Sciences Po), Владимир Гуревич (РАНХиГС), Йохан Вандерплаетсе (Chairman of the Belgian-Russian Business Club), Алексей Ведев (Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара), Олег Вьюгин, Владимир Гимпельсон, Евгений Гонтмахер («Европейский диалог»), Михаил Денисенко (ВШЭ), Михаил Дмитриев («Новый экономический рост»), Михаил Крутихин (RusEnergy), Никита Масленников (Центр политических технологий), Андрей Мовчан (Movchan's Group), Игорь Николаев (ФБК Grant Thornton), Александр Плеханов (ЕБРР), Дмитрий Прокофьев (Международный банковский институт), Элина Рыбакова (Institute of International Finance), Илкка Салонен (East Office of Finnish Industries Oy), Василий Солодков (ВШЭ), Дмитрий Травин (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Мы благодарим всех участников нашего исследования.

⁶ См.: Качев И., Канаев П. Власти начали подготовку к будущему с низким спросом на углеводороды // РБК. 4 авг. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/08/2021/610997ea9a79478e2cba172a>

⁷ См.: Налог на добычу полезных ископаемых для компаний, занятых в металлургической промышленности, повысят с будущего года // Эхо Москвы. 2021. 6 авг. URL: <https://echo.msk.ru/news/2883406-echo.html>

⁸ См.: Колесников А., Волков Д. Новая русская мечта: частная собственность для детей // Московский центр Карнеги. 2018. 20 нояб. URL: <https://carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744>

⁹ См.: Три четверти россиян говорят, что открыть новый бизнес в России сложно. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/18/kak-zanimatsya-biznesom-v-rossii-2>

¹⁰ См.: Ломтева Е., Бедарева Л. Особенности мотивации молодежи к обучению: перераспределение спроса с высшего на среднее профессиональное образование // Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. 2021. 26 июля. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/osobennosti-motivatsii-molodezhi-k-obucheniyu-pereraspredelenie-sprosa-s-vysshego-na-srednee-professionalnoe-obrazovanie.html>

¹¹ James C. Scott. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale University Press, 1999. URL: <https://www.amazon.com/Seeing-like-State-Certain-Condition/dp/0300078153>

P. S.

«Пенять» не возбраняется

Предлагаемый Андреем Колесниковым и Денисом Волковым опыт систематизации рисков для российской политики едва ли будет воспринят элитой властей предержащих. Потому что у нее есть собственный жизненный опыт, отмечают сами авторы, но властные кланы боятся действовать и открыто говорить о проблемах, так как «фундаментальные основы системы — политический авторитаризм и государственный капитализм — трогать нельзя». И заключают: «...пенять здесь не на кого. Как говорилось в одной из пьес господина Мольера: “Ты этого хотел, Жорж Данден!”».

Вопрос: можно ли в таком случае преодолеть управленческий кризис, о котором говорят опрашиваемые эксперты, участвуя в проводимом социальном эксперименте?

На мой взгляд, можно, так как в статье идет речь о социальной реальности с внесением конкретных предложений в деятельность и поведение изучаемых социальных субъектов. А значит, и о возможном расширении границ названного эксперимента и включении в экспертное обсуждение проблемы объективности.

Порой слышишь, что надо принимать жизнь такой, какая она есть.

С этим трудно спорить, а тем более это опровергать во время войны, болезни близкого человека, несчастья. А когда вам лгут, лицемерят, творят беззаконие, ссылаясь на склад ума и психологию народа, полагая, что с этим тоже невозможно не считаться, а поэтому приходится приспосабливаться?

Почему это происходит? Потому что в обществе отсутствует здравый смысл — критерий объективности, нет точек отсчета, что считать нормой, а что отклонением от нее. Нет ясного понимания, что такое закон, а что такое право, каким должно быть государство, в чем заключается позиция консерватора, а в чем либерала и т.д. Обо всем этом у нас практически не говорят и это не обсуждают. А если говорят, то, опять же, в контексте оправдания существующих нравов, привычек, взаимоисключающих друг друга норм, а не с позиций объективного анализа. Возможна ли тогда вообще объективность?

Возможна, если мы действительно начнем понимать, что хотя идеальная объективность и абсолютная честность недостижимы, это не означает, что мы не должны стремиться к восстановлению духовной традиции, когда предпосылкой объективности и честности является именно здравый смысл — известная человеческая добродетель, способность непредвзято (не только ради личной выгоды) относиться к содержанию того дела, которым мы занимаемся и думать о последствиях своих дел и поступков.

То есть, другими словами, если мы согласимся с тем, что с тех пор, как существует евангелическая точка отсчета и мировая история, действует одна простая закономерность: реальная культура и духовность человеческая преодолевают границы любой общности (этнической, национальной, социальной, экономической) личностным началом. В науке, искусстве, праве.

«Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок» (Дж. Оруэлл, «1984»).

Именно проявление и действие в нашей жизни личностных начал, являющихся одновременно историческими началами человека как такового, независимо от его этнической принадлежности, способствует формированию в том числе и национального характера в его лучших качествах. Об этом свидетельствует история народов, исповедующих не только христианство, но и буддизм, ислам, конфуцианскую мораль, то есть практикующих универсальные духовные и этические ценности мировых личностных «религий спасения», что позволяет понять, благодаря каким усилиям на определенном этапе своего социально-экономического и политического развития народ может стать нацией, создавая гражданские общественные организации для защиты прав и свобод личности. В Европе это заняло, как известно, целую эпоху, называемую эпохой Просвещения, которая продолжается.

Что же касается современной России, то в последние десятилетия мы вновь открываем для себя значение и смысл понятий «общественная солидарность», «гражданское чувство», «гражданское общество», «права человека». Но начинаем сомневаться, когда слушаем тех, кто заявляет, что все это якобы привнесено в нашу «самобытную культуру» как нечто чужеродное ей.

Повторяю: личностные начала универсальны и вненациональны, и они гарантия преодоления (и не только Россией) современного кризиса, как экономического, так и политического.

Да, надо принимать жизнь такой, какая она есть, но нельзя соглашаться, как и авторы статьи, с теми, кто призывает к ней приспособливаться.

Юрий Сенокосов

Павел Лузин,
кандидат политических
наук

Миссия по исправлению ошибок Об особенностях политического мировоззрения российской элиты*

Вопрос о политическом мировоззрении (идеологии) российской власти сложен. С одной стороны, можно вообще усомниться в том, что такая идеология существует. Как минимум ее нельзя вывести из каких-то распространенных политико-философских и/или религиозных систем. В разное время к идеологам современной российской власти причисляли Владислава Суркова, Александра Дугина и некоторых других деятелей. Однако в своих текстах они выступали скорее «политическими стилистами», нежели идеологами.

С другой стороны, если исходить из того, что идеология представляет собой систему координат политического действия, то такая система у российского политического класса есть. И попытки ее анализа предпринимаются давно. У нее нет конкретных авторов, но она прослеживается в документах, выступлениях представителей политической элиты и близких к ним лиц из экспертного сообщества и богемы, в которых те пытаются объяснить окружающую действительность. Эта идеология выросла из политической практики, а не из философии. При этом стоит подчеркнуть, что она не статична. Как следствие, данный текст посвящен доминирующей идеологии российского политического класса в том виде, в каком она предстает в начале 2020-х гг.

Внутриполитическое измерение: «пакт о ненападении» внутри элиты

Одним из главных противоречий в политических системах, подобных российской, является несоответствие между ее республиканской природой,

* <https://www.ridl.io/ru/missija-po-ispravleniju-oshibok/> (24.09.2021).

зафиксированной в Конституции (власть от граждан, а не от бога/традиции), и авторитарным устройством (власть не подотчетна гражданам). При этом российская система лишена революционной, военной или национально-освободительной легитимности. Ее источники легитимности — идея растянутой во времени авторитарной модернизации и механизм выборов, который в силу дефицита других источников легитимности имеет куда более высокое значение для российской власти, нежели для других похожих систем.

Поэтому выборам уделяется много внимания: каждый раз необходимо тратить силы на мобилизацию зависимых от власти избирателей и сторонников, на дробление, кооптацию, подкуп или деморализацию оппонентов и удержание так называемого молчаливого большинства в спокойном состоянии. Российская политическая элита начиная с 1990-х гг. рассматривает массовое низовое участие граждан в политической жизни страны — выборы, референдумы, протесты или любые формы горизонтальной общественной самоорганизации — как крайне негативный опыт.

Российская политическая элита рассматривает массовое низовое участие граждан в политической жизни страны – выборы, референдумы, протесты или любые формы горизонтальной общественной самоорганизации – как крайне негативный опыт

Такой подход нередко объясняется личной позицией Владимира Путина, чья карьерная траектория дважды, в конце 1980-х и середине 1990-х гг., ломалась именно из-за массового участия граждан в политике. Однако эта версия представляется как минимум неполной, а как максимум — ошибочной. Верхушка российской политической элиты сегодня преимущественно состоит из людей, рожденных в 1950–1960-е гг. Применив к ним методологию политико-психологического анализа социально-территориальных систем, разработанную Николаем Косолаповым, мы сможем выделить две большие группы.

Одна группа — это люди, которые в своих семьях стали первым поколением, совершившим социальное и материальное восхождение, причем сразу на самый верх. Это, например, Юрий Борисов, Александр Бортников, Вячеслав Володин, Татьяна Голикова, Сергей Иванов, Валентина Матвиенко, Михаил Мишустин, Сергей Нарышкин, Владимир Путин, Игорь Шувалов и другие. Они, конечно, заинтересованы в сохранении достигнутого, но политически способны на гибкость. Им не чужды инициативы и даже риск, иначе они никогда бы не достигли своих позиций и не удержались на них.

Другая группа — это те, кто в своих семьях стал вторым или даже третьим поколением, совершающим непрерывное социальное и материальное восхождение. В сегодняшней России к такому второму поколению

можно отнести Бориса Грызлова, Дениса Мантурова, Николая Патрушева, Дмитрия Рогозина, Сергея Собянина и Сергея Чемезова. К третьему поколению принадлежат Андрей Белоусов, Антон Вайно (правда, родился он в 1972 году), Сергей Кириенко, Сергей Лавров, Дмитрий Медведев и Сергей Шойгу. Это люди, которые могли бы претендовать на места в советской политической элите, но стали элитой в постсоветской России. Именно среди них стоило бы искать самых ярких реакционеров, для которых демократические политические процессы рубежа 1980–1990-х гг. действительно стали ударом. Но это, очевидно, не так.

Можно было бы предположить, что все эти люди делали свои карьеры в закрытой бюрократической системе, в системе административных рынков, и просто не смогли бы победить в открытой конкурентной политической среде. Именно поэтому они якобы и боятся демократии. Но и это не так: большинство из них хорошо умеет действовать в публичном поле, а некоторые — например, Лавров и Шойгу — вообще обладают огромным кредитом доверия и пользуются популярностью у российских граждан, несмотря на возраст.

Лишение российского общества политической субъектности и противодействие процессам возрождения этой субъектности разумно объяснять не психологическим, а функциональным фактором. И этот фактор — своеобразный «пакт о ненападении» внутри российской элиты. Отказ от политики через выборы (и тем более от политики через улицу) — это минимизация политических и экономических рисков для большинства российского правящего класса в условиях дефицита ресурсов для конкурентной политической борьбы. Этому раскладу способствует также низкий уровень доверия между его представителями (как и в российском обществе в целом), а также отсутствие развитых институтов и традиций передачи власти, сохранения активов и политической борьбы без действий на политическое, экономическое, а иногда и физическое уничтожение оппонентов.

Можно даже предположить, что современный российский авторитаризм является продолжением консенсуса, возникшего еще в советской системе по итогам 1953 года и окончательно институционализированного в 1964 году. Глубинный мотив этого консенсуса: не допустить повторения сталинизма в практическом политическом смысле (при этом эстетизация эпохи и риторические отсылки к ней допустимы) и не ворошить неудобное прошлое, ставящее под сомнение идею авторитарной модернизации как одну из основ легитимности современной российской системы.

Из отказа российскому обществу в политической субъектности во имя поддержания в силе «пакта о ненападении» внутри элиты как раз и следует «контрреволюционный» курс Кремля. В свою очередь, попытки контролировать идейно-политическую сферу российского общества закономерно приводят к идее, что этот контроль может быть оспорен

изнутри или извне. Поэтому данная сфера неизбежно начинает восприниматься как пространство манипуляций и даже противостояния («ментальной войны»). Кроме того, подобное восприятие и язык сами по себе служат инструментом цементирования правящего класса в целом. Правда, это отнюдь не означает, что российская власть не заинтересована в получении обратной связи от общества. В конце концов, республиканский характер российской системы отменить нельзя и обратная связь необходима. Она реализуется не в состязательном поле публичной политики, а через социологические службы, государственные СМИ, а в последнее десятилетие — еще и через социальные сети, различные сайты и приложения вроде «Управляем вместе».

Экономическое измерение: антикапитализм и НЭП 2.0

У идеологии российского политического класса есть и экономическое измерение, направленное на противопоставление российской экономической системы капитализму. Контуры этого противопоставления начинают прослеживаться с первой половины 1990-х гг. и имеют под собой две основы. Во-первых, это укрепление и поддержание политической системы через управляемое перераспределение экономических активов. Во-вторых, это своеобразный «социалистический консенсус» между элитой и обществом, сложившийся еще в эпоху перестройки, когда граждане наделялись определенной экономической свободой, но основную ответственность за собственное благосостояние делегировали государству. Своего рода НЭП 2.0.

Это подтверждалось самой логикой первых экономических реформ, сформулированной Егором Гайдаром в работе «Государство и эволюция», и внесением в Конституцию 1993 года статьи 7 о социальном государстве и государственном патернализме для множества социальных групп. На этот курс работала и громоздкая система регулирования и контроля предпринимательской деятельности вкупе с фискальным бременем и постоянной угрозой уголовного преследования. Уже с начала 2000-х гг. создавалась система государственных корпораций и компаний во всех ключевых секторах экономики. Все это происходило на фоне разгрома ЮКОСа и других громких судебных процессов. В итоге к началу 2020-х гг. в российской военной промышленности сложились устойчивые элементы новой административно-командной системы, а в других секторах правительство все больше экспериментирует с контролем товарных потоков и регулированием цен.

На выходе из трансформационного кризиса 1990-х гг. российская власть (как до нее власть советская) при полной поддержке общества взяла на вооружение идею догоняющей авторитарной модернизации, которая, повторюсь, работает на обеспечение легитимности политической системы.

Таким образом, антикапитализм российской власти вырос и подкрепляется не философскими постулатами марксизма-ленинизма, а политической практикой 1991–2021 гг. Разумеется, такой подход тормозит экономическое развитие страны, предпринимательскую активность, формирование полноценных капиталов и рост благосостояния граждан. Всем этим жертвуют ради устойчивости системы власти, количества перераспределяемых ею ресурсов и предсказуемости (вероятно, иллюзорной) социально-политических процессов.

Внешнеполитическое измерение: великая держава без имперского бремени

Идеологические основы российской внешней политики в целом очевидны. Во-первых, Россия как великая держава, которая участвует в решении всех важных вопросов современного мира. Во-вторых, Россия как центр силы, альтернативный и Западу, и Китаю и тем привлекательный для многих развивающихся стран. В-третьих, Россия как оппонент Запада, одновременно находящийся с ним в состоянии взаимозависимости в вопросах стратегической стабильности в целом и европейской безопасности в частности, а также в вопросах энергетики и освоения космоса.

Менее очевидным остается видение российской элитой постсоветского пространства. На первый взгляд тексты и выступления Путина свидетельствуют о курсе на новое политическое объединение России с Украиной, Беларусью и, возможно, другими бывшими советскими республиками или их частями. Однако долгосрочный вектор российских усилий — экономический. Российская элита претендует на сохранение за собой исключительной сферы влияния на постсоветском пространстве через Евразийский экономический союз, подкрепленный системой военных баз. Такой товарно-денежный подход позволяет поддерживать высокий статус России в глобальном мире и обеспечивает ее гарантированным рынком для своих компаний, а также сырьем, сравнительно дешевой рабочей силой и продовольствием. Последнее важно для страны, которая десятилетиями критически зависела от импорта продуктов питания, а в начале 1990-х гг. даже получала продовольственную помощь. Этот подход также избавляет от необходимости расходовать значительные ресурсы на развитие бывших союзных республик, делиться властными полномочиями с их элитами или хотя бы выстраивать систему равноправного партнерства с ними.

Разумеется, идея контроля над постсоветским пространством не описывается лишь этой упрощенной схемой. Так, в 1990-е гг. Россия столкнулась с миграционным кризисом, сопоставимым по масштабам с тем, который страны ЕС испытали в середине 2010-х гг. Пик этого кризиса пришелся на 1997 год, когда в стране было свыше одного миллиона официально зарегистрированных вынужденных переселенцев — в

Дмитрий Пригов. Инсталляция по рис. из «Серии с метлами». 2000-е гг. Выставка «Театр революционного действия» в Calvert 22 Foundation, Лондон, 2017

основном из стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Это создавало межнациональную напряженность в российских городах.

Из этого российская элита извлекла урок: неконтролируемые социально-экономические и политические процессы в бывших республиках создают угрозы порядку внутри самой России. К слову, российская власть, расправившись в 2000-е гг. с поднявшимся ранее неонацистским движением и поставив возникшие диаспоры под контроль, частично заимствовала повестку русского национализма и даже внедрила ее в обновленную в 2020 году Конституцию. Этот идейный вектор тоже появился из практического политического опыта.

Кроме того, в системе координат российского политического класса постсоветское пространство ни в коем случае не должно служить примером альтернативного и успешного государственного устройства. Это в первую очередь касается Украины и Беларуси. То есть для российской элиты ценностью является вовсе не воображаемое «единство» белорусов, украинцев и русских, а устойчивость ее властных и экономических позиций.

Вывод: историческая миссия и стратегия

Если свести воедино все сказанное выше, то можно сформулировать стратегию российского политического класса, которая является и его субъективно понимаемой исторической миссией. Вкратце, это

«исправление исторических ошибок». Если большевики считали революции и другие формы социальной турбулентности в России прогрессивными силами истории, то постсоветская российская элита считает все это досадными ошибками и сбоями (тем удивительнее, что она не борется с «революционной» топонимикой в российских городах — видимо, преемственность с СССР оказывается важнее). С этой точки зрения ошибка перестройки заключалась не в экономических преобразованиях и даже не в пересмотре элитами Союзного договора 1922 года, что привело к коллапсу СССР, а в политической реформе, которая вывела массы граждан в политическое поле.

В итоге современная российская элита пытается достичь нескольких целей. Во-первых, удержать граждан в покорном состоянии, адаптируясь при этом к естественным социально-экономическим и культурным изменениям. Во-вторых, завершить догоняющую научно-техническую модернизацию государственной промышленности при передаче сфер торговли, услуг и производства товаров повседневного спроса в частные руки, включая даже ограниченный доступ иностранных инвесторов, но при властном регулировании и опеке (по сути, это экономическая программа перестройки). Кроме того, власть пробует утвердить выгодные для себя правила для постсоветского пространства. И ей критически важно сохранить за Россией статус великой державы без лишнего имперского бремени, в разные эпохи включавшего экспорт ортодоксальных христианских, панславянских или коммунистических установок во внешний мир.

За всем этим легко прослеживается стремление не только удержать высокий социальный статус и уровень благосостояния, но и передать его по наследству, а также получить естественный политический иммунитет (неприкосновенность) и гарантированное долгосрочное влияние в мире. Эта система координат, актуальная для представителей поколения 1950–1960-х гг. и их немногочисленных детей, имеет шансы сохранить привлекательность и для их политических наследников — для поколения 1970-х гг., которое постепенно укрепляет свои позиции на вершинах российской власти. Главным условием такого сохранения является отсутствие глубокого политического кризиса при передаче власти.

Раздвоение памяти. Зачем закрывают «Мемориал»?*

Каждый, кто бывал в Москве, видел, насколько силы не равны. ФСБ, наследница советских спецслужб, — это не только знаменитый дом страхового общества «Россия», перестроенный после войны Щусевым, это целые кварталы по обе стороны улицы Лубянка до Средненского монастыря. А еще есть комплексы зданий Генпрокуратуры, Минюста, Роскомнадзора, Верховного суда. Во всех вместе работают десятки, если не сотни тысяч человек. «Мемориал» — это несколько десятков человек и часть первого этажа в сталинском жилом доме — читальный и выставочный залы, библиотека, комнаты для картотек.

Если перевести на язык одного из соседних, параллельных миров, это как если бы государственный музейный гигант (условный Эрмитаж) через прокуратуру требовал закрыть маленькую частную галерею. Чем частная галерея может так сильно навредить огромному государственному музею? Только тем, что она выставляет что-то, что государственный музей хотел бы, но не может выставить. Или тем, что она выставляет подлинники работ, которые у государственного музея есть в копиях, а он выдавал их за оригиналы. Это очень приблизительная аналогия, но суть конфликта между «Мемориалом» и государством с его органами правопорядка в том, чья память о прошлом представляет собой оригинал, а чья — неточную копию.

Конечно, нельзя полностью списывать прямолинейное административное понимание права: есть закон ставить 24 слова про иноагента большими буквами после каждого вздоха, вот пусть и ставят, чтобы и другим неповадно было нарушать. Но особенность «Мемориала» в том, что писать о сообщении, созданном иностранным агентом, предполагается рядом с

*Александр Баунов,
главный редактор сайта
carnegie.ru Московского
центра Карнеги*

* *carnegie.ru*. 16 ноября 2021 г.

текстами, которые рассказывают о людях, многие из которых были лишены свободы или убиты как иностранные агенты.

Таким образом, государство создает дурное зеркало, где об иностранных агентах прошлого помнят иностранные агенты настоящего, — это их, так сказать, внутреннее иноагентское дело, а обычные граждане брезгливо проходят мимо. В наиболее радикальном истолковании нынешний закон опрокидывается на прошлые репрессии, легитимируя их задним числом: видите, «Мемориал» нарушает, вот и тогдашние иноагенты нарушали, а значит, и у них была все-таки какая-то вина.

«Мемориал» со своей стороны делает нечто ровно противоположное: ставит нынешние преследования, где есть подозрение на политические мотивы, в контекст советских репрессий и этим особенно раздражает современное государство, которое хочет уйти от таких сравнений и пытается быть «государством всех россиян» — как участников репрессий, так и их жертв.

Мемориальные комплексы

В попытке запретить «Мемориал» многие увидели крутой и откровенный поворот к сталинизму, полную реабилитацию коммунистических репрессий. Раз «Мемориала» нет, значит, все позволено. А НКВД действительно казнил врагов государства — иностранных агентов, каким объявлен и сам «Мемориал», — и правильно делал. Это пока не так, хотя и в государственных органах, и в среде вечно раздраженных обывателей множество тех, кто хочет, чтобы было именно так, и ликвидация «Мемориала» для них — важный шаг в нужном направлении.

В действительности речь идет о конкуренции за память, где российское государство, как и во многих других областях, хочет иметь монополию. Память о войне уже открыто объявлена сферой национальной безопасности, и память о репрессиях движется в том же направлении. А вопросы национальной безопасности курируют спецслужбы, чьи предшественницы и занимались репрессиями. Так, парадоксальным образом спецслужбам доверено курировать память о самих себе.

Сбывается мечта любых спецслужб — ссылаясь на секретность своего дела, выйти из-под общественного контроля. Обычно речь идет о настоящем, но в случае России это правило расплзается и на прошлое. «Мемориал» — институт контроля прежде всего за прошлым спецслужб, но даже такое наблюдение за прошлым вызвало их раздражение.

Его причина понятна: если коллеги-предшественники в прошлом могли столько всего наворотить и так навредить государству, люди могут подумать, что мы и сейчас можем, а это дискредитация и помеха в работе. Поэтому для национальной безопасности в настоящем полезнее считать, что прошлые репрессии были так или иначе оправданны.

Показательно тут выглядит портрет Генриха Ягоды, который мелькнул в одном из помещений, где допрашивали Навального после его

возвращения из Германии. Не Дзержинский, основатель советского ведомства, а персонаж, сомнительный по всем параметрам, стоящий одновременно в ряду разрушителей государства, палачей и казненных врагов народа. И даже ему нашлось место в почтительной корпоративной памяти, которая, преодолевая сомнения в прошлом, должна исключать лишнюю рефлексию над настоящим.

Здесь органы правопорядка находят понимание у многих высших лиц государства: память о прошлом не должна быть помехой. Если госорганы преследуют кого-то в настоящем — хоть Ивана Сафронова, хоть Сергея Зуева, хоть сам «Мемориал», — не надо ставить под сомнение правомерность преследований, помещая их в контекст прошлых беззаконий, «это другое». Так не только спецслужбы оказываются конечным контролером своей работы, но и «Мемориал» — жертвой собственной деятельности, зеркально отражая путь своих героев.

Памятная data

Власть, желая быть государством всех россиян, не отказывается признавать прошлые репрессии и не отказывает жертвам в статусе жертвы. В шаговой доступности от офиса «Мемориала», на Самотеке, работает государственный Музей истории ГУЛАГа, получивший новое здание в 2012 году. Еще ближе к офису «Мемориала» и недалеко от Лубянки, на Садовой-Спасской, в 2017 году была открыта «Стена скорби» — официальный памятник жертвам политических репрессий. Он построен к столетию большевистской революции, указывая на то, какой режим отвечает за террор.

С самой Лубянки никуда не исчез Соловецкий камень, общественный памятник жертвам репрессий, поставленный туда «Мемориалом» в 1990 году. Беспрепятственно служатся молебны на Бутовском полигоне и в других расстрельных местах, строятся церкви в память новомучеников, Солженицына проходят в школе, по романам о репрессиях снимают сериалы.

Современное российское государство пока не собирается становиться на позицию исключительно творцов репрессий и отдавать память об их жертвах в руки своих критиков. Проблемы у «Мемориала» возникают как раз потому, что он конкурирует с государством в пространстве истории, которое оно считает своим и где сам президент отметил несколько историческими статьями.

Разница во взгляде «Мемориала» и государства на репрессии примерно в следующем. Государство склонно отделять память о жертвах от памяти о палачах. Или сочетать память о жертвах с забвением виновников. Первые есть, вторых как бы нет. Потому что иначе государство оказывается в той же ловушке (де)легитимации через прошлое, что и его спецслужбы. Если власть-предшественница совершала столь вопиющие ошибки и злодеяния, граждане могут подумать, что на это способна любая власть, включая нынешнюю.

Поэтому желательно, чтобы память о жертвах имела максимально благообразные, абстрактные формы скорби о безвременно погибших — так, чтобы где-то в исторической дали жертвы репрессий слились с другими погибшими во благо родины, для укрепления государства.

Государство, не отрекаясь от палачей или делая это уклончиво и двусмысленно, присваивает себе и жертв вместе с памятью о них. В частности, поэтому так трудно получать в архивах дела — ведь в них видно, насколько абсурдны, штампованы, выбиты обвинения, а еще могут быть видны имена следователей, судей и прочих исполнителей. Ну и просто чтобы уважали секретность. Все вместе должно работать на идею, что страна во все свои периоды была великой, какие бы неприятности это величие ни сопровождали.

Здесь Россия не оригинальна. Прямо сейчас в исторической в разных смыслах резолюции пленум, созданный к столетию Компартии Китая, определяет, что за эти сто лет, из которых она полвека у власти, несмотря на жертвы и ошибки, партия привела Китай к величию.

«Мемориал» как носитель точной и архивной памяти — одно из препятствий на пути централизованной, примирительной памяти о репрессиях. Там много конкретики — кого именно, где, когда убили, кто вел следствие и судил. Его память обоюдоострая, она включает resentment, идею преступлений без срока давности и вместе с ней элементы надежды на запоздалое правосудие.

«Мемориал» таким образом автоматически оказывается ближе к позиции жертв, чем умиротворенная государственная память, и критикует современное государство как бы от их имени. Пока «Международный Мемориал» вспоминает жертв сталинских репрессий и добивается свободного доступа в архивы, правозащитный центр «Мемориал» ведет список современных политзаключенных в России, давая понять, что история политических репрессий не окончена. Государство со своей стороны категорически отказывается считать политическими запрещенных в России свидетелей Иеговы, членов «Хизб ут-Тахрир» или структур Алексея Навального.

Раздраженное государство не хочет, чтобы кто-то выступал с обвинительными аналогиями, оно желает твердо отделять ошибки прошлого от правильного настоящего. В отношении прошлого государство намерено само представлять жертв, а не отдавать их голос в чужие, общественные руки, да еще и с иностранными деньгами. В гиперсекьюритизированном мире современной российской власти «Мемориал» — очередной инструмент гибридной войны, который эксплуатирует память жертв прошлого, чтобы подрывать суверенитет России в настоящем.

Это не уникальная позиция: точно так же исключал общественную память о своих жертвах режим Франко, даже в поздние времена, когда внешне и по образу жизни Испания почти ничем не отличалась от богатых демократий Западной Европы. Больше того, в основе тамошнего

Фото с выставки «История ГУЛАГа». Ульяновск. 2019

перехода к демократии — отказ от преследования в настоящем за преступления прошлого. Хотя в испанском случае речь шла о живых виновниках и жертвах или их прямых наследниках.

Российская власть считает свое предложение достаточным компромиссом. Тут непосредственных виновников и жертв нет в живых, а часть общества является гораздо большим сталинистом, чем власть, поэтому другой части общества предлагается сойтись на полпути. Власти обидно, что такое щедрое предложение не принято. Наверно, думают там, это потому, что цель этих недовольных — не прошлое, а настоящее.

Перенос вины

Если «Мемориал» и его единомышленники проводят аналогии между неправотой государства в прошлом и настоящем, то у государства тоже есть свои аналогии. «Мемориал» в его картине мира продолжает деятельность поддержанных Западом советских диссидентов, которые эксплуатировали реальные проблемы страны, но в итоге не на пользу ей, а во вред, и вот великая страна развалилась.

Это очень комфортное для государственного аппарата толкование снимает с него вину за накопившийся груз управленческих проблем, которые и привели советскую империю к краху. Распад СССР и проигрыш в холодной войне здесь увиден через узкую оптику спецслужб — их специфические задачи борьбы с агентами: «Если бы вовремя всех обнаружили и переловили, держава бы устояла». Такой подход освобождает государство от ответственности за собственные ошибки, а органы

правопорядка провоцирует на несоразмерные преследования, которые и создают то самое впечатление борьбы Голиафа с частной галереей.

Хотя само появление «Мемориала» доказывает, что дело обстояло иначе. «Мемориал» возник в конце 1980-х не как антигосударственная, а как в каком-то смысле провластная организация. Он поддерживал перестройку, которая была официальным курсом правящей партии. Этот курс включал в себя реабилитацию жертв сталинского, а позже и революционного террора, осуждение тоталитаризма и восстановление тогда еще советской демократии. «Мемориал» был общественной, но никак не диссидентской или оппозиционной организацией.

История возникновения «Мемориала» доказывает, что советский строй подорвали не какие-то редкие, удачно внедрившиеся агенты и предатели. Она напоминает, что совокупная масса проблем, накопленных действовавшим тогда режимом, была так велика, что он ради самосохранения инициировал модернизацию и работу над ошибками с самого верха. И здесь был не уникален: это один из типичных вариантов поведения автократии, обнаружившей себя в тупике. Дальше автократия не справилась с реформированием самой себя в своих интересах, хотя реформами занимались порой искренние, честные и симпатичные люди. Это тоже довольно частое явление: на то это и автократия, что у нее очень нерегулярный и эпизодический опыт перемен.

Сама память о том, что виноваты не плохие предатели в беспроблемной, успешной стране, а сама эта страна не справилась с управлением, дискомфорта для государственного аппарата.

Закрытие «Мемориала» — это признание рефлексии государства по отношению к себе вредной. Не ошибающееся в теории, но неизбежно ошибающееся на практике государство, которое при этом не имеет права на работу над ошибками, в конечном счете может оказаться еще более хрупкой конструкцией, чем государство рефлексирующее, что не раз доказывали на своем примере десятки политических режимов.

Государство действительно предлагает компромисс между требовательной памятью о жертвах и виновниках, которую представляет «Мемориал», корпоративным молчанием органов правопорядка и настроениями агрессивного обывателя, который считает, что больше надо было расстреливать. Однако, закрыв «Мемориал», государство уничтожит один из полюсов этого компромисса, и его собственная, относительно устойчивая позиция «государства всех россиян» сдвинется, потеряет даже то хрупкое историческое равновесие, которое обрела.

P. S.

О смысле общества «Мемориал»

Известно, что природой нам дан инстинкт, а думать мы учимся сами. Не только слушать и слышать других, а учиться говорить и понимать

себя. Ведь только понимая себя, можно понять других. И тогда, зная, что все в нашей жизни взаимосвязано и пронизано предрассудками, начинаем понимать, что ложь и зло всегда находят причину и оправдание, а для совершения добра нет причин. Добро, как и общественное благо, творится потому, что всегда находятся люди, для которых они самоценны, как и свобода, и в этом смысле беспричинны. И их познание, как и познание справедливости, начинается с удивления, а познание зла — с пережитого страха. Но в том и в другом случае познание, безусловно, предполагает свободу, которая не сводится к выбору.

В конце 20-х годов прошлого века известный русский поэт Максимилиан Волошин сказал по поводу трагических последствий большевистской революции: «Чтобы описать эпоху, мало ее пережить, надо еще и забыть ее! Ведь процесс забвения есть процесс усвоения».

Это парадоксальное высказывание (не помнить, а забыть, чтобы усвоить) имеет прямое отношение к свободе — не как к выбору, когда ты уже бессилён что-либо изменить, а как к претворению памяти о зле, когда у нас есть шанс понять, что только через собственное свободное развитие и просвещение можно влиять на окружающую действительность.

Именно в этом мы видим смысл деятельности российского «Мемориала» и работы его сотрудников — архивной, просветительской, конкурсной, научной, правозащитной, которые помогают людям избавляться от «завороченности злом».

Наблюдая за тем, что происходит сейчас в мире, — за отходом от базовых либеральных ценностей в некоторых демократических странах, за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами и свободами человека, — мы убеждаемся, что в гражданском просвещении нуждается сегодня не только российское общество, но и мир в целом. И не понимаем власть, принимающую репрессивные законы против НКО, да, работающих в том числе и на деньги зарубежных фондов. Поскольку международные банки и фонды, как частные, так и государственные, создавались после Второй мировой войны для преодоления ее разрушительных, страшных последствий и развития общественных инициатив и гражданских некоммерческих организаций. А сегодня в условиях глобального кризиса помощь таких организаций столь же необходима, чтобы противостоять новым угрозам — пандемии и изменению климата.

Наша гражданская задача — не надеяться на создание искусственного интеллекта в поисках преодоления этих (и не только этих) угроз, а помочь думать живой голове.

И не оставаться безучастными к нашей общей истории.

Юрий Сенокосов

*Михаэль Сульман,
исполнительный директор
Нобелевского фонда
(1992–2011),
член Шведской королевской
академии наук,
председатель
Шведского института
международных
отношений*

*Мировая экономика и политические последствия**

Все мы продолжаем жить в условиях пандемии, которая сильно ударила по мировой экономике. На слайдах вы видите свежие цифры Международного валютного фонда за июль и октябрь 2021 года (см. графики 1 и 2).

В целом по миру в 2020 году ВВП снизился на 3,1%. В 2021-м идет восстановление экономик и предвидится дальнейший рост. Но здесь образовалась «экономическая яма», она по-разному выделяется в разных регионах. США: минус 3,4% в 2020 году, восстановление 6% в этом году и 5,2% в следующем. Еврозона потерпела значительный спад — минус 6,3%. В России (она входит в одну из этих групп, но на слайде не выделяется) спад был примерно такой же, как в США, но медленнее идет восстановление. А в еврозоне из-за специфики структуры экономик (большой удельный вес услуг, в первую очередь туризм) спад был очень сильный, в некоторых странах — на юге еврозоны — драматический. Однако идет процесс восстановления на основе программ поддержки экономики, которые были реализованы после введения новой общей программы на уровне ЕС, направленной на поддержку слабых стран. Насколько это будет эффективно — отдельный вопрос. Главная поддержка осуществляется в рамках национальных программ и национальных бюджетов.

Прогноз экономического роста по России (см. график 3) — минус 3,0 в 2020 году, 4,4 — в 2021-м. Это что касается краткосрочного развития.

* Выступление на семинаре в Вильнюсе 27 октября 2021 г.

График 1

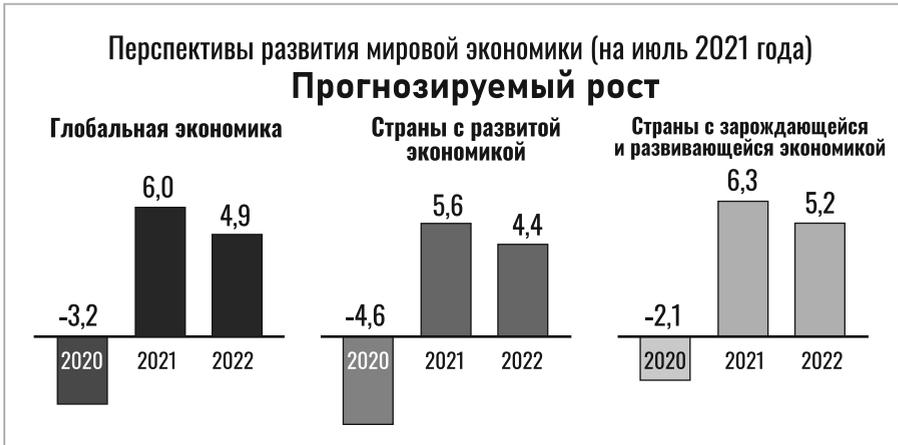

График 2

Прогнозы экономического роста

(Ежегодное процентное изменение реального ВВП)	Прогнозы		
	2020	2021	2022
Мировое производство	-3,2	6,0	4,9
Страны с развитой экономикой	-4,6	5,6	4,4
США	-3,5	7,0	4,9
Еврозона	-6,5	4,6	4,3
Германия	-4,8	3,6	4,1
Франция	-8,0	5,8	4,2
Италия	-8,9	4,9	4,2
Испания	-10,8	6,2	5,8
Япония	-4,7	2,8	3,0
Великобритания	-9,8	7,0	4,8
Канада	-5,3	6,3	4,5
Другие страны с развитой экономикой	-2,0	4,9	3,6
Страны с зарождающейся и развивающейся рыночной экономикой	-2,1	6,3	5,2
Страны Азии с зарождающейся и развивающейся рыночной экономикой	-0,9	7,5	6,4
Китай	2,3	8,1	5,7
Индия	-7,3	9,5	8,5
ASEAN-5 – Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд	-3,4	4,3	6,3
Страны Европы с зарождающейся и развивающейся рыночной экономикой	-2,0	4,9	3,6
Россия	-3,0	4,4	3,1
Латинская Америка и Карибский регион	-7,0	5,8	3,2

На фоне длительного развития мировой экономики мы видим спад поддержки демократии (см. график 4, составленный *Freedom House*, где ежегодно анализируется состояние качества демократии в разных странах). Здесь темные столбики под средней линией показывают, где уровень демократии снижается, более светлые — где он повышается, тогда как на столбиках над средней линией даны итоговые значения. Как видим, после финансового кризиса 2007–2008 годов идет снижение уровня демократии по сравнению с тем, что было после падения диктатуры компартии в Советском Союзе и Восточной Европе, когда «мир шел вперед в светлое либеральное будущее» под лозунгом «конца истории».

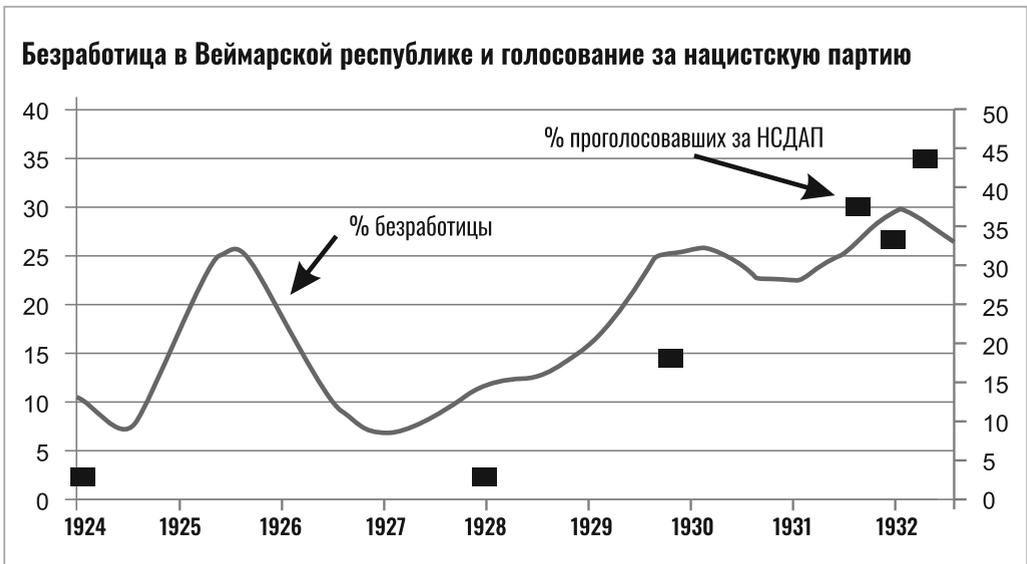
Сравним сказанное с архетипическим примером влияния экономики на политику в Германии 1920-х — начала 1930-х годов.

Кривая — это уровень безработицы, который снизился после кризисов начала 1920-х годов, потом восстанавливалась экономика и

График 4

График 5

появилась нацистская партия. На выборах 1928 года нацисты набрали всего около 2% голосов. Однако грянул финансовый кризис 1929 года, который охватил сначала США, а потом и весь мир. Биржи падали, люди теряли работу. И безработица поползла вверх. Нацисты набирают силу,

и в 1930 году у них уже примерно 17% голосов. Немецкое правительство проводило политику снижения уровня цен путем жесткой бюджетной политики, которая приводила к росту безработицы. И тем самым создавало социально-экономические условия для роста протестных сил — в данном случае фашистской, нацистской партии. Трагедия здесь состоит в том, что почти все партии в то время боролись против демократии. Свою роль сыграл в этом и Сталин, который отдал приказ немецким коммунистам бороться не против нацистов, а против, как он называл, социал-демократов, «социал-фашистов». Он видел главную угрозу со стороны реформистской части рабочего движения. И далее, в 1932 году, нацисты набирают 32% голосов.

Важно помнить, что все же большинство немцев не голосовали за Гитлера. Но так называемый центр (то есть христианские религиозные партии) считал, что Гитлера можно пропустить, что он под их контролем будет проводить консервативную политику. А оказалось, что Гитлер проводил революционную политику. Это примеры того, как экономика влияет на развитие политики.

В экономической политике всегда есть три измерения: 1) краткосрочная стабилизация (цен, занятости, чтобы была низкая безработица); 2) политика инвестиций: как распределять ресурсы для долгосрочного роста; 3) распределение. Сегодня на повестке дня наиболее актуально последнее измерение.

Посмотрим на график 6, показывающий уровень доходов в 17 развитых странах: Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Израиль, Италия, Япония, Люксембург, Мехико, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Великобритания, США (данные Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР).

Вы видите медианную линию, которая демонстрирует численность населения 17 стран со средним уровнем дохода, ниже — с более низким уровнем дохода (20–40%) и с самым низким уровнем дохода (10%). Вверху — богатейшие 10%. Социально-экономическое распределение становится все более неравномерным.

График 7 отражает динамику роста доходов одного процента самых богатых людей в мире в сравнении с 90% остальных за период с 1979 по 2015 год.

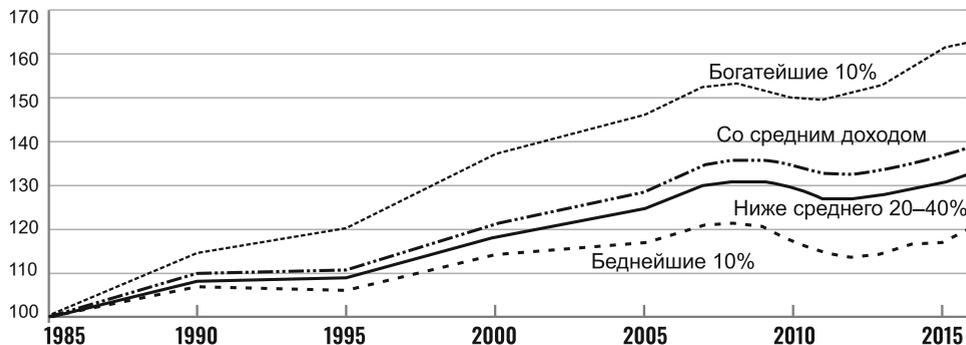
А график 8 показывает, какую долю из всех доходов данной страны составляют доходы богатейших 10% и каков их удельный вес от общего благосостояния домохозяйств в этих странах. Данные на 2015 год.

Как видим, разница между странами весьма существенная.

Всемирным банком ежегодно готовится «Отчет о развитии человечества» (*Human Development Report*). Часто в статьях и отчетных докладах приводятся цифры ВВП на душу населения. Но не все измеряется деньгами. И чтобы было понятно, что имеется при этом в виду, сотрудники Всемирного банка разработали *Human Development Index* (Индекс

График 6

Реальные доходы населения в странах с развитой экономикой по уровню дохода, 1985–2016 годы (коэффициент: 1985 = 100)

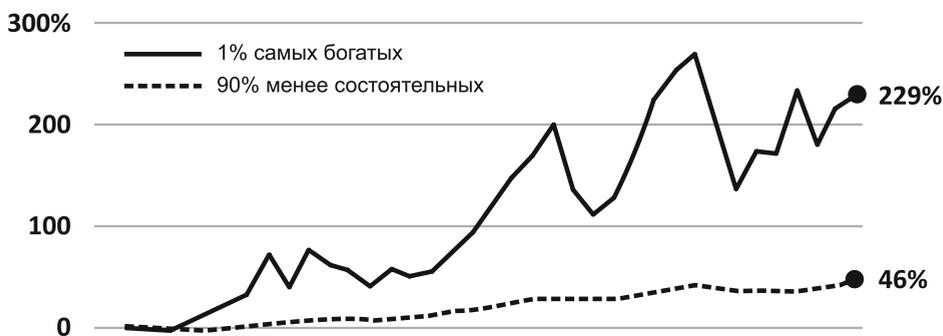
Примечание. Невзвешенные средние значения по 17 странам, по которым доступны данные за длительный период времени: Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Израиль, Италия, Япония, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Великобритания и США. Включая данные по Мексике, не относящейся к странам с развитой экономикой.

Источник: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), доклад «Под давлением: средний класс в тисках».

График 7

Доходы 1% самых богатых выросли в пять раз быстрее, чем доходы 90% менее состоятельных

Рост реального годового дохода домохозяйства по группам в соответствии с размерами доходов (1979–2015)

развития человеческого потенциала). В него входят денежные ресурсы, то есть ВВП на душу населения, уровень образования и продолжительность жизни — как индикаторы в широком смысле слова благополучия.

График 8

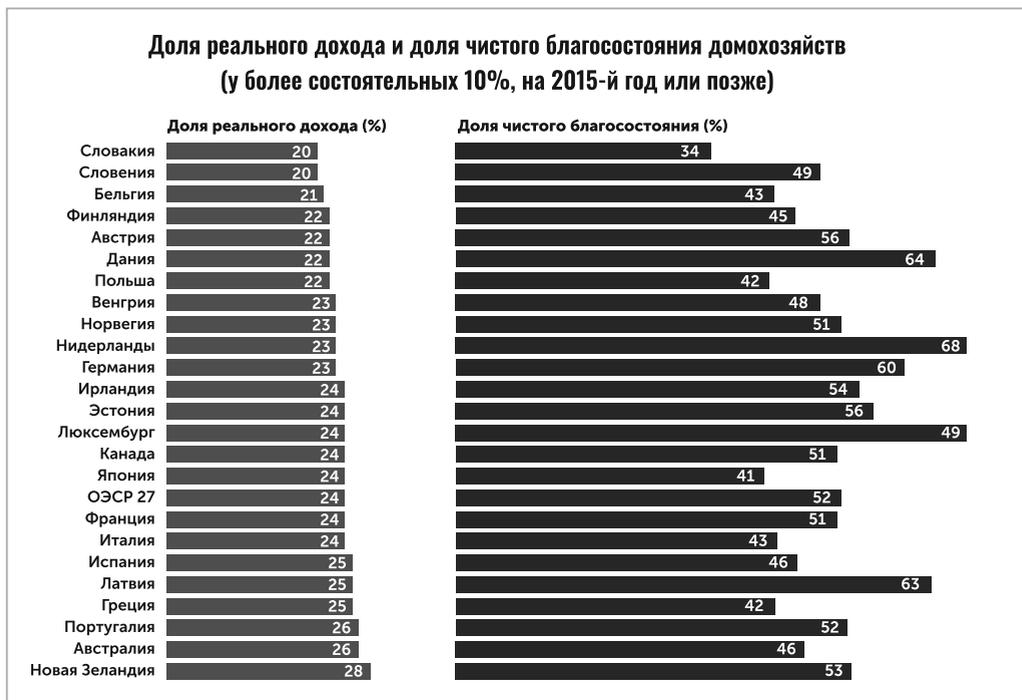

График 9

**Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)
в убывающем порядке**

Из отчета о развитии человеческого потенциала за 2020 год

Рейтинг	Страна	Оценка ИРЧП (2019)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Ожидаемая продолжительность обучения	Средняя продолжительность обучения	Валовой национальный доход на душу населения (ВНД) \$
1	Норвегия	0,957	82,4	18,1	12,9	66 494
2	Ирландия	0,955	82,3	18,7	12,7	68 371
2	Швейцария	0,955	83,8	16,3	13,4	69 394
4	Гонконг, Китай (САР)	0,949	84,9	16,9	12,3	62 985
4	Исландия	0,949	83,0	19,1	12,8	54 682
6	Германия	0,947	81,3	17,0	14,2	55 314
7	Швеция	0,945	82,8	19,5	12,5	54 508
8	Австралия	0,944	83,4	22,0	12,7	48 085
8	Нидерланды	0,944	82,3	18,5	12,4	57 707
10	Дания	0,940	80,9	18,9	12,6	58 662

Если посмотреть на первые 10 развитых стран (график 9), то здесь все страны протестантские, за исключением Гонконга (это довольно специфическая страна) и Ирландии (католическая страна, бывшая колония Великобритании).

Итак, на первом месте богатый сосед Швеции — Норвегия (у них газ и нефть). Далее Ирландия, Швейцария, Гонконг (SAR), Исландия, Германия, Швеция, Австралия, Нидерланды и Дания.

Теперь несколько комментариев. На фоне этого экономического развития мы наблюдаем одновременно сильный рост популизма и правых движений в некоторых странах, а также появление таких фигур, как Борис Джонсон, Орбан, Качиньский. Главная угроза для всего мира — Трамп.

Откуда у них поддержка? И почему эти движения и политики пользуются успехом? По этому поводу существуют разные точки зрения и разные теории. Я сошлюсь на некоторые из них.

Первая основана на двух простых понятиях, которые развил британский журналист, политолог Дэвид Гудхарт (*David Goodhart*), автор бестселлера «Дорога куда-то», в котором он постарался описать ключевые разграничения в западном обществе, приведшие к росту популизма и к таким политическим кризисам, как избрание Трампа и Брексит: *somewheres* и *anywheres*.

Somewheres — это «здесьние люди», у которых есть определенное место, где они родились и живут, это — их мир.

Anywheres — это образованные люди, которые могут работать везде, им неважно, будет ли это Лондон, Париж, Женева или Нью Йорк. (Или же это те, которые надеются иметь такие возможности.)

У этих людей довольно разные миры. Именно *somewheres*, которых Клинтон назвала *deplorables*, то есть «жалкими», находятся на приведенных графиках внизу по наличию доходов. Даже если доходы не падают (во многих случаях и это было, в особенности в Америке), то они отстают от *anywheres*.

Это простая модель, однако и в Англии те группы населения, которые поддерживали Брексит, представлены названными категориями.

Используются и другие интересные методы анализа, например, эконометрические. Экономисты вторгаются на территорию политологов с изощренными статистическими методами. В Западной Европе, в частности, старались понять истоки популизма. Было выявлено два фактора. Во-первых, что политика «коллективного Брюсселя» не защитила людей во время финансового кризиса 2007–2008 годов. И во-вторых, экспорт, перемещение производства из «старого ЕС» в «новый ЕС», то есть из Германии, Австрии, Италии в Словакию и так далее (но не в Китай).

Но есть и другой подход, получивший признание. Так, например, болгарский эксперт в области международных отношений Иван Красев объясняет поддержку националистов и авторитарных движений в

Восточной Европе тем, что за них голосуют *somewheres*. Потому что они видят, как привлекаемые уровнем жизни на Западе молодые люди уезжают, и явно протестуют против этого.

Есть и более глубинные экономические тенденции. Судя по всему, мы опять проходим «индустриально-технологическую революцию». Индустриализация начиналась, как известно, с ткацкой промышленности в Англии. Ткацкие станки превратили рабочих в пролетариев. И в течение 50 лет пролетариат в Англии страдал. Но потом начался переход рабочей силы в новые виды промышленности. И со временем проблема стала менее острой. С середины XIX века наблюдается постепенное развитие новых промышленных отраслей, а сегодня — и сферы услуг. С внедрением искусственного интеллекта производительность труда в разных отраслях будет существенно различаться. Те, у кого нет необходимых знаний и образования, чтобы участвовать в новой экономике, окажутся лишними или будут вынуждены переходить в низкооплачиваемые сферы услуг. Соответственно, это скажется и на состоянии общества. Такое было и раньше. У нас в Швеции проводилась специальная экономическая и социальная политика в 1940–1960-х годах (тогда в стране тоже была сильная отраслевая трансформация), позволявшая производственным сферам развиваться благодаря примерно одинаковому уровню зарплат, а тех, кто работал в непроектируемых сферах, — переводить в более перспективные отрасли.

Теперь вопрос о соотношении новой экономики и ресурсов, учитывая большой риск несоответствия возможностей людей тому, что от них требуется для освоения технологий, а также космические доходы тех, кто внедряет и развивает эти технологии. Это небольшая группа людей: владельцы *Microsoft*, *Google* и так далее. То есть главная проблема в том, как это будет развиваться, как политические системы будут отвечать на этот вызов.

И в заключение я бы хотел сказать несколько оптимистичных слов.

Вопрос о распределении в международном плане уже поднимался в Давосе, где встречаются самые богатые миллиардеры и не всегда самые прогрессивные политики. Мы наблюдаем существующий разрыв, который увеличивается, что с этим делать? В 2017–2018 годах в Международном валютном фонде имел место «идеологический поворот» от так называемого Вашингтонского консенсуса, который предписывал, что главное — это рынок (в духе Рейгана и Тэтчер), «надо решать все через рынок», рынок будет эффективно распределять ресурсы. Да, при этом могут быть те, кто на этом обогащается, а другие теряют, но будет действовать так называемая концепция *trickle-down*, в соответствии с которой наверху будут зарабатывать, а богатства будут как-то «просачиваться вниз». Как именно — никто не объяснял.

Затем этот консенсус поменялся: начали активно анализировать и докладывать результаты о важности нормального распределения

доходов населения не только с гуманной точки зрения, но и для роста экономики. Раньше полагали, что «разница в доходах приводит к бóльшим инициативам», а сейчас установили то, что понятно само собой: «более равное распределение знаний приводит к более эффективному обществу». Здесь на первом месте — образование и здравоохранение, то есть те факторы, которые включены в Индекс развития человеческого потенциала. А также высокие налоги на богатых в какой-то мере можно сочетать с динамичным развитием экономики. И это очень важно, потому что Международный валютный фонд и Всемирный банк — это как бы «идеологические центры» в капиталистическом мире.

Можно сослаться на тот факт, что, несмотря на состояние американской демократии (которая на самом деле не что иное, как «плутократия», то есть система, где состояние, богатство имеет очень большое значение для развития политики), Байден все же победил. И не только победил, но левая либеральная часть демократической партии, хоть и потерпела поражение внутри партии при выборе кандидата, явно повлияла на формирование байденовской политики, которая сейчас содержит в себе сильные элементы европейской социал-демократической программы: поддержка семьям и так далее. Это, конечно, очень важно. Америка постоянно «идет к краху», если верить российским политикам, уже 70 лет, но вопреки всему продолжает оставаться важнейшим игроком в мире. И очень важно, что такой поворот там произошел. Тогда как в Европе удивительным образом социал-демократия потеряла поддержку, а в некоторых странах даже считалась «живым трупом» из-за того, что недостаточно поднимались проблемы, связанные с тем, о чем я говорил, — с распределением. Политики — Блэр, Шрёдер, у нас — Перссон, которые возглавляли свои партии, слишком соглашались с доминирующей консервативной, а вернее, либеральной программой и вдобавок после того, как ушли со своих постов, стали довольно богатыми, работая консультантами на разных более или мене пристойных предприятиях.

Но «труп» все же жив. Очень приятным для нас в Швеции событием стала победа социал-демократов на выборах в Германии. Сейчас они формируют новое правительство в коалиции с двумя другими партиями. Есть обновления и модернизация. Психологический застой, который образовался в результате долгого сотрудничества христианских демократов с социал-демократами, в настоящее время заканчивается. Посмотрим, что будет дальше. Главное, что можно сказать, — «центр держит крепость». И конечно, для стабильности в Германии, для ее демократии и стабильности в Европе ввиду значения Германии в Европе — это очень хорошая новость.

Могу добавить, что в Скандинавии, в частности, в Дании, интересная и бойкая дама Фредериксен, возглавляющая датскую Социал-демократическую партию, хотя и применяет жесткие меры правого толка в отношении иммиграции, но в социальной сфере проводит прогрессивную

политику. В Норвегии тоже победили социал-демократы, получив относительное большинство. В Финляндии правительство тоже возглавляет молодая социал-демократка Санна Марин.

Так что этот регион, который был «крепостью социал-демократии» и этой модели вообще, держится.

Можно добавить, что и Борис Джонсон, консерватор, сейчас проводит очень активную политику по поддержке нижних слоев. Его партия это терпит. То, что он сейчас предпринимает и сколько денег выделяет на разные социально-экономические программы, — наверное, удивляет многих старых консерваторов. Но он «ловит ветер».

Так что еще есть сопротивление против того тренда, который привел к ослаблению демократии и популизму. Но надо быть трезвым и помнить, что в следующем году предстоят выборы в США, а еще через два года — выборы президента. Трамп жив-здоров, во всяком случае физически, насчет его психического здоровья есть довольно авторитетные суждения бывшего начальника *Joint Chief of Staff*, то есть высшей ставки, который охарактеризовал его как сумасшедшего. Но Трамп жив и здоров, и республиканская партия — в его руках.

Сайты, где можно узнать больше об этих вопросах:

IMF.org — Международный валютный фонд.

OECD.org

Замечательный ресурс PHE.org

И о демократии — Freedomhouse.org

Тридцатилетие постсоветского политического опыта. Попытка определения положительных достижений*

*Михаил Минаков,
философ, политолог и
историк (Украина)*

Добрый день, коллеги! Сегодня мы с вами поговорим об опыте коллективного политического действия в постсоветских обществах в последние 30 лет.

Важно, чтобы в этом разговоре мы учитывали как практики, так и политическое воображение. Как мы представляли себе посткоммунистический транзит в начале пути и как менялось наше воображение в пути? Какой была эта практика и каковы результаты транзита? Из дидактических соображений я предложил бы сфокусировать наш разговор на обсуждении *достижений в демократическом плане*. А в будущем мы еще сможем поговорить и об автократических достижениях транзита.

Чтобы понять наш постсоветский опыт, который включает в себя и практики, и воображаемое, и достижения, я буду исходить из понятия политического творчества. Во введении в коллективное исследование «Идеология после Советского Союза» (*Ideology After Union*) мы с Александром Эткиндоном определили политическое творчество как сумму результатов индивидуальных и групповых действий в сфере политики; политика такая же сфера, в которой проявляет себя человек, Dasein, как и искусство. И чтобы понять себя, важно понять, как мы строили свои государства, как понимали себя как народы, как осмысливали свою гражданственность.

И еще одно. Сегодняшний разговор — это не просто теоретическое упражнение. Я хочу отбросить теоретическую дистанцию и посмотреть на те элементы наших коллективных политических опытов, которые можно будет в будущем применить, когда возникнет возможность для возвращения к демократической повестке дня в странах нашего региона. Этот шанс будет, нет сомнений. И мы должны быть готовы вернуться к

* Выступление на семинаре в Риге 19 сентября 2021 г.

либеральной демократизации, обладая тяжко доставшейся нам мудростью, извлеченной из ошибок посткоммунистического транзита. И неоимпериализм, этнонационализм, суверенная автократия могут быть преодолены. Но им должно предложить политическую программу такого качества, где политическая свобода не сопрягается с криминализацией, свободная экономика — с бедностью, а демократическое государство — с антисоциальной, безразличной к обществу политмашиной.

Готовясь к сегодняшней беседе, я предварительно пытался составить список наших достижений в демократии. Должен признаться — для меня это был очень болезненный процесс. Внося в список создание новой партийной культуры, или постсоветского парламентаризма, или еще чего-то в этом роде, я был вынужден потом вычеркивать эти пункты, зная, чем они завершились к 2021 году. Но я пытался быть оптимистом (Лена Немировская всегда нас заставляет быть оптимистами). И вот получился список для нашей беседы.

Итак, постсоветский период — это период не только деструкции (например, распада Союза или запрета компартии и КГБ), но и политического, социального творчества. В политике и обществе возникает много нового — практик, институтов, норм. В это время происходит переизобретение того, что такое государство, что такое политический плюрализм, что такое гражданственность, что такое национальность, что такое право, — и этот список можно продолжать. Мы заново разделяли сферы взаимодействия людей на публичную и приватную.

«Советский опыт» — это опыт соединения приватного и публичного в

единую, временами тотальную систему, где такие публичные институты, как правительство или партия, разрастались до невиданных масштабов и подчиняли себе частные институты семьи, бизнеса, религиозности, интимности и т.д. Приватное стало в значительной мере обобществленным.

Поэтому перестройка и революция 1991 года привели к десоветизации, основанной на дифференциации, переизобретении того, что такое частное, а что публичное. Советский человек конца 1980-х изобретал, что такое бизнес, секс, тело, семья.

Революция 1991 года — это пример революции без гражданской войны и интервенции, но бывшей поистине пиком политического творчества, не сдерживаемого политическими и социальными структурами. Часть этого творчества увеличивала пространство свободы для человека и групп, а часть полагала начало для автократизации. Но в начале 90-х речь шла больше о свободе, поскольку революция 1991 года совпала с глобальной третьей волной демократизации.

Напомню, что третья волна демократизации — это транснациональное, международное явление, которое возникло в середине 1970-х и привело к усилению демократических институтов, практик и ценностей во всем мире. Это связано и с практиками, и, что очень важно, с закреплением либерально-демократического воображения: за человеком стали признавать неотъемлемые права, стало «естественным» признавать за гражданами право контролировать элиты с помощью выборов, разделять власть на отдельные ветви и уровни. И длилась эта волна до 2008–2010 годов, когда стало оче-

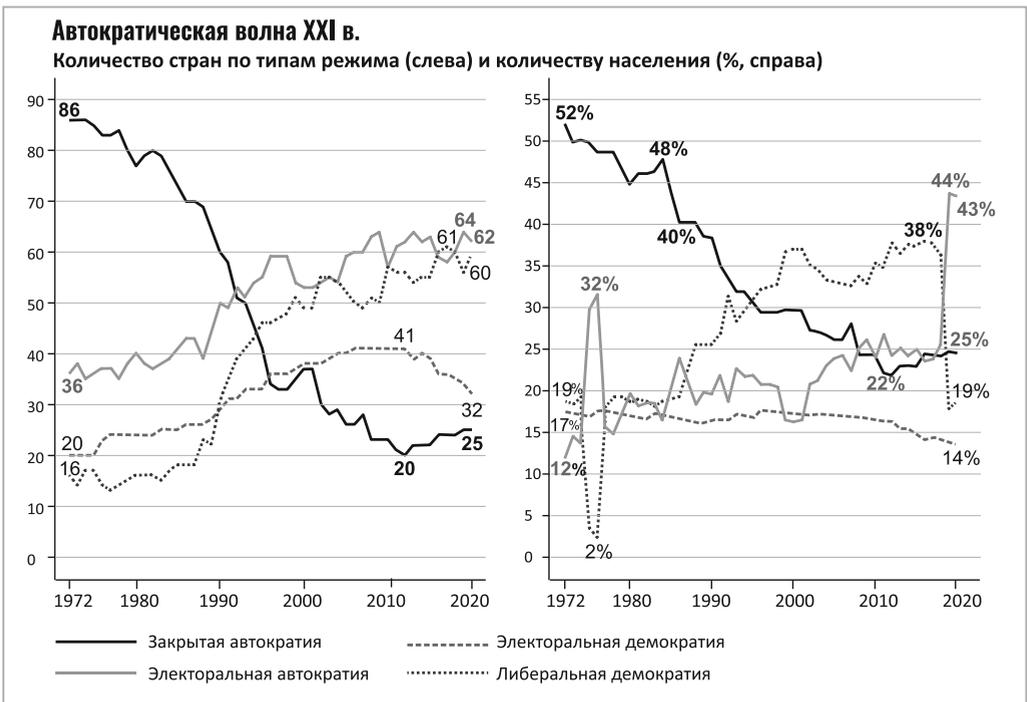
видно, что глобальная демократизация завершилась, созданные полстолетия назад демократические институты не обеспечивают надлежащего управления и удовлетворения запросов своих граждан. После 2009-го начинается то,

что все больше исследований называют «третьей волной автократизации». В силу этого я бы описывал постсоветский политический опыт как некое «скольжение» на двух волнах, демократической и автократической.

График 1А

График 1Б

На графике 1А можно проследить и общую тенденцию (нижняя линия), и развитие демократии по трем ключевым показателям демократизации: электоральной, либеральной и партиципативной (демократии участия). Электоральный показатель демонстрирует то, как распространялся и усиливал свое действие институт выборов — и для смены элит, и для смены политик. Либеральный показатель демонстрирует влияние гражданских прав и свобод на ограничение своеволия элит, на изменение самой логики политической администрации. И показатель участия указывает на то, как граждане постоянно (а не только в моменты выборов) участвуют в принятии решений.

На графике видно, что в начале XX века первая волна касалась в основном электоральных систем. После потрясений Первой мировой войны, распада империй, революций и возникновения национальных государств в политике начинают участвовать бедные и женщины. Второй рывок — после Второй мировой войны, когда выборы приобретают еще большую значимость, а за ними подтягиваются и правовые системы, и институты участия. И наконец, третья волна, она такая растянутая. Это момент, когда две мировых системы достигают определенного равновесия с началом Хельсинкского процесса. Но пик третьей волны связан именно с падением Советского Союза и Восточного блока.

Наши постсоветские государства возникают после 1991 года в рамках этой волны демократизации. Теоретический вопрос: а не исчезнут ли они со спадом демократии и с накатом авторитарной волны? Ответа пока нет.

Постсоветская революция, революция 1991 года, устанавливает новые начала в политической жизни. Я уже говорил о дифференциации на публичное и приватное. Например, поколение наших родителей изобретает религиозную жизнь. Уже с 1988 года новый религиозный опыт становится легитимной частью жизни — сначала приватной, а затем и публичной. Примерно в то же время легитимируется бизнес. В конце 1980-х по СССР катится волна «частных революций» — предпринимательской, сексуальной, революции в семье, в отношении к своему и чужому телу...

Но еще более заметны «публичные революции». Изобретаются национальные государства, парламенты, выборы, партийное разнообразие, идеологический плюрализм, суверенитет...

Да, в 1991 году советским обществам нужно было понять: а кто носитель суверенитета в республиках, в бунтующих регионах Приднестровья, Абхазии, Каракалпакии, Татарстана, Чечни и т.д. Кто суверен, какой народ?

Постсоветские общества переизобретают меньшинства, словари для национальностей. Советский народ, например, становится запрещенной категорией.

Это связано с политическим воображением: а кто теперь большинство и меньшинства? Появляются группы «неграждан», «русскоязычных», «автохтонов», «коренных», «понаехавших» и т.д., что меняет социальные диспозиции групп во всех постсоветских странах. Тут же возникает новое неравенство и политическое воображаемое, делающее его приемлемым.

Изобретается плюралистическая демократия: как могут взаимодействовать граждане, поддерживающие разные

партии и идеологии? А после путча 1991-го, уже в сентябре, в республиках прошла волна запретов КПСС и возникновение многих новых партий. Почти во всех республиках КГБ распущено. Почти во всех республиках местные главы местных военных округов начинают подчиняться президиумам местных Верховных Советов.

И наконец, рынок, частная собственность, ценность денег, экономика без тотального административного управления тоже изобретаются заново. Происходит принятие капитализма и связанного с ним социального воображаемого.

Но революции утомляют. Масса возможностей радует лишь поначалу. Начинаются кризисы: политические, экономические, в каждой республике уже своя динамика, тут советские общества расходятся по своим постсоветским транзитам, казавшимся столь неповторимыми. Свобода уже не радует, возникает желание стабильности.

Но усталость тоже недолговечна — к повестке 1991 года возвращаются уже в начале 2000-х. Программы цветных революций на Украине, в Грузии и Кыргызстане, а также в протестных движениях других постсоветских стран чуть ли не слово в слово повторяют идеи 91-го. Снова нужно разделить бизнес и власть (приватное и публичное), установить демократию, утвердить идеологический плюрализм. Потому что новые полицейские режимы — что Кучмы, что Шеварднадзе, что Акаева — явно возвращались к советским истокам.

Но даже успешные постсоветские цветные революции создали режимы, быстро забывшие о программных обещаниях. За три года режим Саакашвили

становится антилиберальным. В Кыргызстане отход от революционных обещаний происходит еще быстрее. А в контрреволюционных странах усиливается реакция. Фактически к началу 2000-х политическое творчество постсоветских обществ теряет свою демократическую энергию.

Давайте посмотрим, что нам показывают измерения демократии в постсоветских странах в 2010 году (график 2).

Пунктирная кривая — это «общая по палате», то есть для всех 15 бывших советских республик после распада Советского Союза. И давайте сравним показатели Беларуси, России и Украины. После роста влияния гражданских прав на политику в начале 90-х имеем обратный рост в Беларуси и несколько позже в России. К 2010 году в обеих странах влияние гражданских прав на политику минимально.

В случае Украины либеральный показатель падает в конце 90-х, но вырастает в 2004-м и падает снова в 2009-м. Украинская демократизация имеет циклический, неравномерный характер, она не поднимается выше средней по региону, но и не опускается до российского и белорусского уровня.

Важно обратить внимание, что Евромайдан 2014 года не улучшил ситуацию с правами. Евромайдан во многом начинался по той же программе 1991 года, но результаты майданной победы были смазаны начавшейся войной. Эффект войны крайне важен для того, чтобы понимать авторитарные достижения. Война на Украине с 2014-го, как и в России с 1994 года и в Армении с начала 1990-х, подрывала политическую свободу и действенность права.

График 2

Право и демократия во многом зависели от конституционных систем, возникших в 1990-х. Конституции, созданные в этот период, — если к ним относиться не только как к юридическим документам, но и как к документам политического воображения — это консенсусы отцов-основателей и матерей-основательниц новых государств. Судя по ним, верховенство права было крайне важным элементом в революции 1991 года.

Сравнение ранних постсоветских конституций позволяет говорить о том, что они — значительное демократическое достижение. Они закрепляют разделение исполнительной, законодательной и судебной власти и предоставляют гражданам инструменты контроля над властью. Однако дальше, с конца 90-х годов, конституционные реформы направлены на уменьшение объема прав граждан. И к 2019–2021 гг. конституции становятся все более авторитарными, суверенистскими и консервативными.

Автономия судебной власти — это еще одно из ранних постсоветских достижений. Советские судьи начала 1990-х вдруг получили возможность действовать по закону, без согласования с местным секретарем компартии. И в 1990-е возникают примеры поведения судей Конституционных и Верховных судов, которые дают окорот президентам, премьерам и министрам. Судебные ветви, однако, с течением времени стали сословиями, пронизанными связями с кланами местных и центральных элит. И все же в политическом опыте постсоветских народов есть элемент справедливого суда и

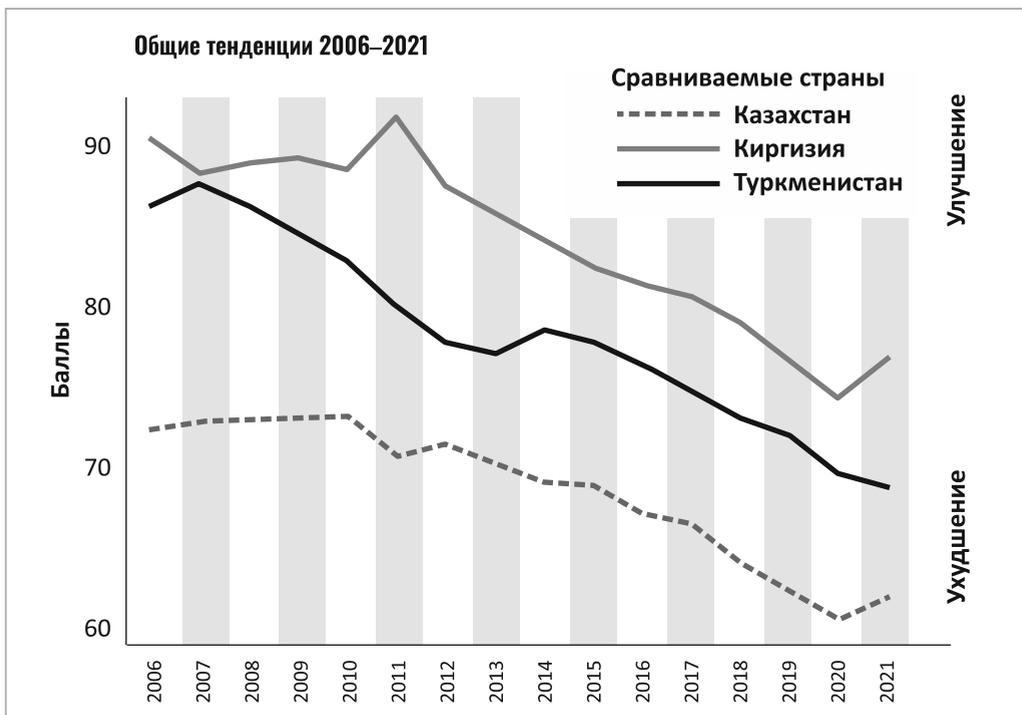
автономии судей, что тоже крайне важно для политического строительства демократий.

Свобода прессы и совести, которая возникает во времена поздней перестройки, усиливается в начале 1990-х годов. Во многих конституциях были закреплены нормы, прямо запрещающие цензуру и идеологическую монополию. В этих нормах — опыт советских людей, говорящих постсоветским потомкам, чего нельзя допустить, чтобы правители управляли СМИ и устанавливали единую госидеологию. Правительствам запрещено влиять на церкви и религиозную жизнь граждан. И да, повсеместно в последнее десятилетие мы видим, как исполнительная власть становится инициатором создания новых церквей или преследования существующих.

В целом за 30 лет стабилизировались сами постсоветские государства. За последние 15 лет, несмотря на самые жесткие военные, эпидемические и политические кризисы, они демонстрировали, что устойчивы и не относятся к числу failed states (график 3).

Перечисляя демократические достижения, в их список я бы добавил и возникновение устойчивого понимания гражданственности и места для гражданского общества. Большинство современных народов имеют гражданские общества традиционного типа, где соседская община и религиозное сообщество являются местом, где граждане общаются и принимают решения. Эти институты гражданского общества подвержены демодернизации, архаизации и клерикализации. Но они остаются важной частью пространства, где действуют граждане.

График 3

Также есть формы гражданственности, которые были изобретены в 1989–1992 гг., во время первых выборов и референдумов, и даже в первых гражданских конфликтах. Не все эти формы демократичны — тут и изобретение «неграждан», и маргинализация огромных частей постсоветских обществ по доходу, по языку, по конфессии. Но постсоветская гражданственность в гораздо большей части демократична, вовлекает людей в политическую коммуникацию, принятие решений и воспроизводство практик контроля над властью.

Гражданские организации нового типа проявили себя в начале 1990-х в демократических реформах, борьбе с ГКЧП, цветных революциях и массовых протестных движениях. Но ни современные, ни традиционные гражданские организации не оказались настолько сильны, чтобы поставить политиков вровень с собой. Политики быстро научились, как использовать НКО/НГО в своих целях, превращая их лишь в одно из крыльев той или иной партии или клана. В развитии кланов гражданские организации — крайне важная часть: их влияние, их легитимность в том или ином обществе.

График 4 демонстрирует, что влияние гражданских организаций на политику стабильно присутствует во всех странах региона, за исключением Туркменистана. Авторитарные и гибридные режимы при этом дают им разные возможности, но все правительства (за одним исключением) не могут игнорировать граждан.

Индекс влияния гражданского общества в целом по постсоветским странам и в Армении, Казахстане, Кыргызстане, России, Туркменистане и на Украине.

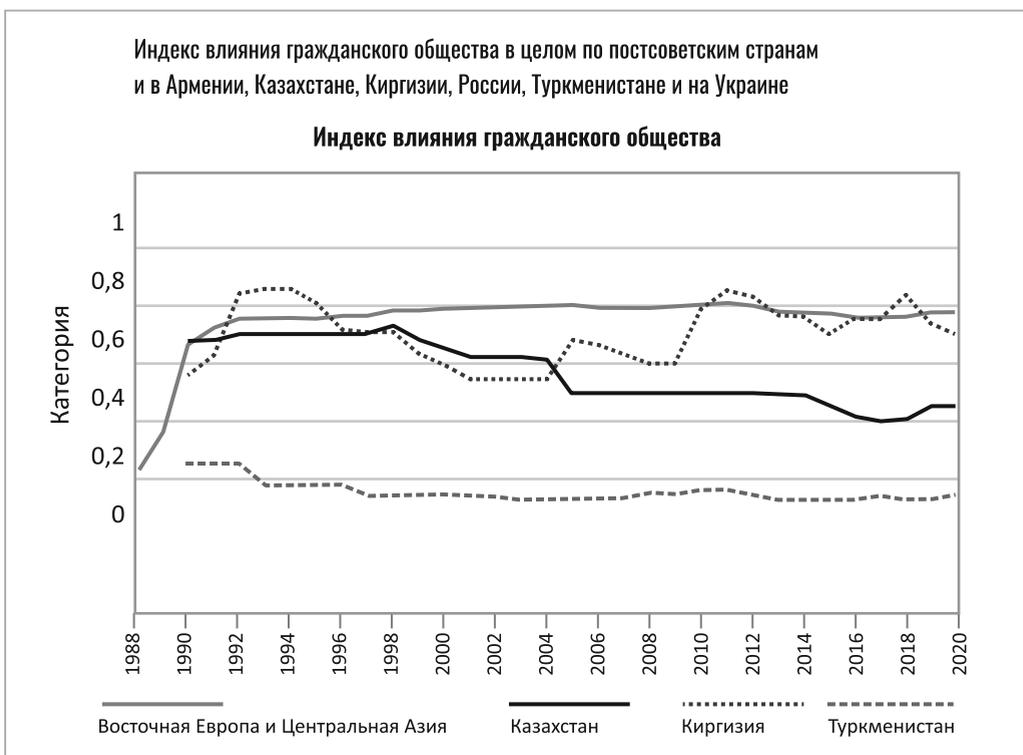
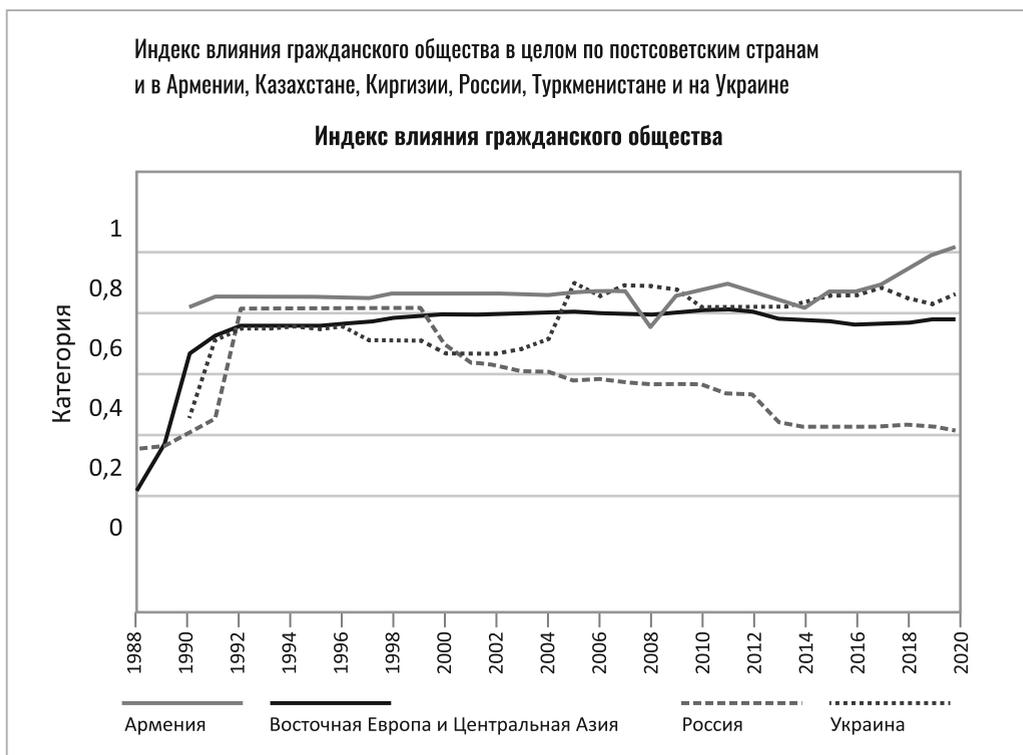
Так или иначе, гражданственность и ее новые формы организации — это все часть достижений постсоветской революции. Это начало развивается все дальше и в будущем принесет свои сюрпризы.

Если внимательно посмотреть на восток Европы 1989–1991 годов, то это не только период демократических революций и распад Восточного блока, но и неспособность восточных европейцев к жизни в сложных государствах. В это время в западной части континента европейцы создают Европейский союз и все более сложные меж- и наднациональные структуры. В восточной же части даже «чехословацкий народ» не смог ужиться в рамках одного государства. Югославская федерация распалась, и даже сейчас это деление продолжается. Советский Союз также распался накануне подписания нового Союзного договора.

Попыток преодолеть государственническую энтропию было немало. Тут и попытка создания демократической федерации в России (о ней докладывал в Школе один из ее преподавателей и интеллектуалов, стоявших у истоков той попытки, — Андрей Александрович Захаров). Независимая Украина создавалась под влиянием идеи соборности. В начале 1990-х о сложных проектах думали и в Средней Азии. Но затем, уже в 1993–1995 гг., воображаемое сложной государственности уступает место националистическому воображению во всех постсоветских субрегионах — это угасание федерации и комплексного (сложного) государства.

В отличие от соборности или федерации, националисты шли с идеей республики. Республика, общее дело граждан, главенствует в восприятии государства

График 4

среди постсоветских обществ. Но республика оказалась заложником между конфликтным индивидуализмом и этнолингвистическим коллективизмом, сведя идею республики к примитивным архаичным формулам общей крови и судьбы. Но, так или иначе, республика как усилие межгражданского сотрудничества стала частью политического опыта.

Итак, либерально-демократическая политика и правовая республика — это общий опыт постсоветских народов в 1990-х. У этого опыта, несмотря на национальные рамки, есть общий ритм, общая судьба. И этот живой опыт еще сыграет свою роль в будущем построении свободных политических систем в Восточной Европе и Северной Евразии. Однако этот ритм также указывает на постепенную автократизацию всех постсоветских политических систем. В некоторых случаях автократизация нестабильна и срывается, в других — она длится до 25 лет, но в целом это свидетельствует о происходящем в постсоветской политической культуре и заставляет задуматься об

автократических достижениях посткоммунистического транзита (о них см. график 1Б).

На этом я заканчиваю и хотел бы запустить нашу дискуссию. Личный опыт свободы как фундамент будущих преобразований — его важно проговорить, зафиксировать. Эта насаждаемая элитами уверенность, что свобода не для нас, что государство и суверенность правителей важнее, должна быть подвергнута критике. Как и то, что политическое мышление скатывается в псевдонаучные категории геополитики, которая вообще о гражданах не говорит, но фокусирует внимание на мистических судьбах материковых и морских держав, а также лимитрофов. И преодолеть это можно, лишь опираясь на основания недавнего опыта политической свободы.

И нашу дискуссию давайте начнем с вопроса о ценных достижениях последних 30 лет. И возможно ли верховенство права в государствах, построенных нашими народами? И возможны ли четкие границы между публичным и приватным, то есть возможно ли преодолеть коррупцию?

Дискуссия

Мария Зубарева (Украина): Я с удовольствием слушала доклад и ностальгировала по прошлому — я помню все эти процессы.

Я хотела добавить к вашему выступлению одну небольшую деталь. Когда началась перестройка и развал Советского Союза, свобода слова становилась ценностью — очень ценна была информация. То есть раскупались газеты, раскупались самиздаты. Я приведу

пример Украины. Была такая газета «Поступ», издававшаяся во Львове. Она начиналась как самиздат, как подпольное издание. Ее печатали в Литве и поездом в сумках привозили во Львов. Во Львов приезжали люди из Донецка и забирали сумки, отвозя их на Донбасс! И газету «Поступ» раскупали мгновенно, потому что людям как воздух необходима была публицистика, информированная и свободная дискуссия. Так

были запущены процессы, которые меняли политическое воображение. Это было все такое новое, пьянящее! Можно было говорить обо всем, читать обо всем! И тогда этих распространителей самиздата ловил КГБ, но после задержания их отпускали, потому что им уже ничего нельзя было предъявить. Этот первый опыт свободы был упоителен. Я не могла не вспомнить это. Спасибо!

Александр Космеску (Молдова): Продолжая тему Марии... В Молдове был тот же процесс. Но в нашем случае это было связано с языковым вопросом. В советское время в Молдавии навязывали идею, что молдавский язык и румынский язык — это два разных языка. Национальное движение 1980-х попыталось отстоять логику исторической справедливости, вернуть статус румынского языка молдавскому. В 1989 году была создана первая газета, которая печаталась латинским алфавитом в балтийских странах, и ее тоже везли в Молдавию. Газета называлась *Glasul Națiunii* — это «Голос нации». Украинский и молдавский опыты схожи.

Я еще бы хотел добавить достижение в политической практике Молдовы. У нас был всего лишь один успешный массовый протест — в 2009 году. Хотя протест длился всего три дня, начались массовые репрессии, три национал-демократические партии, входившие в парламент, сказали: «Люди, пожалуйста, не выходите на протест! Мы добьемся выполнения ваших требований!» И это завершилось успехом — партии сдержали обещание, а протест не подорвал порядок.

Да, есть много нюансов, но после 2009 года Молдова приобрела опыт правящей коалиции. Сотрудничество пар-

тий, представляющих разные группы молдаван, — позитивная история, показавшая лучший результат, чем голосование за одну правящую партию, как это было в 2001-м, когда выбрали коммунистов. И с 2001-го по 2009-й было авторитарное однопартийное правление коммунистов. Потом, с 2009-го, было несколько правящих коалиций, которые формально поддерживали европейскую интеграцию. Именно европейский проект становился базовой идеей правящей коалиции.

Впрочем, эта идея была воплощена чисто формально. И на последних парламентских выборах, с утратой доверия к коалиционным правительствам, снова выбрали одну правящую партию, которая начинает действовать авторитарно.

Интересно наблюдать за этими колебаниями: в какой-то момент коалиция воспринимается как что-то позитивное, а потом большинство населения снова поддерживает однопартийное правительство.

Вадим Штепа (издание «Регион. Эксперт»): Я родом из Карелии, сейчас живу в Эстонии. Такой вопрос: есть ли объяснение парадокса эволюции правящих элит? Я приведу пример. Во время августовского путча молодой тогда мэр Петрозаводска, столицы Карелии, Сергей Катанандов собрал огромный по городским меркам митинг против путча и за Ельцина. Он был довольно прогрессивный человек. Прошло 12 лет, и тот же Катанандов — но уже в статусе главы республики — открывает памятник Андропову, который работал, служил в Карелии, и говорит: «Мы открываем памятник выдающемуся деятелю нашей партии и государства».

Второй пример — Виталий Товиевич Третьяков. В августе 1991 года один из защитников Белого дома, а сегодня — ультраимперец, путинист.

Есть ли у вас объяснение такой эволюции элит? Мне кажется, ответ на этот вопрос поможет понять изменения, которые произошли за эти 30 лет.

Михаил Минаков: Да, это очень интересная динамика. Во время транзита многие политики и интеллектуалы прошли своеобразный цикл: из революционеров и либералов многие превращались в консерваторов и державников.

Вспомню пример Александра Панарина, философа-диссидента в 1980-е, лидера либеральных интеллектуалов Москвы в начале 1990-х и радикально-консервативного мыслителя в конце 1990-х.

Такой цикл, по-моему, связан с двумя факторами. С одной стороны, новые политические системы имели слишком много недостатков и были куда хуже, чем того хотелось в 91-м году. Видимо, неприемлемая реальность конца 1990-х усиливала иску: «Ну, давайте тогда перейдем в другой режим, в имперский или националистический! Может, они будут успешнее?»

Эти циклы есть и в России, и в других странах. Например, в Грузии из революционера Саакашвили 2003 года возникает автократ Саакашвили 2007 года.

Также, вероятно, это изменение воображаемого связано со слабостью институтов. Если бы эффективность парламентского надзора над исполнительной властью оставалась на уровне, такое превращение Саакашвили или региональных чиновников в России было бы невозможно.

Перерождение идеологическое, ценностное, видимо, связано с доминированием, давлением персонализма: наши политические системы институализированы в неформальных терминах, они очень персоналистичны. И политическое воображение начинает нормализовать персоналистическое воображение. Если персонализм нормален, то нужно отказываться от всех этих «ненужных» противовесов гражданства, права, суда и так далее. Мудрые люди могут все сами за всех решить.

Кирилл Орешкин: Я хотел поделиться личным опытом тех лет. Что мне больше вспоминается в начале демократической эпохи, даже еще в СССР, это внезапно обрушившаяся на нас свобода слова. Возможность читать, обсуждать то, что было абсолютно невозможно. Не только некоторые тексты, которые ходили в самиздате, но и совершенно новое, о чем мы даже не слышали. Тогда был целый вал публикаций, и удивительно, что очень многим это было очень интересно. Выросли тиражи журнала «Огонек» и газеты «Аргументы и факты» до миллионов читателей — нечто немыслимое для, условно говоря, газеты «Правда».

Еще я помню Первый съезд народных депутатов, когда люди по улицам ходили с приемниками, чтобы не пропустить ни слова из дискуссий. Работу парламента передавали в прямом эфире. Притом что перед этим был опыт бесконечных съездов КПСС, которые транслировались по всем каналам и которые никто не смотрел. И вдруг — огромный живой интерес к политике.

Я жил тогда в Ленинграде и помню, что дискуссии возникали прямо на улицах. Это и было формирование

гражданского общества. Когда люди распространяют газеты и тут же начинают обсуждать написанное в них. В обществе шел диалог, который никем не модерировался, а просто возник стихийно на улицах. Это было удивительное время, и непонятно, как мы его упустили.

И еще про связь демократии и экономики. В 1990-е мы верили, что развитие капитализма и рынка неизбежно приведет к демократии, потому что капиталисту выгодна сменяемость власти, выгодны твердые законы, их исполнение, выгодна честная судебная власть, и поэтому все это само собой образуется, «невидимая рука рынка» и установит демократию. Именно этого и не произошло, как мы видим, ни в России, ни на Украине. Оказалось, что крупному капиталу как раз выгодна система недемократическая, олигархическая, сращивание с властью и таким образом получение дополнительных ресурсов.

Михаил Минаков: Спасибо, Кирилл, что обратили внимание на этот последний вопрос. Он связан с той дискуссией, которая развернулась как раз в этом году, когда экономисты указали, что в постсоветских странах, приверженных к большей политической свободе (Украина, Грузия, Молдова и Армения), доходы домохозяйств и доля ВВП на душу населения хуже, чем в постсоветских автократиях. Отсюда возникает постсоветский парадокс: если вы относительно свободны, то будете, скорее всего, бедны; если вы несвободны, то ваши доходы будут больше и стабильнее. Получается так, что авторитарные режимы обеспечивают домохозяйства бóльшим доходом.

Этот парадокс я сравнил с индексом человеческого развития: есть ли зависимость статуса свободы от уровня ИЧР? И здесь еще один парадокс: какой бы доход у домохозяйств ни был, какой бы режим ни был, человеческое развитие несколько повысилось почти у всех постсоветских народов. Если смотреть на Беларусь, Украину, Молдову и Россию, то они растут медленно, с незначительной разницей.

И тут возникает еще больше вопросов. По всей видимости, в социально-экономической политике начала 1990-х была сделана критическая ошибка. Социально-экономическая сфера постсоветских народов оказалась в каком-то тупике. Политическое воображение неолибералов привело к установлению такого государства, которое вело политику, подрывающую политическую свободу, и доход, и социальную безопасность граждан. Пришло время признать, что одним из уроков постсоветского транзита является необходимость четкого отказа от неолиберализма. При всей математической корректности неолиберализм социально и политически некорректен. Отсюда вывод: в будущем либеральная демократия должна идти рука об руку с социальной демократией.

Сергей Кошман (Украина): Я хотел бы сделать такой шаг назад и примирить демократию с экономикой в себе. И это у меня не получается.

Это же вечный вопрос: кого должны готовить университеты — подготовленные кадры для рынка труда или свободных просвещенных граждан? Вне зависимости от того, какая экономическая ситуация и кто нужен рынку труда — айтишник или аграрий.

Вот у нас заговорили о новом президентском университете, который должен готовить новую элиту: программистов, инженеров... Но в классическом понимании слова это не элита. Я отнес бы к элитам людей, разбирающихся в экономике и политике, а также в философии, способной их примирить. Поэтому вопрос примирения политической и экономической ситуации действительно важен.

И вот я крепко задумался. И вспомнил момент из личного опыта. Для меня одним из самых больших постсоветских впечатлений стало видео с первыми дебатами и подготовкой к ним. Выходили люди, которые не совсем понимали, как «продавать» идеи. И они выглядели зажато, как советский человек, впервые оказавшийся в аэропорту. Видимо, эмансипация — это не только воображаемый, но и физиологический процесс. И вот один из специалистов, который занимается исключительно коучингом испанских политических лидеров, сказала мне по секрету: «Сережа, мне кажется, тебе надо больше танцевать». Это я к вопросу, как примирить. Наверное, эта советская любовь к фигурному катанию, к такому сказочному полету движений крайне симптоматична. Это — часть мечты об эмансипации, об освобождении.

У меня есть такая метафора: когда мы в 1991 году приобрели независимость и легли спать, а утром проснулись и спросили, что с нами произошло. Эта ночь затянулась у кого-то на 20 лет, у кого-то на 30. Я сам не могу понять, проснулся я или не проснулся. Зомби я (как говорил Пётр Швитальски) или уже «научился ходить»? Мне кажется, это освобождение — оно имеет очень серьёзную физиологическую

компоненту. И социальные сети, и все эти вещи, которые заставляют нас сидеть в таком положении, они не просто не помогают нам, а нас буквально и телесно *закрепощают*. Поэтому подумайте об этом! Если просидел час в фейсбуке, то, будь добр, потанцуй с партнером 15 минут.

Андрей Дихтяренко: Я вот о чем думаю. Сегодня в России проходят «выборы», а в Киеве — ЛГБТ-прайд. И в СМИ много внимания отведено параду. Но интересно смотреть эти сообщения не столько из-за самого прайда, сколько из-за противников ЛГБТ — они выглядят еще более экзотично. И эти экзотичные противники требуют усилить приватное и уменьшить публичное, изменив публичное поведение ЛГБТ. Вот эти процессы, которые сейчас происходят с эмансипацией полового проявления, с сексуальной ориентацией человека, видимо, необходимы и для того, чтобы демонстрировать свою ориентацию в публичной сфере. И постсоветское пространство продолжает переход к открытости в этом плане. Хотя в разных постсоветских государственных образованиях этот процесс идет явно неравномерно.

Кирилл Филимонов: Я хотел бы продолжить эту тему. ЛГБТ-движение — это один пример. Но есть и феминистская критика, которая много десятилетий критиковала разделение публичного и приватного как усиление патриархальных структур, где публичное остается за мужчинами, а приватное — за женщинами. И вот сейчас в России вводятся законы о так называемой «гей-пропаганде» и вдобавок закон о декриминализации домашнего

насилия. Это показывает, что российское государство в этом аспекте пытается усилить разделение публичного и частного. Поэтому как раз этот вопрос в списке «необходимых условий демократии и свободы» у меня вызывает сомнения. Я хотел подискутировать на эту тему и, наверное, не согласиться.

Михаил Минаков: Да, публичность, сексуальность и семья — это очень важный аспект постсоветского развития. Спасибо, что к нему обратились!

Дело в том, что интимность, сексуальные отношения принадлежат к сфере частного, но право практиковать их свободно, без вмешательства публичных институтов требует публичной защиты.

Давайте посмотрим, что происходит в постсоветское время. Частью постсоветской революции являлась сексуальная эмансипация. Эта эмансипация бьет по институту семьи. Сама природа семьи и домохозяйства по сравнению с 1989 годом резко меняется. Пространство семьи становится меньше, а семьи — нестабильными. И это порождает огромную консервативную энергию в наших обществах, для которых политика вторична, а *семья* — первостепенна. Это социально активные люди, для которых *выживание* возможно (особенно в наших социально-экономических системах) лишь в семье. Передача традиций — местной, этнической, национальной, иной — тоже только в семье. Так или иначе, этот новый постсоветский консерватизм уже к концу 1990-х годов четко формируется, выходит на публичную сцену.

Как только консерваторы появляются во властных структурах, они начинают вводить биополитику в центр своих

идеологических построений (и отчасти в социальную политику, но в гораздо меньшей степени). Публичная борьба с ЛГБТ в этом контексте — это реакция на сексуальные отношения, не ведущие к воспроизводству населения. И вопросы сексуальной ориентации и гендерного равенства оказываются в центре внимания, борьбы между либералами, социалистами и консерваторами.

Но эти дискуссии — дискуссии о правах, а не об интимном. Запреты на демонстрацию сексуальности — это поверхность политики, в глубине которой как раз порыв публичных институтов ворваться в сферу частности, принудить подданных к рождению детей и маргинализации тех, кто «пропагандирует» сексуальные отношения, не ведущие к росту населения.

Важно отметить, что это идеологический, а не политический процесс. Запреты ЛГБТ-сообщества не ведут к увеличению доходов семей с большим количеством детей или к улучшению социальных перспектив детей из многодетных семей. Многодетность статистически связана с бедностью и ее безысходностью: дети наследуют бедность родителей.

И тут перед нами нарушение границ частного и публичного силами государства, пытающегося контролировать не только воображение и мышление подданных, но и их телесность.

И, завершая сегодняшний разговор, хочу вас поблагодарить за вопросы и возражения. Богатство современной политической жизни дает нам массу уроков. Надеюсь, сегодня мы усвоили несколько из них. Но процесс учебы и приобретения опыта продолжается. И когда перед нами снова возникнет возможность установить политические,

Мэри Бэт Эдельсон (Mary Beth Edelson). Серия стенных коллажей. 1973–2017

социальные и экономические институты, поддерживающие свободу и равенство граждан и групп, а также способствующие правовой и социальной солидарности людей и народов Восточной

Европы, мы справимся лучше наших родителей и создадим лучший мир, где не будет войны между соседними народами и где телесность не будет делом правителей.

Андрей Стрижак,
правозащитник,
сооснователь BY_help и
BYSOL

«Мы должны сделать все,
чтобы вернуться
в нормальную страну»*

Кто-нибудь из присутствующих в зале родился в августе? Так вот, кроме ваших дней рождения, в истории человечества в августе происходило мало чего хорошего. И неудивительно, что наш всплеск гражданской активности и, соответственно, попытка подавления ее год назад тоже произошли в августе. Это было не в одночасье, не в один момент, когда люди решили: «Мы сидим уже 27 лет, сколько можно, давайте уже скинем Луку!» Понятно, что у людей был определенный общественный договор с действующей белорусской властью о том, что «вы не трогаете нас, а мы вам отдаем абсолютно все свои гражданские политические права, только обеспечьте нам триединую базу существования рядового белоруса: чарка, шкварка, иномарка». Чарка — это дешевый, доступный алкоголь. Шкварка — это сало, жаренное на сковородке. А достаточно дешевую иномарку до какого-то времени, пока у нас не был создан Таможенный союз (который мы называем «таежным союзом»), можно было ввозить из Евросоюза и ездить, пока она не развалится. И на этих трех столпах держалось все белорусское общество — не все, конечно, бóльшая его часть, которую все в основном устраивало. Сначала убрали иномарку. Белорусы подумали: «Ну ладно, две трети еще у нас осталось, будем с этим что-то дальше думать и делать».

После этого в 2017 году А. Лукашенко чуть ли не впервые за всю историю своего правления совершил огромную ошибку. Он подумал, что нехорошо, что часть людей имеют отхожие промыслы — могут выезжать в другие страны, в ту же Российскую Федерацию или Евросоюз, и зарабатывать там себе какие-то деньги, содержать свои семьи, присылать переводы и

* Выступление на семинаре в Вильнюсе 29 октября 2021 г.

прочее. Раньше всех это устраивало, потому что это все равно деньги, поступающие в экономику. Но в 2017-м прижало, и у Лукашенко возникла гениальная идея: он ввел налог на безработицу. То есть человек, у которого нет работы, должен заплатить налог. Очень логично: нет работы — плати налог. Ты дышишь — плати налог. У тебя белорусский паспорт — плати налог. Я привожу такие абсурдные примеры, потому что в случае с налогом на безработицу, так же как и с налогом на дыхание и паспорт, предметом налогообложения является сам белорус. Потому что он ничего не совершает, он просто безработный. И как в компьютерных играх: можно играть как положено, а можно играть, вводя коды. И тут Лукашенко прибегнул к «читерству»: он ввел в налоговый кодекс дополнительную строчку, в которой было написано, что налоговые вопросы решает не только налоговая инспекция или наш условный парламент, но и администрация президента, которая может вносить изменения, какие захочет. Он воспользовался читерством для того, чтобы летать и собирать с людей деньги, но летать он смог только вверх ногами. Потому что не все так просто. Нельзя обложить налогом то, чего не существует, — нет предмета. Это была первая проблема.

Вторая проблема заключалась в том, что они не учли огромное количество людей, которые в их понимании тунеядцы и официально не трудоустроены, но на самом деле они являются классическими иждивенцами, которые находятся у кого-то на попечении или иждивении. Например, жены министров тоже оказались тунеядками, потому что многие из них нигде не работают (не скажу, что все). Тунеядцами оказались и солдаты срочной службы, которые демобилизовались из действующих войск. Потому что если демобилизовался за несколько дней до середины года, то не успеваешь трудоустроиться по этому декрету, и автоматически должен платить в конце года этот налог. Налог, в принципе, достаточно чувствительный для белорусов: порядка 400 евро с человека в год. Особенно для сельской местности это очень большие деньги. Следующими «попали под раздачу» маленький город или село (наверняка вы знаете ситуацию), где, к примеру, проживала пожилая мать и ее взрослый непутевый сын, который нигде не работал. И эта пожилая женщина получала уведомление о том, что ее сын должен заплатить налог. В итоге эти обязательства ложились на нее. Таких уведомлений по стране было выслано 470 тысяч, то есть практически в каждую семью. И тут началось...

В 2017 году белорусы впервые вышли по экономическим причинам в такие места, где, как мы шутили, после Октябрьской революции вообще никогда никаких выступлений не было. Например, в Гомельской области есть город Рогачев. Согласно свидетельствам, имеющимся в их краеведческом музее, последнее из таких выступлений прошло в 1917 году. Безусловно, власть была в шоке. Что-то надо было делать. Они начали откатывать назад и тем самым совершили вторую ошибку, поскольку

Лукашенко никогда не откатывает назад. Он всегда додавливает свои идеи до конца. Но тут возникла проблема. Идея взимать налог с безработных была его собственная. Ее невозможно было свалить на подчиненных и сказать, что какой-то дурак министр предложил или злые языки Запада напели. И нашла коса на камень. В итоге декрет так и не был отменен до конца. Он был очень сильно кастрирован — там урезали все, что только можно, и оставили немногочисленную категорию людей, которая под него подпадает: это безработный, имеющий в собственности жилье.

2017 год — это был первый даже не звоночек, а удар в колокол белорусской власти, который она успешно пропустила. Меры, направленные на предотвращение этой угрозы, не были до конца продуманы, власть не понимала, что она делает. В 2017 году люди впервые поняли, что если что-то делать массово, вместе, сообща, то можно добиться результатов. (Декрет был действительно сильно урезан.)

В период с 2017 по 2020 год было еще несколько разных выступлений. Были истории с очередной попыткой подписания какой-то там 28-й или 30-й дорожной карты. Были выступления в поддержку независимости Беларуси, но они были малочисленные.

И вот 2020 год. Я как сейчас помню: Новый год с 2019-го на 2020-й, сижу дома и думаю: «Что-то должно случиться». Просто чувствую, что год будет какой-то очень непростой. Уже тогда было известно о том, что начинается пандемия. В Китае были очень серьезные карантинные ограничения, но никто не думал, что мир настолько глобален, что уже через несколько месяцев в Беларуси это станет тоже очень большой проблемой. И власть снова повела себя абсолютно неадекватно. И вот тут возникла другая проблема. Если в случае с декретом они затронули почти каждую семью с финансовой точки зрения, то в 2020 году в ситуации с ковидом государство решило поиграть на тех вещах, которые ценны для каждого человека: это жизнь и здоровье. Неважно, кто ты — уборщица, министр, президент, военный, — так же, как и все, ты подвержен риску заболеть и умереть. А учитывая, что тогда еще никто не знал, что делать с этим вирусом, насколько он опасен, насколько он может быть проблемным в будущем для человека, присутствовал очень большой страх. Если в европейских странах все решалось локальными либо государственными локдаунами, попыткой как-то обуздать распространение инфекции, то в Беларуси Александром Лукашенко были предложены «уникальные методы лечения» — это водка, баня, езда на тракторе по полю, созерцание белых козочек, вдыхание дыма и гари. У человека постоянно фонтанировали идеи. Если чувствует человек, что у него есть что-то вирусологическое, то он, наверное, все-таки вирусолог. Принял о себе такое решение — и начинает давать ценные указания, рассказывать о том, как и что нужно делать правильно. Последнее из того, что я слышал, — это нужно есть сыр.

Так вот, Александр Лукашенко, который вещает об этом на телеканалах, и параллельно — доктора, которые начинают массово сталкиваться с неизвестным заболеванием, происхождение и течение которого непонятно, и непонятно, как с ним бороться. Врачи начинают сами заболеть, фиксируются первые смерти, общество находится в большом напряжении.

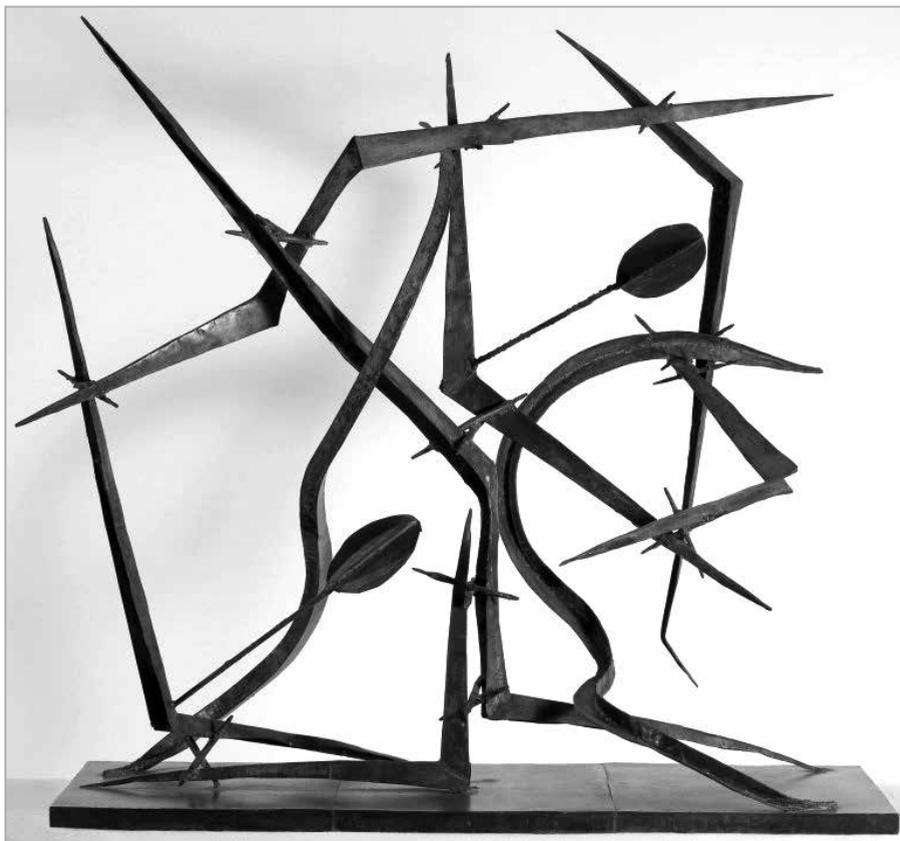
И тут происходит ситуация роли личности в истории, если можно так сказать. Мой старший сын уходит на карантин: я так решил, что он будет учиться дома. И мы с ним две недели сидим смотрим фильмы, едим попкорн, гуляем по парку, занимаемся всем, чем только может заниматься отец с сыном. Через две недели он уходит к своей матери, и я понимаю, что мне критически нечем заняться, потому что я тоже сам решил покарантинить, посидеть дома и посмотреть, что там будет. В Белоруссии тогда это было редкостью, надо мной смеялись мои коллеги, говорили: «Что ты в офис не ходишь?» А я: «Ну пока не буду ходить». И вижу пост в фейсбуке одного из врачей, который (в Белоруссии это на самом деле смелость) заявляет: «Я буду на работе, а вы сидите дома». А мне приходит в голову мысль: а все ли есть у этого врача для того, чтобы он мог работать? Я связываюсь с ним, и оказывается, что у них серьезная нехватка средств защиты. Это произошло 27 марта. И с этого момента стартовала кампания *BYCOVID19*, в ходе которой за три месяца было собрано 360 тысяч евро и закуплено на них почти полмиллиона единиц средств защиты и полторы тысячи единиц аппаратуры, и все это поставили в больницы. Из 110 районов Беларуси мы охватили 108. То есть мы приехали в каждую больницу. Ясно, что мы не закрыли абсолютно 100% потребностей, но мы были везде. И это было очень странно для власти, потому что в гражданский сектор я пришел в ноябре 2000 года — ровно 21 год назад. И власть знала, кто я такой. И Евромайдан у меня тоже есть в бэкграунде, и волонтерство на Донбассе украинском, то есть все эти вещи. Поэтому им было очень тяжело со мной сотрудничать. Например, в городе Гомеле, в котором я жил, было прямое распоряжение облздора: «Не принимать никакой помощи!» И главврачи звонили мне напрямую и говорили: «У нас есть такое распоряжение, но мы все равно будем принимать, потому что у нас в хирургии два респиратора, а врачей — четверо. И эти респираторы нужно постоянно менять». И мы с коллегами, сформировав группу, которая работала 24/7, в течение трех месяцев отработали очень многие моменты, которые потом пригодились. Но самое главное, что наша команда активизировала в людях возможность самоорганизовываться на местах и помогать медикам. А самый основной момент тут — это техника самоорганизации. То есть если бы это была не помощь медикам, а какая-то другая общественно важная проблема, актуальная для всех, то тогда люди работали бы с ней. Но тут был вопрос жизни и смерти, очень хорошо понятный, никому не надо объяснять, что это такое. И по всей стране возникли сотни маленьких

групп, которые занимались тем, что просто распарывали простыни, делали самодельные бахилы для врачей, то есть пытались сделать что угодно, находили респираторы, какие-то вещи. Я до сих пор помню одну активистку из маленького города, которая просила кислородный концентратор. На тот момент эти вещи были на вес золота. Я знал, что у них в больнице не работает система распределения кислорода — единственная возможность как-то спасти больных. И мы таки достали им эти концентраторы, и они работают до сих пор (даже когда я уже враг народа официально). Я знаю, что многие врачи ходят по сей день и в наших щитках, которые мы привозили.

Я считаю, что в 2020 году работа кампании *BYCOVID19*, работа Сергея Тихановского (одного из популярных видеоблогеров YouTube-канала под названием «Страна для людей») и выдвижение Виктора Бабарико (представителя старого белорусского истеблишмента, банкира, который всегда был вхож в высокие кабинеты) стали тремя факторами, которые привели к тому, что произошло 9 августа. То есть активизация людей на низовом уровне, очень хорошие альтернативные медиа, которые рассказывали про их жизнь и проблемы, и я как достаточно хорошо зарекомендовавший себя менеджер, умеющий управлять процессами. Поэтому к 9 августа мы подходили подготовленными с учетом того, что Тихановский сидел в тюрьме, Бабарико сидел в тюрьме, а я уже был за рубежом.

Но случилось то, чего не ожидал Лукашенко: жена Сергея Тихановского таки подала документы как кандидат в президенты. Никто на это не обратил внимания — какая разница, еще один технический кандидат, когда победа в кармане. Но власть не учла, что люди хотят перемен. И то, что происходило 9 августа, было не за Светлану, это было за каждого из нас. Светлана стала символом, человеком, который встал впереди. Но в любом случае это был выбор не политический, а, скорее, идеологический и цивилизационный — уход от постсоветской структуры к какому-то новому обществу. Каким оно будет — тогда никто еще не представлял, да и сейчас, наверное, слабо представляет, насколько все это может измениться. К тому времени уже месяц работала кампания *BY_help* — очень интересная структура, которая с 2017 года реинкарнирует каждый раз, как только в обществе появляется в ней потребность. Мы с коллегами создали ее, чтобы помогать репрессированным. И она имела достаточно неплохую наработку. За месяц было собрано около 200 тысяч евро, которые постепенно расходовались на штрафы, на поддержку людей, вышедших из-под административных арестов, и на адвокатов.

И вот наступает 9–11 августа. Как только появляется связь и интернет, мы все видим эти шокирующие кадры. И принимаем решение расширить мандат работы *BY_help* еще и на раненых и избитых людей, которые пострадали от рук силовиков. Утром 11-го у нас 200 тысяч евро

Херберт Фербер. Зеленая скульптура II. 1954

на счете. Вечером 11-го — уже миллион. То есть мы собрали 800 тысяч за день. Второй миллион мы собрали на следующий день. И тогда стало понятно, что происходит что-то очень нестандартное для Беларуси. Какие-то процессы очень сильно ускорились, и это нужно учитывать и смотреть на то, что будет дальше. Было принято решение помогать также уволенным по политическим причинам и людям, которые начали организовывать стихийные стачкомы. Но команда *BY_help* уже не в состоянии была справляться с этим объемом задач, и была создана еще одна структура: Фонд солидарности *BYSOL*.

Его история начинается 14 августа и продолжается по сегодняшний день (29 октября 2021 года. — *Прим. ред.*), общая сумма собранных и переданных жертвам репрессий денег составила более 4 миллионов евро. Мы собрали эти деньги и нашли способ, как их передавать в Беларусь, чтобы ни цента, ни биткоина, ни сатоши не досталось Лукашенко. Ни один перевод не был перехвачен. Единственное, что они могут делать, — это придумывать байки, что накрыли какой-то очередной канал. Буквально вчера об этом заявил Комитет госконтроля. Но,

насколько я знаю, там просто накрыли криптообменник, который занимался какими-то серыми историями, и заодно привязали ему политику. К сожалению, это сейчас часто делают.

А если говорить об общем объеме помощи, который прошел через *BY_help* и *BYSOL*, то совокупно за менее чем полтора года — более 7 миллионов евро. Это тот ресурс, которым обладает диаспора и люди внутри Беларуси, которые хотят перемен. Задают много вопросов по поводу технологий, как это все делается. «Каким образом вы ввозите в Беларусь, если все контролируется?» Есть очень простой ответ: это крипта. Криптовалюта — явление, которое начиналось с каких-то забавных историй про то, что есть какие-то виртуальные монетки и за 10 тысяч биткоинов можно купить пиццу (как это было в одной из первых транзакций). Это привело к тому, что сейчас биткоин является одним из резервных механизмов мировой экономики, потому что его, как и золота, ограниченное количество. Какое-то количество биткоинов будет добыто — и все, больше их невозможно будет синтезировать. И мы используем этот механизм, потому что он позволяет завезти в Беларусь деньги так, что никто не понимает, что их деньги отправили именно мы. Поэтому белорусская власть чаще всего использует козырь, что «это — мошенники, они говорят, что собирают деньги...».

Но сейчас мы столкнулись с новыми вызовами. Пока мы занимались поддержкой людей и помощью репрессированным, власть укрепилась. И ситуация из быстро решаемой явно превратилась в такую, которая затянется надолго. В настоящее время у нас другие задачи, такие как поддержка гражданского общества внутри страны, тех структур, которые появились, потому что старые, известные власти почти все уничтожены — либо разгромлены, либо вытеснены из страны. Но есть большое количество малых структур, малых групп, которые пытаются каким-то образом продолжать удерживать позиции гражданского общества в стране.

Власть ликвидировала какие-то организации внутри страны, но они не перестали работать. Они сейчас работают в Литве, на Украине, в Грузии, в Польше. Мир стал глобальным. Сейчас гораздо больше можно сделать благодаря современным технологиям. Не обязательно находиться в том городе, где ты жил раньше.

И еще одно очень важное направление нашей работы — мы называем это платформой 9¾. Это очень похоже на то, что происходило с Гарри Поттером и его друзьями, когда они знали, в какой точке нужно войти в портал, чтобы оказаться в совершенно другой интересной реальности. Так и мы знаем, как сделать, чтобы человек, который находится под уголовным делом в Беларуси, под подпиской о невыезде, внезапно оказался в безопасности. Если есть какая-то акцентированная потребность — мы этим занимаемся.

Одна из них — гражданское образование. Люди, которые в августе проснулись и поняли, что знания о том, как управлять автомобилем, покупать продукты, не ходить на выборы, недостаточно, чтобы нормально жить, эти люди стали интересоваться, что такое политика, что такое устройство общества, как должны работать избранные людьми структуры. Несмотря на то что в Беларуси сегодня этого всего нет, люди уже хотят знать, как это будет выглядеть в новой стране. И мы в том числе сейчас начинаем заниматься созданием таких курсов и таких платформ, на которых простой человек из спального района может посмотреть несколько роликов и уже иметь хоть какие-то общие представления о том, как работает власть. Потому что это очень важно. Когда внезапно происходят изменения, а у общества нет знаний о том, как власть должна работать, руководствуясь правильными, справедливыми принципами, то наблюдаются, например, такие вещи, как у Лукашенко, который дает простые ответы на сложные вопросы.

Каковы дальнейшие прогнозы? Что дальше? Наверное, это самый интересный момент. У меня хороших новостей пока нет. Ситуация выглядит так, что мы вошли в фазу стагнации, и она затяжная. Предпосылок к тому, что могут произойти быстрые изменения (если не считать «стаи черных лебедей», которые время от времени пролетают), нет. Последний «черный лебедь» был по имени Рома, и летел он на самолете *Ryanair*. Это, наверное, самое яркое из последних событий.

Еще время от времени «стаи черных лебедей» в виде мигрантов пытаются изменить канву событий. Тут тоже все стало более или менее понятно. Европа среагировала на вызовы, она уже знает, как действовать.

Поэтому смотрим. Есть интересные тенденции вроде выступления Тихановской на «Эхе Москвы», которое раньше было немислимо, даже не рассматривалась такая возможность. Есть еще какие-то вещи, которые появляются время от времени и касаются скорее экономических раскладов. Мой прогноз такой, что, вероятнее всего, экономика и погубит режим Лукашенко, случится в ней какая-то критическая ситуация. И это уже будет повторение скорее 1991 года, чем 2020-го, когда не получающие зарплату рабочие вышли на площадь. Они требовали себе еды, а политикам при этом удалось продвинуть такую вещь, как независимость страны.

На сколько все это затянется — неизвестно. Мой младший сын пошел здесь в детский сад, начинает учить литовский язык. Я получаю вид на жительство. И понимаю, что это длинная дистанция. Но длинная не значит плохая. Другой жизни у нас не будет. Другого пути нет. Мы должны сделать все для того, чтобы вернуться домой в нормальную страну, строить ее и жить в ней.

Александр Морозов,
журналист, политолог

Выражение «здоровый смысл» присутствует в русском языке постоянно. Каждый с детства слышит такое от родителей: «Ну должен же у тебя быть какой-то здоровый смысл!» Это происходит в ситуации, когда ребенок, например, неудачно прыгает с гаража или ломает ногу, играя с другими детьми. Если прислушаться к тому, что здесь звучит, становится ясно, что если бы речь шла о том, что ребенок украл пять копеек, то было бы сказано: «Ну должна же у тебя быть совесть!» Таким образом, здоровый смысл и совесть — это не одно и то же. Притом что в выражении «должен же быть здоровый смысл» слышится некоторая нормативность, норма. И в то же время с детства и до зрелых лет, до сегодняшнего дня взрослый человек также постоянно употребляет это выражение «здоровый смысл». И мы в первую очередь должны «прислушаться» к нему через семантическое поле глаголов, которые сопровождают тот или иной концепт. Мы знаем, что делает здоровый смысл: он «подсказывает». Есть такое выражение, как «подсказывает здоровый смысл». Или мы точно знаем в этом семантическом поле, что «это выходит за пределы здравого смысла». Значит, у здравого смысла есть пределы, границы. Эти границы обозначаются таким образом. И также здоровый смысл — это то, к чему апеллируют политики в своей риторике. Теперь отойдем далеко назад.

«Здоровый смысл» — это по-русски. По-английски это *common sense*. *Von sens* — у французов, *sensus communis* — у католиков традиции Фомы Аквинского. И этот *common sense*, как легко заметить, не совсем «здоровый», это что-то другое, это общий смысл. В выражении «здоровый смысл» в русском языке

* Выступление на семинаре в Стокгольме 27 августа 2021 г.

чувствуется здоровье, неповрежденность: «здравый», то есть здоровый, нормальный, неповрежденный смысл. А *common sense* — это, очевидно, нечто другое. И вкратце история этого *common sense* такова. В европейской традиции Аристотель был систематизатором всего мирочеловечества: и человека, и человеческой деятельности. И он первым так отчетливо и подробно различил разные направления разума. Он различал, с одной стороны, «абстрактное» знание — знание об общем, и это он называл «эпистема». От этого слова произошло в дальнейшем целое направление «эпистемология». Одновременно он ясно видел, что существует важное знание, которое касается практических навыков, ремесленного искусства, — это называлось «техно». И третий вид некоторого знания он формулировал как способность рассуждать о хороших и плохих вещах таким образом, чтобы

цель твоих действий вела к желаемому результату (это я сказал своими словами). Примерно вот это он называл словом «фронезис».

Но во второй половине XVII века начался и активно на протяжении всего XVIII века шел грандиозный процесс, который изменил жизнь европейского человечества

Это важный философский термин, который дожил до сегодняшнего дня и обозначает что-то вроде «способности рассуждения, способности иметь представление о хорошем и плохом в направлении практических действий». И в этом смысле фронезис близок к здравому смыслу и нормативности. Но есть и вторая сторона (и она тоже дожила до сегодняшнего дня): *common sense* — это по своему прямому происхождению просто «общее чувство». *Sense* — это «чувство», а *common* — это «общее». И это «общее чувство» (у Аристотеля тоже отчетливо написано об этом) является совокупностью наших пяти органов чувств, которые каким-то образом координируются между собой. Это очевидно каждому, и Аристотелю это тоже было очевидно: у нас есть пять органов чувств, они между собой взаимодействуют, создавая для нас картину мира, на которую мы опираемся. И никаких других инструментов коммуникации с миром у нас нет. Таким образом, все, что у нас есть, создается взаимодействием этих пяти органов чувств. И то «базовое знание», которое мы получаем из координированного действия наших органов восприятия, и есть это «общее чувство», которое нас — как людей или даже как животных — связывает, создает нам общую платформу.

Вот такая была картина здравого смысла в описаниях от Аристотеля до Фомы Аквинского и дальше. И это достаточно простой, понятный нам язык. Но во второй половине XVII века начался и активно на протяжении всего XVIII века шел грандиозный процесс, который изменил жизнь европейского человечества (и теперь уже не только европейского, но и всего мира), — этот процесс можно назвать «секуляризацией публичной жизни и секуляризацией мышления». В течение долгого времени люди ориентировались на то, что некоторая нормативность

их коллективного поведения и их осмысления происходящего, конечно, предполагает концепт Бога. Потому что здравый смысл или логика нашего поведения координировались миллионами людей, учитывая то, что наши возможности понять ход событий ограничены. Да, мы полагаемся на наши пять чувств, но если говорить о каком-то активном здравом смысле, самостоятельном мышлении, то это вступало бы в противоречие с тем нашим пониманием, что Бог руководит этим всем. И дело человека в этом смысле слова, его здравый смысл заключался бы в том, чтобы «знать страх божий» и каким-то образом координировать свои действия с замыслом, о котором он даже не может вынести окончательного суждения. Потому что этот замысел ему не открыт вполне. И он не может быть ему открыт, поскольку это — замысел Бога. Можно лишь пытаться найти форму такого поведения, чтобы считать для себя, что ты не вступаешь слишком радикально в противоречие с этим замыслом.

И этот здравый смысл был преобразован сначала Гоббсом и Локком, которые очень ясно обозначили, что человеческое общежитие и взаимодействие людей должно иметь какие-то самостоятельные, автономные основания. И это был глубокий переворот, потому что на чем же вообще может основываться какая-либо нормативность человеческих сообществ, если Бога нет? Это один из самых ярких эпизодов европейского интеллектуализма. Это постройка очень тонкого, слабого и шаткого «моста», который дал бы возможность людям перейти от довольно устойчивой картины мира к гораздо более рискованной и опасной.

Но тем не менее этот переход состоялся. Важный момент в этой истории заключался в том, что после того, как произошла эта секуляризация, было ясно, что требуется каким-то образом обосновать необходимость того, чтобы человек следовал корпоративным нормам, например, армейским нормам, соблюдал корпоративную этику. Человек дает присягу. И если люди коллективно учреждают государство, то они становятся его гражданами, и они выполняют те нормы, которые государство образуют. И каждый человек в этом смысле слова имеет какую-то миссию внутри этого мира и, соответственно, присягает какой-то этике. И он мыслит внутри этого «коридора». Но, с другой стороны, этот же человек, помимо своего следования этим нормам, также имеет возможность мыслить сверх этого: за пределами корпоративного здравого смысла и тех норм, которые он предписывает. И он вправе обращаться ко всем остальным живущим с «плодами своего мышления». Но не просто обращаться, а таким образом, что он предполагает диалог с этими людьми. Диалог доброжелательный, который направлен не на конфликт, а на мир и в перспективе — на вечный мир.

Таким образом возникло чрезвычайно важное различие того, что человек пользуется частным и публичным разумом. Пользование частным разумом Кант приписал корпоративной этике и тому долгу,

который человек в своем мышлении реализует в направлении тех коллективов, в которых он живет и должен жить. А публичное пользование разумом Кант описал как необходимое дополнение к этому, которое обеспечивает нашу такую «человеческую всеобщность» и наш человеческий диалог поверх этих ограничений.

Мы говорим об этом тут, потому что это имеет прямое отношение к концепту «здоровый смысл». В течение длительного времени от Канта до Хабермаса развивалась дальше идея того, что мы люди и мы в состоянии внутри публичной сферы, которую мы сами формируем (эта публичная сфера не равна государству, не равна никаким нашим корпорациям, в которых мы находимся, — она больше этого), соотносить друг с другом свои действия, вести диалог. И внутри этой сферы мы можем действовать таким образом, что решения, которые мы будем принимать, не будут навязаны: они станут результатом достижения некоторого консенсуса. И тем самым мы сможем учитывать больше интересов. А самое главное — только так может быть обеспечена свобода мышления. А если обеспечить свободу мышления, то это значит вообще обеспечить существование человека как такового. Потому что, с точки зрения Канта и Хабермаса, сущностной характеристикой человека является свобода. Здесь я хочу подчеркнуть, что в определенном горизонте, уже там, где мы находимся, совершенно неважно, обоснована ли эта свобода секулярно, или мы продолжаем считать, что «свобода у человека потому, что он является образом и подобием Бога, и свобода дарована ему Богом». Это вопрос конкретных взглядов, обоснование. Но сама по себе свобода является сущностной для человека. И с точки зрения этой традиции от Канта до Хабермаса мы можем только внутри этой публичной сферы, определенным образом построенной, гарантировать то, что свобода человека будет поддерживаться на долгой дистанции нашими сообществами.

Сделаю три важных напоминания, которые подведут меня к основной части моего выступления. Это три практически одновременных интересных события XVIII века. Екатерина Вторая вступает в переписку с Д'Аламбером, Вольтером и Дидро, поскольку она начинает готовить новое уложение законов Российской империи. Сама эта переписка и ее работа над этими уложениями является очень ярким философским документом русской мысли конца XVIII века. Разумеется, Екатерина опиралась, как и всякий монарх, на «теологическую» картину божественного происхождения власти. Но тем не менее она уже прекрасно понимала, что власть, и само государство, и законы, которыми оно регулируется, должны быть обоснованы вне всякой концепции Бога. И именно поэтому она вступила в переписку с французскими просветителями. Екатерина была очень самостоятельная в мышлении женщина. Она скептически и посмеиваясь воспринимала некоторые их идеи, но она была благодарна за это общение. И чрезвычайно интересна ее

аргументация. Екатерина находилась в постоянном диалоге со своими собственными сановниками, и для того чтобы обосновать законы, которые она хотела принять, она стала апеллировать к здравому смыслу в своей риторике. Она писала, что законы должны опираться на здравый смысл, на «естество». В тот момент происходил важный перелом, когда этот здравый смысл понимался ею как политиком как «натуральный», естественный. Что такое «естество»? Это натуральность, «природность» в каком-то смысле слова. Как бы подчеркивается, что здесь нет уже ничего «сверхприродного». Здравый смысл целиком как бы принадлежит миру людей, он понятен каждому, для него не требуется никакого сакрального обоснования. И в этом смысле он как естество, его натуральность, природность напоминает нам ранние интерпретации, связанные с очевидностью органов чувств.

Но одновременно в это же время Кант пишет свою статью «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Буквально с разницей в несколько лет. Это была статья в ответ на вопрос, заданный другим философом. Многие европейские мыслители отвечали на вопросы о том, что такое просвещение. И Кант ответил, сформулировав в этой работе то, о чем мы уже говорили: что человек только за счет самостоятельности мышления достигает автономии личности. Кант ввел это ключевое выражение — «совершеннолетие». Совершеннолетие как достижение человеком самостоятельности, после которого он может полагаться только на собственный разум. Тем самым в этой работе Кант обосновал уже автономию разума.

И в это же самое время Томас Пейн — и на этом покоится американская политическая философия — написал знаменитый трактат под названием «Здравый смысл» (*Common Sense*). Этот трактат вышел в 1776 году. А Екатерина начала свои дела с 1765 года. То есть Пейн и Екатерина одновременно находились как бы в «одном мире». Этот «Здравый смысл» Томаса Пейна пронизывает американскую политическую мысль до сегодняшнего дня. Происходит бесконечная апелляция к этой работе. Потому что Томас Пейн ставил себе целью обосновать для американских колонистов необходимость выйти из подчинения британской короне, но решил пойти не путем «научной аргументации», как сказали бы сегодня, не путем сложной логики опоры на современные ему источники, на интеллектуальный аналитический язык суверенитета. Он решил, что надо радикально изменить ситуацию и обосновать это, просто обращаясь к каждому человеку, апеллируя к его здравому смыслу. Колонисты очень сильно сомневались, надо ли разрывать отношения с короной, к чему это приведет. И он с помощью здравого смысла обосновал, почему это сделать необходимо. Книга эта разошлась гигантским тиражом, она была в каждой американской семье. И надо сказать, что такого распространения в политической риторике концепта здравого смысла, как в США, нет ни в Европе, ни в России.

Михаил Шибанов. Портрет Екатерины II в дорожном костюме. 1787

Сейчас в связи с популизмом многие исследователи оглядываются на историю этого концепта, например, американская исследовательница София Розенфельд, автор книги «Здравый смысл: политическая история» о формировании концепта здравого смысла для американской политики, в которой она анализирует Генри Филдинга, Шефтсбери и Томаса Пейна. Но она пишет и о том, что здравый смысл был риторическим коньком довольно опасных политиков в американской истории. Маккарти постоянно опирался на риторику здравого смысла. Рейгана задним числом называют «главным мастером здравого смысла». Что такое «здравый смысл» у многих американских президентов? В «мягкой форме» — это стремление опереться на избирателя, на гражданина поверх партийного разделения и слегка поверх бюрократии, поверх истеблишмента. То есть здравый смысл уже во времена Маккарти и

Рейгана, да и при Буше-младшем работал не как инструмент «апелляции к объединению общества», а как маркер, отделяющий нас, «простой народ», от истеблишмента, который «морочит нам голову», — истеблишмента, который действует как бы в противоречии со здравым смыслом. Истеблишмент опирается на какую-то свою «темную науку», какие-то странные экономические теории, которые якобы входят в противоречие со здравым смыслом обычного человека.

И сегодня тот самый момент в политической истории Запада, когда риторика здравого смысла внезапно оказалась, можно сказать, проблемой № 1. Потому что перед нами в каком-то смысле слова «второе восстание масс». И если европейское человечество прожило примерно 150 лет, уверенно опираясь на эту концепцию «автономности» человеческого мышления, которая от Канта и до Хабермаса стояла достаточно крепко и даже позволила купировать последствия Второй мировой войны и выйти из последствий нацизма как огромного испытания европейского устройства жизни, то сейчас наступил такой исторический момент, когда здравый смысл оказался вновь важнейшим инструментом «разделяющей риторики».

И в сегодняшней проблематике это можно обозначить следующим образом. На одной стороне, на одном «плече коромысла» находятся люди, которые говорят: «Для того чтобы двигаться дальше, нам необходимо сформировать такое сильное, мощное, энергичное и волевое большинство, которое для решения текущих проблем сможет обрести достаточную волю и опереться на политических харизматиков, которые будут способны говорить через голову различных институтов и учреждений, созданных политическим истеблишментом. Потому что если мы не обопремся на такую концепцию большинства и на таких харизматиков, то мы не сможем решить проблемы нашего общества или наших обществ в целом». Именно поэтому мы часто слышим сегодня в социальных медиа восклицания: «Нам нужен Рейган!», «Нам нужен Черчилль!», то есть люди, которые могли бы говорить через головы институтов, в каком-то смысле слова «конструируя» народ заново. А другие в этот момент говорят: «Нам нужен такой человек, как Муссолини, или такой, как Путин», потому что это люди, которые в состоянии конструировать большинство, при этом совершенно не придавая значения институтам и относясь к истеблишменту довольно пренебрежительно.

А на другом «плече коромысла» находятся люди, которые считают: «Конечно, демократия как некоторая форма нашей жизни состоит из двух основных начал: из мнения и воли». Это такая «диархия», как это называет Надя Урбинати, профессор Принстона, которая прекрасно проанализировала современные формы искажения демократии и анализирует всю логику демократии сегодня. Да, здесь, конечно, необходим баланс мнения и воли. Сохранение форм консенсуса, диалога между людьми, понимание того, что большинство — оно, несомненно, опасно

и невозможно не конструировать большинство в некоторые моменты, особенно в те, когда мы учреждаем нацию. Без этого нельзя обойтись. Но при этом можно легко зайти «за край». И точно так же с диалогом: диалог в принятии решения — важная вещь. Но на это говорят: «А когда же будет решение? Вы все время находитесь в диалоге, у вас бесконечные дебаты!» Это знаменитая критика демократии со стороны приверженцев, например, и последователей Карла Шмитта. И это тоже так. «Мы понимаем, что дебаты не могут продолжаться вечно, — говорят эти люди. — Но мы не хотим, чтобы решения принимали харизматики, опираясь на так называемое “большинство”, на некоторый сконструированный ими народ, после чего все остальные, кто “не народ”, окажутся лишенными доступа не только к каким-то общим благам, но они потеряют и возможность всякого будущего».

Этот диалог, эта борьба двух «плеч коромысла» не кончаются ни в один момент. Они и составляют содержание политической жизни человека.

Несомненно, что несмотря на то, что современный популизм очень глубоко присвоил себе представление о здравом смысле и здравый смысл — это концепт политического популизма, тем не менее я считаю, что мы должны настаивать на том, что нет никаких других инструментов, кроме человеческого мышления и кроме нашего собственного мышления, кроме того, что мы пишем, и тех диалогов, которые мы ведем. Кроме возможности обращаться нам друг к другу как к существам, которые ведут «жизнь коммуны» (от слова «коммунальный», «общий»).

Мы должны настаивать на том, что популизм, который мы наблюдаем, его подъем является внутренним явлением демократии, не внешним и не привнесенным откуда-то из-за пределов демократии. Нет! Он является ее частью, он встроен в нее. Он является девиацией, искажением, которое может принять опасные формы. Но это — внутри. А раз внутри, то предполагает наш с ним диалог. И если мы на «той стороне коромысла», мы не можем отнестись негативно к людям, которые рассчитывают на то, что их объединят в народ. Но мы должны помнить три простых важных пункта.

Мы стоим на том, что нельзя конструировать понятия «большинства» или «народа», которые окажутся в результате опасными для самих себя. И это первый момент. И мы должны быть чуткими к этому.

Второй момент. Мы не можем согласиться с тем, что убедительной или перспективной является такая критика истеблишмента, которая ведет к переворачиванию ситуации. Почему? Потому что если сильно разогреть риторику против истеблишмента, то вы этот истеблишмент снесете и подорвете его жизнеспособность. И тогда на его месте возникнет другой, но уже ценой катастрофы и больших жертв. При этом устройство мира, в которое «вшиты» иерархизм и социальное неравенство, никуда не денется. Это очевидно. Мы должны очень осторожно

и внимательно относиться к этой критике истеблишмента. Она необходима точно так же, как и критика некоторых вопросов, связанных с большинством.

Третий момент заключается в том, что нельзя уступать публичную сферу. Если эта концепция, на которой простояла европейская цивилизация так долго, будет «размонтирована», мы ничего не получим, не получим от этого никаких бонусов. Мы потеряем публичное пространство как возможность построения консенсусов, согласований, диалогов, инклюзивной политики и не получим ничего, кроме катастрофы.

Это три вещи, на которых, как мне кажется, надо продолжать стоять. Поскольку у нас Школа, то я хочу завершить цитатой. Я готовился к этой лекции и решил пересмотреть «Дух Просвещения» Цветана Тодорова — это такая классическая работа французского философа, которую на русском языке издали в 2010 году. Юрий Петрович Сенокосов, воодушевленный тем, как Цветан Тодоров излагает «базу философии Просвещения», как Тодоров ее актуализирует на современном языке, написал послесловие, которое завершается так: «Люди становятся взрослыми, когда начинают жить в соответствии со здравым смыслом в нормальной стране, так как думают о взаимном уважении, справедливости и нахождении точек для сотрудничества, партнерства и участия в общественных делах во имя общего блага, как пишет об этом в своей убедительной книге Цветан Тодоров». Здесь «здравый смысл» звучит не в том популистском значении, в котором он присвоен харизматической политикой, а в том значении, на котором настаивает Сенокосов вместе с Тодоровым, — это здравый смысл как основа гуманизма.

Антропоцен и экологический кризис современности*

*Сергей Медведев,
профессор Свободного
университета (Москва)*

В этой лекции я хочу разобрать понятие антропоцена, которое является ключевым для экологической теории, для анализа отношений человека и планеты, и понять, каким образом современная цивилизация, цивилизация модерна, привела нас в эпоху антропоцена и, возможно, приведет к экологическому апокалипсису.

Термин «антропоцен» был изобретен в 1980-е экологом Юджином Стормером и введен в научный оборот нобелевским лауреатом по химии Паулем Крутценом — сейчас международные геологические ассоциации решают вопрос о том, чтобы официально признать его новой единицей геохронологической шкалы. Это новая геологическая эпоха, которая является частью голоцена («человеческой эры», последние 12 тысяч лет), — период с высоким уровнем человеческой активности, необратимо воздействующей на дикую природу. Большинство ученых связывает его с началом промышленной революции, хотя палеоклиматолог Уильям Руддимен выдвинул гипотезу «раннего антропоцена», который начался с неолитической революции 8 тысяч лет назад — с распространением человека на все материка и переходом его от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Появляется оседлость, постоянные жилища-мегалиты и первые поселения, и одновременно вымирают крупные животные — мамонты и нелетающие птицы. Но все же большинство ученых связывает антропоцен с Новым временем и деятельностью человека по преобразованию ландшафта и атмосферы Земли. В качестве реперных точек называют 1800 год, когда население Земли достигло 1 млрд человек и начался

* Выступление на семинаре в Стокгольме 25 августа 2021 г.

рост выбросов CO₂, или 1945 год с его первыми ядерными взрывами, оставившими следы по всей планете. С того же 1945 года произошло «великое ускорение»: к сегодняшнему дню население Земли удвоилось, а мировая экономика выросла в 10 раз.

Параллельно с этим ростом шло усиление человеческого воздействия на Землю, которое преимущественно выражалось в разрушении экосистем. Прежде всего это сокращение биоразнообразия: вымирание видов вследствие человеческой деятельности ускорилось в значении от 100 до 1000 раз по сравнению с естественным уровнем, с 1970 по 2012 год численность различных видов животных снизилась на 58%, а популяции животных, живущих в пресной воде, сократились на 81% — это одно из шести крупнейших массовых вымираний в истории Земли. Резко меняется состав земной атмосферы: за последний миллион лет концентрация CO₂ в атмосфере колебалась от 0,018 до 0,028%. В результате деятельности человека уровень двуокиси углерода с началом промышленной революции стал расти. К 2019 году уровень CO₂ достиг 0,041% в результате сжигания ископаемого топлива, производства цемента и уменьшения площадей, покрытых лесом. Результатом этого является парниковый эффект, отражающий излучения тепла Земли, и постепенное нагревание атмосферы: с начала индустриальной эпохи (1750 г.) глобальное потепление составило 1,2 °C. Парижское соглашение по климату предполагает удержание потепления в рамках 1,5 °C до 2050 г., хотя наиболее реалистичные расчеты показывают, что даже если мы сейчас начнем сокращать выбросы и переходить к углеродной нейтральности (*net zero*), климат «разогнался» так сильно, что к середине века потепление превысит 2 °C. Это сулит неисчислимые климатические бедствия и природные катастрофы: таяние ледников и полярных шапок Земли, повышение уровня моря, что создаст угрозу жизни сотен миллионов людей, живущих в прибрежных зонах; исчезновение лесов и опустынивание, таяние зон вечной мерзлоты и превращение, к примеру, большей части зауральской территории России в одно огромное болото. Экологи говорят о том, что деятельность человека (12 тысяч лет, если считать от неолитической революции, или 250 лет, если говорить об индустриальной эпохе) — это исключительное событие в истории Земли, которая насчитывает 4,5 млрд лет: по своему воздействию его можно сравнить со столкновением с большим астероидом, как произошло 65 миллионов лет назад, когда в Землю врезался метеорит диаметром около 10 км в районе полуострова Юкатан, что привело к изменению климата и крупнейшему мел-третичному вымиранию — исчезли, в частности, динозавры.

Воздействие человека на Землю нашло отражение и в Библии — именно так я считаю библейский миф о грехопадении, изгнании Адама и Евы из рая, что представляется мне метафорой выпадения человека из естественного природного цикла. С зарождением сельского хозяйства,

строительством жилищ и началом предметной деятельности по преобразованию природы человек отделяется от этой самой природы, которая с этого момента становится для него «окружающей средой», т.е. чем-то внешнеположным, другим. В ходе своей деятельности человек производит вторую, искусственную среду под названием культура, но с течением веков эта искусственная среда начинает влиять на естественную среду (природу), трансформировать ее и в итоге поглощает и природу, и самого человека, делая его придатком машины (а сегодня компьютера).

Я хочу исследовать этапы этого покорения природы культурой (человеком), но сосредоточиться на одном отрезке человеческой истории, эпохе Нового времени (современности, модерна), когда произошло радикальное усиление человеческого

Антропоцен совпал по времени со становлением и возвышением европейской цивилизации, которая стала западной и в итоге глобальной цивилизацией

воздействия на природу, антропогенного фактора. Антропоцен совпал по времени со становлением и возвышением европейской цивилизации, которая стала западной и в итоге глобальной цивилизацией и по сей день производит доминирующие социокультурные образцы. Утверждение Европы приходится на трехвековой период — с 1450 по 1750 год, от отступления эпидемий чумы в середине XV века (обычно это связывают с Малым ледниковым периодом, глобальным относительным похолоданием XIV–XIX веков) до начала промышленной революции. Именно в этот период зарождаются основные европейские институты, которые распространятся на весь мир: капитализм, современное («вестфальское») государство, современная наука, географические открытия и картография, колониализм и империализм. И точно в то же самое время, с XV по XIX век, начинается глобальный экологический кризис, в том числе массовое исчезновение видов, искусственный перенос видов с континента на континент (в том числе так называемый «колумбов обмен»), который некоторые называют «экологическим колониализмом», и тотальное «окультуривание» человеком природного ландшафта при помощи строительства дамб, каналов, дорог, осушения низин, распространения горнорудной промышленности и роста городов.

Экологические историки называют этот процесс «трагедией общих ресурсов» или «трагедией общин» (*tragedy of the commons*). Например, в результате массовой охоты в Европе за пару веков исчезают целые виды животных, такие как волк или зубр. Отчасти это происходит потому, что одним из главных действующих лиц эпохи становится фермер, которому нужно защищать насаждения и скот. Вот, скажем, волк: попробуйте найти волка или медведя в Центральной и даже в Северной Европе — вы их не найдете. Ближайшие будут где-нибудь на территории России, в Карелии. В последнее время их завозят в европейские леса, но на протяжении столетий здесь все волки были выбиты массовой охотой.

Луй Шу-Кван (Lui Shou Kwan). (1919–1975)

Была создана мифология, которая стигматизировала волка, показывала его как олицетворение зла. С другой стороны, была охота как спорт, которая выделяла богатый праздный класс. Право убивать других живых существ для развлечения, как и право носить оружие, во все века было привилегией аристократии, которая внесла свой вклад в истребление видов. Затем с развитием капитализма рынки расширяют запрос на меха, на рыбу, на китовый ус и так далее — и это все тоже ведет к исчезновению видов: так, например, к XVIII веку было истреблено за счет промысла огромное морское млекопитающее под названием стеллерова корова. Подобным образом можно проследить и экологическую историю России — русский фронтир просто следует за мехом. Расширение России в Сибирь означает, что люди идут и выбивают вид за видом. Выбили всю белку, всю куницу, всего соболя. Это исследуется в книге Александра Эткинда «Природа зла»: так, например, за вырубкой лесов шла Новгородская республика. А сама Российская империя двигалась за мехом и систематически истребляла один вид пушного зверя за другим, заходя все дальше в Сибирь.

Второе — это глобальный экологический обмен: то, что называется «экологический империализм», перенос новых видов животных, растений, патогенов. Были привезены из Старого Света в Новый многие инфекции, например, чума, оспа, малярия, холера, туберкулез, которые способствовали вымиранию мезоамериканских цивилизаций, не имевших к ним иммунитета. Произошло внедрение европейского и ближневосточного скота в ландшафты, которые были совершенно к тому не приспособлены. К примеру, овцы: овца — это исходно ближневосточное животное, которое привыкло выживать в полупустынных ландшафтах. Ее привезли в Австралию, ранее покрытую густой травой, и овца, по сути, «съела» всю растительность. Австралия была Зеленым континентом, а завоз англичанами овец превратил ее в пустынный буш. Это один пример того, как работает экологический империализм, ведущий в итоге к разграблению мира.

Мне кажется здесь важным вывод, что человек, почувствовавший себя хозяином природы, чувствует себя одновременно господином и над другими людьми. Часть истории разорения мира — это и история рабства. Мы колонизируем, поработаем не только животных и природные ресурсы, но и других людей. По мере развития глобальных рынков происходит открытие Африки, огромного континента с «биомассой» черных рабов, которые начинают использоваться точно так же, как и природные ресурсы. Их окружают целыми деревнями, сгоняют, заковывают в цепи, сажают на корабли и переправляют в Южную или Северную Америку. Часть гибнет по пути, часть кораблей тонет. Большинство доплывает и начинает работать там в качестве бесплатной рабочей силы. Это то же самое, что происходит с животными: закрепощение лошадей, рогатого скота, и то же самое происходит с закрепощением целой человеческой расы. Все это делает белый человек, европейская цивилизация. Еще раз подчеркну: доминирование человека над человеком начинается с доминирования человека над природой. Здесь нет жесткой границы: если вы уже начали делать одно, то вы так или иначе будете делать другое.

Часть «трагедии общин» связана с новыми возможностями технологий и новыми финансовыми институтами. В Италии, например, с ранним появлением банков и с развитием системы кредита финансируются большие изыскательские, горнорудные работы. Позже промышленная революция преобразует пейзажи Валлонии, Силезии, Северной Богемии, Рурской области: они покрываются терриконами, отвалами, шахтами. Или Донбасс на Украине сейчас — это все огромные шахтерские регионы, природа которых навсегда преобразена человеческим вмешательством. Одновременно похожее происходит в Голландии: вместе с развитием капитализма и финансовых институтов ведутся масштабные работы по reclamации, осушению земли. Собственно, Голландия как страна появляется на отвоеванных у моря землях — половина

территории страны, на которой живет 60% населения, отвоевана у моря. У знаменитых голландских мельниц первичной функцией было не молоть зерно, а откачивать воду из каналов: они используют силу ветра для того, чтобы отгонять воду за дамбы. Многие голландские города стоят на дамбах, отсюда и их названия: Амстердам, Роттердам, Заандам, Воллендам. Мельницы и дамбы — это пример того, как человек преобразует ландшафт и создает из моря целую страну, одновременно отвоевывая себе плодородные земли с естественным удобрением, морским илом.

Европа совершила фантастический рывок за триста лет — с середины XV до середины XVIII века, хотя с технологической точки зрения она даже не была к этому предрасположена. Если кто-то и должен был «выстрелить» в тот момент в мире, то это Китай. В XV веке Китай технологически был гораздо более развит, чем Европа. Образно выражаясь, в Китае к тому времени было изобретено уже «практически все»: металлургия там была с IV века до нашей эры, металлический плуг появился в VI веке до н.э., гораздо раньше европейцев. Книгопечатание — в VII веке, за восемьсот лет до Гутенберга. Компас был изобретен в IX веке. Правда, китайцы не плавали по морю, потому что религия им это запрещала, были только увеселительные «корабли-драконы». Конфуцианство не одобряло торговое судоходство, поэтому компас использовался только для наземных путешествий. Таццкий станок, химическая промышленность, арбалет, порох, бумага, бумажные деньги — все было изобретено в Китае. Почитайте Марко Поло, XIII век. Он описывает жизнь китайских городов. Голова кругом идет, когда читаешь, какая жизнь там происходила. Ресторанная критика была в Китае XIII века! На перекрестках в городах стояли доски, и на них было написано, в каких ресторанах сегодня вечером самые вкусные блюда.

А что в это время была Европа? Раздробленный аграрный континент, полуразрушенный эпидемиями, еще не знавший Возрождения. С точки зрения технологий, с точки зрения развития практической культуры Европа на века отстает от Китая. Об исламской цивилизации мы здесь не говорим: она к тому времени, XIV–XV векам, после культурных и военных высот халифата уже находится в многовековом упадке, от которого не может оправиться до сих пор.

Так что же происходит? Почему «выстрелила» именно Европа, а не Китай? Есть несколько объяснений этому факту: это экологическая уникальность Европы, это ее расположение в Мировом океане, это ее особый продуктовый режим, и, наконец, это ее культура, традиции и философия.

В чем экологическая особенность Европы? Во-первых, Европе «повезло» в том, что тут холодная зима. С точки зрения развития материальной культуры это, как ни странно, преимущество. С одной стороны, цивилизация и первый человек рождаются в Африке, где теплый климат. Но с развитием практической культуры холод вообще и цикл

глобального похолодания в частности, названный «малым ледниковым периодом», который совпадает с восхождением европейского модерна, примерно с XV по XIX век, становится одним из факторов роста. Становление Европы во многом связано с четырехвековым глобальным похолоданием, с малым ледниковым периодом. Посмотрите картины Брейгеля: все в снегу. Давно ли вы видели Голландию, занесенную снегом, и замерзшие голландские каналы, на которых все катаются на коньках? От силы раз в 10–15 лет. А во времена Брейгеля это было нормально. Так же, как и в Париже был снег до поздней весны, сугробы зимой доставали до скатов крыш и таяли на улицах только к маю. То есть вся Европа выросла в холоде. А больше холода — меньше инфекций. Меньше инфекций — больше детей выживает. И Европа первой из глобальных цивилизаций перешла к так называемой К-стратегии демографического роста. Демографы выделяют две базовых репродуктивных стратегии: r-стратегия и К-стратегия. r-стратегия заключается в том, что рожают столько, сколько «бог пошлет» (5, 10, 12 детей, сколько получится), а там — кто выживет, тот выживет. Из двенадцати восемь умрут — ничего, четверо будут жить и вырастут в работников. Но суть в том, что ты их кормишь. У тебя эти рты сидят по лавкам, и практически не образуется излишков, все поглощается этими «кричащими птенцами». А К-стратегия — это значит, что у тебя умирает меньше детей, и ты начинаешь планировать семью и количество детей, зная, что большие шансы, что твой ребенок выживет и вырастет в кормильца. Соответственно, дети не съедают все, что произведено. Появляются излишки, они выносятся на рынок, растет торговля, товарно-денежные отношения — и все это во многом благодаря холоду.

Второе, что было важно в Европе, — это ее удачное расположение относительно Мирового океана. Достаточно длинная, изрезанная и глубоководная береговая линия, защищенные гавани, подход больших океанских судов. Суда могут прямо заходить по дельтам в главные европейские порты: Бремен, Гамбург, Лондон, то есть подходить близко к центрам промышленной активности. На других континентах, в Африке и Азии, это было далеко не так. Многие историки вообще считают, что причина зависимого положения Африки в мировой истории в том, что у нее неудобное побережье. Мелководный подход ко многим портам, отмели, рифы, тяжелая волновая ситуация, «ревущие сороковые широты». И мореплавание не могло так развить Африку, как оно развило Европу. Ведь мы живем в океанской цивилизации, где море — это источник благосостояния. И сейчас в глобальной цивилизации львиная доля мирового ВВП производится на расстоянии ста километров от побережья океана. То есть мы стоим на море до сих пор, живем в этой океанской цивилизации. Миновало время речных цивилизаций — Египет, Индия, Китай, миновало время морских цивилизаций — финикийцы, греки, римляне, настало время океанских цивилизаций. И сейчас,

несмотря на то что человек летает в космос, мы по-прежнему живем в морской цивилизации. Европа покорила море, эту стихию. Она была торгующей и воюющей цивилизацией. Она захватила весь мир: сначала при помощи ветра, затем при помощи угля, приплыв на своих торговых судах и военных кораблях по волнам Мирового океана.

Третий фактор — еда. Традиционный Китай, ханьский Китай, «стоит» на рисе. Северный Китай, Маньчжурия — больше на пшенице. Есть «рисовые» цивилизации и «зерновые», «пшеничные» цивилизации. «Рисовые» цивилизации формируют особый тип политической культуры: для риса нужно много сезонов, чтобы создать рисовое поле, сложную систему ирригации, где по рисовым чекам или по террасам будет поступать вода. Нужна большая концентрация технологий и стабильные общества, постоянно сидящая на одном месте управляемая и контролируемая деревня. Соответственно, «рисовые» цивилизации часто связаны с авторитарными политическими режимами: производство риса требует централизованной власти, стабильного социального порядка и распределительных способов ведения хозяйства, так как это хозяйственный цикл не на один сезон. И тут появляются централизованные политические системы.

Пшеница (или рожь в северных широтах) — это принципиально другой тип экологического и политического режима. Пшеничное поле может вырастить небольшая семья или один фермер. Пшеница дает больше излишков, которые вывозятся на рынок и ведут сначала к экономической, а затем и к политической независимости этой семьи, деревни или региона. И еще важно то, что пшеница используется как фуражное зерно, ей можно кормить и скот. Соответственно, в европейском продуктовом режиме большое значение получает не только растительный, но и животный белок. В политической истории человечества мясо играет значительную роль, и производство животного белка имеет политические последствия.

Четвертое — это культура и традиция. Если сравнивать Китай и Европу в осевой, переломной, точке глобальной истории — к концу XV — XVI в., то традиционная китайская цивилизация, основанная на конфуцианстве, гораздо более консервативна. Это высокий бюрократический феодализм, во главе его мандарины — люди, которые особую доблесть видят в том, чтобы не работать. Отсюда длиннющие рукава их кафтанов, длинные ногти, волосы, сложные прически — это все различные маркеры принадлежности к высшей касте, ты всем своим видом подчеркиваешь, что тебе не надо работать. Социальная неподвижность, имперский блеск, приоритет порядку и общественному согласию. И при этом — никаких стимулов для развития. Существует запрет на строительство больших кораблей. Несмотря на то что в Китае было книгопечатание, он не занимается картографией, географические карты — это сугубо европейская вещь. В свой классический имперский период, в эпоху империи

Мин, Китай не печатает карты, потому что это разрушает мировую гармонию. И вообще, конфуцианство видит купца как некое неизбежное зло, которое нужно для функционирования города, империи.

А Европа, наоборот, строится на совершенно других принципах. Закат феодализма, начало Нового времени, Реформация. Протестантская этика, когда ты доказываешь свое благочестие путем упорного труда и аскетизма. Если брать Францию или Германию — там праздный дворянский класс остается еще до XIX века. Но если брать передовые отряды капитализма — Англию, Голландию, а затем уже Америку, то там в элиту общества вливается *working aristocracy*, «работающие аристократы». Ранняя аграрная революция в Англии, огораживание привели к появлению безземельных дворян, которые приезжали в города, и там им так или иначе приходилось работать. Становиться юристами, идти в Ост-Индскую компанию, на военную службу, в банк. Откуда берется понятие «джентльмен»? Это как раз эти джентри — безземельные дворяне, которые не имеют феодального безусловного дохода с земли и вынуждены работать, идти в найм. Соответственно, появляется другая система мотиваций, которая затем преобразуется в Америке в культ достижения,

Европа создает свои институты доминирования над природой, и один из главных среди них – государство

культ денег, культ успешного человека. И здесь в противовес Китаю возникает культ купца как ключевого агента перемен. Томас Пейн называл купца *a trusted holder of the public purse for the benefit of the nation* — «доверенный хранитель общественного богатства на благо всей нации». Из фигуры купца, из третьего сословия, из требования его политического представительства рождается буржуазная революция, республика и демократия, «нет буржуазии — нет демократии», как учит Баррингтон Мур.

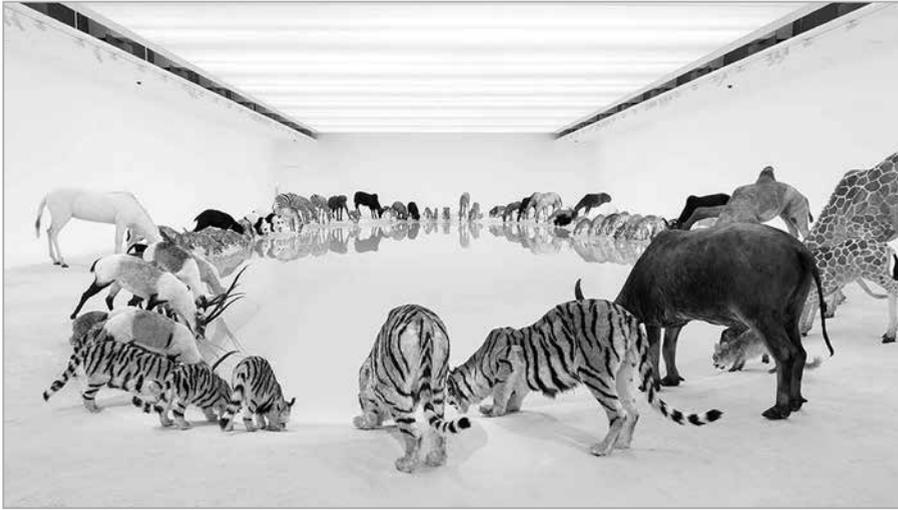
И наконец, философия. В Китае придается особое значение морали и учености и культивируется холистический взгляд на природу. Традиционная китайская культура понимала релятивизм, хрупкость и необъятность природы и, таким образом, стояла ближе к эйнштейновскому, а не к ньютоновскому взгляду на мироздание. А Европа, напротив, — это механистический картезианский взгляд на природу как на гигантский часовой механизм. Соответственно, природа может быть изучена, разъята на части, риск может быть взят под контроль. Европа создает свои институты доминирования над природой, и один из главных среди них — государство. Современное вестфальское государство является инструментом не только политического, но и экологического контроля. Оно проводит границы по живой природе, там, где границ в самой природе не было. Посмотрите на современную карту Африки: кто провел там эти прямые линии? На тысячи километров идут прямые линии границ, которые перерезают реки, деревни, горные хребты. Это бородастые

белые мужчины склонились над картой Африки в Берлине во время Конференции по Конго в 1884–1885 гг. и просто по линейке начертили эти африканские границы. Да и вообще, даже на местности сама по себе граница является абсурдом.

Я вспоминаю нашу ежегодную Летнюю школу в Лапландии, там мы идем по тундре к такому месту, где сходятся границы трех государств: Финляндии, Швеции и Норвегии. Вокруг сопки. И иногда туда приходят на лыжах главы трех стран и встречаются у этого камня: президент Финляндии, король Швеции и король Норвегии, такой ритуал суверенитета. Но при этом там есть местные люди: саамы, «лаппы». (Правильно их называть «саамы», это их постколониальное самоназвание. А «лаппы» — это как «цыгане», колониальное определение, некорректно так говорить.) И вот у саамов есть олени. Больше тысячи лет они кочевали вместе с оленями, не зная, находятся ли они на территории Финляндии, Швеции, Норвегии или, например, России. И сейчас там вдруг поставлены заборы из металлической сетки, и эти заборы они не могут пересекать. Это столкновение двух мировоззрений. С одной стороны, мировоззрение оленя и саама, а с другой — взгляд современного государства, которое вдруг приходит в XVIII–XIX веках и говорит: «Здесь правит архиепископ Уппсалы. А здесь вообще Российская империя». И в этом смысле, с точки зрения оленя, современное государство является «антиэкологическим» фактом.

Кроме того, сыграла на разрушение экологии и иудеохристианская традиция. Ветхий Завет, Книга Бытия повествует о том, что человек создан на шестой день как перл творения. И вот Бог говорит мужчине и женщине: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владейте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». И часть нашего современного экологического кризиса идет из этого мировоззрения: вся живая природа, весь живой мир даны нам Богом в пользование, и мы поставлены главой над всем сущим. Вообще сама по себе Библия — это идея «избрания». Как евреи избраны среди всех народов Земли, так и человек — это избранный биологический вид над всеми другими. Также важна тут идея отделения духа от природы: дух божий носится над водой, он не в воде. По контрасту — взять анимизм, языческие религии, с которыми так яростно боролось христианство, со всеми этими священными рощами, культами животных. Это неслучайно, потому что христианству нужно было отделить Бога от природы. Здесь тоже заложена еще одна причина экологического кризиса.

Также экоиристики указывают на то, что Библия родилась в жестких условиях иудейской пустыни. Вообще иудеи — это изначально кочевое племя, которое жило в сложных условиях и постоянно воевало. Принципы жизни, записанные в Ветхом Завете и некритически воспринятые всей христианской цивилизацией, были перенесены из недружелюбных

Цай Гуо Кианг. Возвращаясь к Земле. 2013

экологических условий иудейской пустыни на более разнообразные природные ландшафты Центральной и Северной Европы. И соответственно, законы природопользования, санкционированные христианством, оказываются экологически разрушительными.

Экологическому кризису эпохи модерна также во многом способствовало возникновение современной науки с ее рациональным и утилитарным взглядом на мир. Мир представляется в виде часового механизма, и Фрэнсис Бэкон говорит о том, что Бог является «великим часовщиком». Подобно тому как христианство отделило дух от природы, редукционистская картезианская революция отделила ум от природы, заложив основы механистичного, фрагментированного мировоззрения. Тот же самый Декарт, первосвященник научной революции, занимался вивисекцией, резал множество собак и кошек. Все это делалось без наркоза, они кричали, когда он их разрезал на части, но он говорил: «Они не способны чувствовать, потому что если они не мыслят, значит, они не чувствуют. Это механическое сокращение их голосовых связок, как скрип ржавого железа. Боли они не чувствуют». Тогда же зарождается аналитический принцип западной цивилизации: «разбор всего мироздания на кирпичики».

Хорошая метафора этого принципа — игра *LEGO*. Для научного взгляда весь мир состоит из кирпичиков *LEGO*, его можно разобрать на части и собрать обратно или пересобрать по-новому. Есть некоторые образовательные системы, которые видят проблему в *LEGO*. Например, в вальдорфских школах (это антропософская педагогика Рудольфа Штайнера) *LEGO* запрещено, потому что ребенок не должен думать, что организм можно развять на части. У детей же это очень просто, они могут убить птичку, чтобы посмотреть, что у нее внутри. Или оторвать ноги у жука и посмотреть, как он будет без ног, оторвать крылья

у бабочки. Эта неосознанная детская жестокость — часть первичного когнитивного, исследовательского импульса, когда человек пытается разъять природу на части. Он или она не понимает, что природный объект — цельный и не разбирается на части. В этом, кстати, различие традиционной китайской и европейской, западной медицины, которая тоже разбирает человека на части. Мы все определены по медицинским специальностям: у вас болит ухо — идите к отоларингологу, сердце — к кардиологу, желудок — к гастроэнтерологу, то есть мы лечим болезни и части тела. А вот традиционная китайская медицина лечит человека,

*Порабощение природы
заканчивается
порабощением человека*

там врачу платят не за болезни, а за здоровье человека. Подход к человеческому телу либо разделен на какие-то органы, болезни и специальности в модернистской западной цивилизации, либо осуществляется по холистическим принципам восточной медицины.

Двумя другими формами порабощения природы являются капитализм и колониализм. Завоевание мира, расширение по миру — это сильный европейский инстинкт, который ведет к освоению и преобразованию мира. Мы движемся за картами — для нас на картах не может быть *terra incognita* («неизвестная земля») или *terra nullius* («ничья земля»). Природа должна быть картографирована, описана и присвоена. Северная цивилизация расширяется двумя крыльями: с Запада в Америку (и позже в Азию и Африку), из России в Сибирь, двигаются параллельно американский фронт и сибирский фронт. Идет непрерывный захват окружающего мира, как в известной метафоре Зигмунта Баумана: он пишет о «жидком модерне», о том, что цивилизация модерна растекается как вода по столу, ее невозможно остановить. Так же «растекается по столу» и европейская цивилизация, заполняет собой все полости. Бауман точно уловил суть «жидкого модерна», *liquid modernity*: он расширяется до тех пор, пока не будут заполнены все поры Земли, все поры общества, все поры времени.

В итоге получается то, что я назвал бы «ловушкой модерна». С одной стороны, человек современности, человек познающий, картезианский, фаустовский, активный — он в целом хочет добра, стремится сделать мир более дружелюбным, более понятным, безопасным. *Pursuit of happiness* («погоня за счастьем») записывается в преамбулу американской конституции. Это цивилизация комфорта, которая хочет избегать риска, отсрочить смерть, ищет вечной молодости, как тот же Фауст — одна из ключевых фигур европейского модерна. Но, делая это, европейская цивилизация неизбежно порабощает природу, и здесь начинается тот самый порочный круг. Порабощение природы заканчивается порабощением человека: или порабощением в самом прямом смысле, когда ради благосостояния Запада, ради торговли в «Атлантическом треугольнике» между Европой, Африкой и Америкой забираются, как ковшом

экскаватора, целые деревни и племена из Африки, или порабощением человека при помощи больших европейских институтов — государства, рынка, армии.

Я хочу еще раз сказать, что невозможно понять все политические дилеммы модерна, современности, если мы из этого оборота исключаем природу. И соответственно, человеческая свобода, которая вынесена в заголовок нашего семинара, не может быть достигнута без освобождения природы. Мы должны говорить об освобождении человека в контексте более широкого освобождения живых существ, освобождения животных, природы. Это отдельная большая тема, по которой, может быть, мы сделаем более широкие семинары, почитаем книгу философа Питера Сингера «Освобождение животных», поговорим о правах животных, которые уже юридически записаны во многих странах.

В заключение я хотел бы показать, какие ответы дает на вызовы модерна экологическая теория в лице трех ее больших представителей: Барри Коммонера, Джеймса Лавлока и Арне Несса. Экологическая катастрофа современности, о которой я рассказывал, была впервые описана Барри Коммонером в книге 1971 года *The closing circle* («Замыкающийся круг»). Вообще в западной цивилизации осознание экологического кризиса происходит к концу 60-х — началу 70-х годов. Это можно поставить в контекст 1968 года, потому что экспоненциальный послевоенный рост и беби-бум кончается большим социальным сломом: поколенческими переменами в западном обществе, сексуальной революцией, революцией хиппи, антивоенным движением, интересом к восточной философии и практикам, контркультурной революцией и рок-н-роллом и одновременно — студенческими волнениями, «культурной революцией» в Китае, Пражской весной в советском блоке. Мы все до сих пор дети 68-го года, многие гражданские движения, идея прав человека, групповых прав — все вышли оттуда. В социокультурной сфере, в гуманитарном знании тогда же начался постструктуралистский и постколониальный поворот, который в том числе принял форму деколонизации нашего отношения к природе. И базовые тексты, базовые интуиции экологического дискурса приходятся именно на эту эпоху. Тогда же, в 1972 году, делаются доклады для Римского клуба, сформулирована идея «пределов роста», мысль о том, что невозможен непрерывный рост ВВП, что существует ресурсное ограничение по параметрам роста.

И тогда же, в 1970-е годы, Барри Коммонер формулирует свои четыре закона экологии, похожие на четыре дзенских коана. Первый — это закон связанности, «все связано со всем» — как частный случай закона больших чисел в теории вероятности. Иногда это формулируют так: «Взмах крыла бабочки в Амазонии вызывает торнадо в Техасе». Природа — это огромная взаимосвязанная система, где ни одно действие не проходит без глобальных последствий.

Второй закон: «Все должно куда-то деваться». То есть нет такого, что ты выкидываешь «в никуда». В России наше антиэкологическое мышление покоится на том, что где-то там есть такое большое away, большое «нигде» — лес, например. У меня есть старый диван — я его вынесу в лес. У меня образовались старые крыши — я их спущу в овраг. То есть существует какое-то «нигде», мы живем на окраине этого «нигде» и свои транзакционные издержки выносим в это «никуда». «Так вот, этого “никуда” не существует», — говорит Барри Коммонер. Я вспомнил еще один хороший пример: в Камбодже, на Меконге, люди живут в домах на сваях, и внизу течет вода. И их утилизация мусора на протяжении столетий была очень простой: дырка в полу. Поскольку весь мусор был органический, то они бросали его в эту дырку, и все это разлагалось в воде и уносилось. Но потом происходит революция упаковки. Люди начинают получать свою еду, домашнюю утварь, одежду и все остальное в пластиковых упаковках, и они по привычке летели в ту же самую дырку. И в результате сейчас каждый из этих домов на сваях стоит на своей собственной огромной горе мусора. Это хорошая иллюстрация к тому, что «все должно куда-то деваться».

Третий закон Коммонера: «Природа знает лучше». Это одновременно и призыв сблизиться с природой, и предположение, что созданное природой всегда будет совершеннее созданного человеком, потому что учитывает максимальное количество факторов и последствий, и призыв осторожно обращаться с экосистемами. И четвертый, тоже очень важный закон: *there are no free lunches*, «не бывает бесплатных обедов», ничего не дается даром. То есть любое достижение человеческой цивилизации, любое достижение экономики всегда дается ценой утраты чего-то в нашей экосистеме. Это один из главных постулатов *sustainability*, устойчивости.

Говоря о философии экологии, нельзя не сказать о «гипотезе Геи» британского естествоиспытателя, инженера и философа Джеймса Лавлока. Представление о том, что наша планета — живой организм, названный именем греческой богини Земли, стало результатом открытий, сделанных в рамках теории систем. Линн Маргулис и Джеймс Лавлок установили, что химический баланс атмосферы поддерживается в достаточно узких, необходимых для жизни рамках с помощью саморегулирующихся процессов. Это означает, что Земля ведет себя как живое существо и при воздействиях, нарушающих баланс, восстанавливает его (но в эпоху антропоцена, похоже, уже не в силах это сделать).

И наконец, к законам экологии Коммонера и «гипотезе Геи» Лавлока надо добавить несколько принципов «глубинной экологии», которые сформулировал норвежский философ и альпинист Арне Несс. Первый из них: «Благополучие человеческой и нечеловеческой жизни имеет собственную ценность, независимо от того, насколько нечеловеческая жизнь важна для людей». Иначе говоря, есть абсолютная ценность

самого биоразнообразия, независимо от того, можем ли мы это съесть или не можем, послужит ли нам в жизни или не послужит какой-нибудь планктон, например. То есть мы часть гораздо большего круга организмов, и не нам решать судьбу других форм жизни.

Еще я бы обратил внимание на четвертый принцип глубинной экологии — о том, что расцвет человеческой жизни и культур совместим с существенным сокращением человеческого населения. А расцвет внечеловеческой жизни требует такого сокращения. Это важный императив, который говорит о том, что человечество должно сокращаться и количественно, и качественно (в смысле интенсивности своего воздействия). Очень часто экологов обвиняют в фашизме: «Вы предлагаете убивать людей, чтобы сохранить жизнь растений!» Это не так, конечно: речь идет о новом определении качества жизни. И об этом седьмой постулат Арне Несса — что нужно ценить не само по себе качество жизни, *a living in the situations of inherent value*, то есть «жить в ситуациях подлинных, врожденных ценностей». Это целая философия, которая должна переосмыслить наш способ жизни в современных городах, наши модели потребления, путешествий по миру, модели взаимодействия с миром вообще. И самое главное здесь — необходимость избавиться от иллюзии, что человек является центром Вселенной. Это миф, данный нам христианством и романтизированный Возрождением, которое создало образ «витувианского человека» Леонардо: «человек есть мера всех вещей». Но надо понимать, что мы сейчас расплачиваемся и следующие поколения будут расплачиваться за этот взгляд, который сделал человека центром мироздания. И если мы хотим сохранить жизнь на планете, то нам надо избавляться от этой философии, сокращать свою активность и пересматривать свое отношение к природе, что является частью более широкого политического проекта. Ибо отношение человека к природе имеет прямые последствия для формы государств, формы обществ, для глобальной экономики и нашей повседневной жизни — а изменить это все можно лишь путем непростых, непопулярных, но оттого не менее неотложных политических решений.

*Даниэль Деттлинг,
глава берлинского офиса
Института политики
будущего*

«Демократия в опасности»*

Свобода и ответственность невозможны без многообразия в обществе и дискуссий о том, как обеспечить лучшее будущее для всего человечества. Будущее не просто для людей, а созданное самими людьми.

Это не вызывает никаких сомнений: демократия в опасности. Есть ли основания полагать, что демократия может прекратить существовать сейчас, спустя более 200 лет после возникновения современной демократической модели? Многие тенденции указывают именно на это.

В 2026 году, США отметят 250-летний юбилей подписания Декларации независимости. Первое в мире демократическое государство в современном понимании этого слова может отказаться от демократии в пользу новой формы деспотии: правительства, основными инструментами которого являются самодурство, антилиберализм и запугивание.

Эпидемия деспотии опаснее нынешней пандемии коронавируса. Социальное дистанцирование и сидение дома не способствуют борьбе с новыми деспотами, такими как Трамп, Путин, Эрдоган, Лукашенко, Болсонару и Си Цзиньпин. Помогут только оборона и сопротивление.

Спустя 30 лет после падения Берлинской стены, поставившего точку в конфликте между Востоком и Западом, у демократической модели появилась альтернатива. Мантра «конец истории», подразумевающая, что будущее является лишь многократным повторением настоящего, оказалась ошибочным утверждением.

Сегодня лишь небольшая часть американского и европейского общества видит в будущем улучшенную версию настоящего. В последнее десятилетие многие выбрали путь несвободы, поскольку существующей

* Выступление на семинаре в Варшаве 8 ноября 2021 г.

сегодня демократии не удалось сдержать обещание дать как можно больше счастья как можно большему количеству людей. По этому пути идут новые деспоты: националисты, нарциссы, невротики, которые вместе образуют новый «националистический интернационал».

Социальный консерватизм «одной нации»

Бывший президент США Дональд Трамп (готовящий свое возвращение) и Си Цзиньпин — лидеры новых деспотов. Они воплощают собой два типа деспотов наступившего столетия: один пришел к власти в результате демократических выборов, другой — диктатор.

Новые деспоты — это не только форма правления, но и тщательно продуманная программа. В первую очередь это следование идеям консерватизма «одной нации». Понятие «одной нации» ввел в обиход выдающийся британский государственный деятель Бенджамин Дизраэли, лидер партии тори, при королеве Виктории занимавший пост премьер-министра. Дизраэли обратил внимание британских консерваторов на социальный аспект политики и предложил сделать тори национальной партией — патриотичной и при этом инклюзивной.

Лозунг «одна нация» воплощал собой идею нового социально ориентированного консерватизма, основными декларируемыми ценностями которого были сострадание к народу и забота о нем. Новые консервативные избиратели не ожидают меньшего вмешательства со стороны государства, но ждут большей помощи для периферийных регионов и городов. «Левая» социальная политика объединяется с «правой» трактовкой вопросов безопасности и идентичности.

Религиозный консерватизм «белой нации»

Политические установки Трампа завязаны на давней белой мечте о «великой Америке» — отсюда его дистанцирование от экономических элит и культурных меньшинств. По этой причине трампизм особенно привлекает многих консервативных христиан, считающих себя самой угнетаемой группой в США. Они видят в Трампе защитника, который не удостоивает других уважения. Новые деспоты и их сторонники помещают во главу угла идентичность и убеждения. Принцип «Америка важнее всего» подразумевает полную изоляцию, а также отказ от дорогой внешней и оборонной политики «всемирного полицейского», которой США придерживались много десятилетий.

Ложь — это честность новых деспотов. Их сторонники поддерживают их, потому что эти политики, в отличие от других, лгут открыто. Два года назад после того, как Китай с опозданием сообщил миру о вспышке нового коронавируса, Трамп попытался занизить степень опасности заболевания, чтобы не вызвать панику в обществе, и позже признал это в интервью известному журналисту Бобу Вудворду.

Исламская нация

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган уверен, что только ислам может привести государство к процветанию. 70% избирателей Эрдогана считают себя религиозными. Для Эрдогана ислам стал инструментом удержания власти. С момента прихода Эрдогана к власти количество медресе — духовных школ, где изучают Коран, — в стране выросло втрое. Исламизм, национализм и капитализм идут рука об руку. Мечта о либеральном исламе, способном сосуществовать с демократической властью, уже изжила себя. Деспот стремится руководить не только самим государством, но и всеми государственными институтами.

Азиатская авторитарная деспотия

Основные примеры этого вида деспотии — Китай, Северная Корея и Российская Федерация. После того как в 1989 году была разрушена Берлинская стена, Запад придерживался того мнения, что экономическое развитие способно либерализовать тоталитарные и авторитарные режимы. Сейчас стала очевидна иллюзорность этого предположения. В случае с Си Цзиньпином в Китае, Ким Чен Ыном в Северной Корее и Владимиром Путиным в России современные технологии и медиа средства позволяют власти усиливать тоталитарный контроль над обществом.

В России Путин установил авторитарный режим насилия, заручившись поддержкой со стороны старых, ныне практически мафиозных элит и бывших сотрудников секретных служб. Китай при Си переходит от однопартийной системы к авторитарной деспотии.

Больше сходств, чем различий

Между новыми деспотами сходств куда больше, чем различий. Они позиционируют себя как беспартийные политики и противопоставляют себя традиционным элитам и партиям. Заключаются неожиданные договоренности. Например, когда Трамп первый раз баллотировался на президентских выборах, ведущие российские политики поддержали его: «Трамп — наш президент». Получил он поддержку и со стороны российских медиа. Российский журналист рассказывает: «Мы получили очень четкие инструкции: выставлять Трампа в выгодном свете, о его оппоненте Хиллари Клинтон при этом говорить в негативном ключе».

В российской фейсбук-кампании в поддержку Трампа использовалось около 60 миллионов фальшивых аккаунтов. После победы Трампа на выборах российские боты также поддержали Ле Пен на выборах во Франции и правую партию АдГ в Германии [Alternative für Deutschland — «Альтернатива для Германии»]. Общими врагами новых деспотов являются, во-первых, либеральная демократия, а во-вторых, глобализация, к которой та стремится.

Эрик ван Лишут (Erik van Lieshout). Без названия. 2014

Вместо глобальных решений новые деспоты делают выбор в пользу протекционизма. Их стратегия — социалистический национализм. Их утопия по сути ретроутопия: мечта о гармоничном обществе, где все похожи друг на друга, где нет ни миграции, ни многообразия.

Объясняя успех новых деспотов расхожим словом «популизм», мы сводим сложное явление к одной его грани. «Новые деспоты куда устойчивее, чем мы думаем», — пишет американский политолог Джон Кин в своей книге «Новый деспотизм».

Добиться политической стабильности и удерживать ее одной только силой невозможно — для этого нужна идея. Кодекс новых деспотов держится не только на власти и насилии. Они используют пять стратегий: это делегитимизация, демонизация, непоследовательность, политика идентичности и интернет-пропаганда.

1. Делегитимизация. Деспот — это авторитарный политик, которому свойственны четыре модели поведения: он нарушает законы демократического правления — например, касающиеся выборов; отрицает легитимность своих политических конкурентов; поощряет насилие по отношению к своим конкурентам либо закрывает глаза на него; ограничивает политическую свободу своих критиков.

2. Демонизация и виктимизация. Деспотам нужна поддержка в лице разочаровавшихся в текущей политике государства избирателей, которых можно объявить жертвами либеральной политики, секуляризма, гуманизма и мультикультурализма. Общий статус жертвы объединяет избирателей, формируя новую культурную солидарность. Трамп говорит избирателям, что старые правила существуют для неудачников. Современный деспот — это нарцисс, которому нужен столь же нарциссический электорат.

3. Непоследовательность и мессианство. Странники новых деспотов видят в них спасителей, готовых защитить их от злых сил. При деспотах религиозные институты наделяются полномочиями, соизмеримыми с полномочиями политических институтов.

Например, националисты-христиане, поддерживающие Трампа, надеются, что тот спасет их от «американского Вавилона», которым правят культурные элиты. Многие из сторонников Трампа верят, что задача христианина — создать Царствие Божие на Земле, чтобы дождаться второго пришествия.

Государственность путинской России также построена на мессианской идее. Православная церковь *de facto* стала государственной. Мессианство дает слабым возможность почувствовать себя частью великого целого.

4. Политика идентичности и антиэлитизм. Антиэлитизм, как и ранее упомянутые мессианство и виктимизация, — концепция, позаимствованная из христианства. Христос насмеялся над фарисеями — образованной элитой — и порицал богачей. В одной из своих проповедей он переворачивает с ног на голову устоявшуюся древнюю иерархию, обещая, что первые войдут в его царство последними. Антиэлитизм новых деспотов — это борьба с политкорректностью элитистских масс-медиа и протест против утраты идентичности («Они отнимают у нас страну!»).

5. Интернет-пропаганда. Вера в спасителя идет бок о бок с верой в теорию заговоров. Новые деспоты считают глобализацию вкупе с либеральной модернизацией основными причинами потери контроля над происходящим в мире и пытаются восполнить потерю созданием параллельных миров.

Новые деспоты опираются на интернет-пропаганду — IT-технологии и алгоритмы, увеличивающие читаемость публикаций негативного характера. С точки зрения новых деспотов, альтернативные факты важнее подлинных, поскольку способствуют единению сообщества. Ложь бьет правду. Фейк-ньюз — бунт против ненавистной системы.

Война деспотов — это информационная война, оружием в которой становятся IT-технологии и алгоритмы. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) характеризует «инфодемии» как более серьезную и долгосрочную угрозу по сравнению с сегодняшней пандемией коронавируса. Фейк-ньюз, направленные на дестабилизацию государства, — угроза не только для здравоохранения, но также для социальной сплоченности и демократии.

Найти средство от деспотической инфодемии будет куда сложнее, чем разработать вакцину от коронавируса. Деспотов подпитывает слабость демократии. Они не исчезнут сами по себе — чтобы изгнать их, мы должны побороть их вирус: веру в несвободу и неравенство.

Демократия не умирает внезапно

Еще Шарль Луи де Монтескьё и Алексис де Токвиль предупреждали, что средний класс может избрать путь деспотии, если будет чувствовать себя непонятым и отрезанным от политической верхушки.

Когда значительное количество людей в обществе начинает считать, что правящая верхушка пренебрегает ими или не слушает их, эти люди отдаляются от политической жизни и обращаются к альтернативам. Демократия не умирает внезапно. Демократия умирает, когда люди перестают верить, что голосование способно что-то изменить.

Деспотия — это будущее либеральной демократии, где средний класс находит чрезвычайное законодательство эффективным и придает меньше значения фундаментальным гражданским правам. Сила новых деспотов — в слабости старых демократов.

В безальтернативной демократии никто не несет ответственности за что-либо, поскольку будущее неизбежно и не зависит от воли граждан. В новой деспотии никто не несет ответственности за что-либо, поскольку только правительство может защитить нас, подданных, от угроз и врагов.

Деспоты рассчитывают оставаться у власти вечно. Для этого они провоцируют кризисы и манипулируют эмоциями граждан. Безальтернативная демократия, как и деспотия, отказывается от будущего. Разница в том, что деспот отвергает будущее открыто.

Деспотам нужны запуганные почитатели, считающие себя аутсайдерами, неудачниками и при этом молчаливым большинством. Теории заговоров могут быть иррациональны, но вера в них согревает.

Восстание деспотов может остановить только стойкость демократии. «Стойкость» означает способность противостоять.

Отпор авторитарным деспотам могут дать молодые и многочисленные движения — «Пятницы ради будущего», женщины, протестующие против режима Лукашенко в Беларуси, восстающие против Эрдогана турецкие города, а также объединение либералов, прогрессистов и консерваторов по всему миру.

Вместо апокалиптического нарратива, к которому приведет нас возрождение деспотии, нужно будущее, которого нам поможет достичь новое просвещение. Главные ценности нового просвещения — не сила и машины, а люди с их потребностями.

Новому просвещению нужны люди с гражданским сознанием: те, кто сможет противостоять новым деспотам и теориям заговоров — в интернете, на улице, в школах, в правительстве. Этими людьми будут смелые журналисты, учителя, политики и другие граждане.

Демократия прекрасна тем, что героем в ней может стать каждый. Мы сможем уйти от деспотии, если сбросим с себя незрелость, навязанную нам нами же самими.

Последовательный сторонник Просвещения Иммануил Кант еще 250 лет назад предсказал, что демократические государства не станут воевать друг с другом, поскольку свобода выбора будет за гражданами, а не за деспотами. Хорошая новость: по результатам опросов ценности свободного общества — такие как гендерное равенство, свобода слова и политическая активность — обретают все больший вес практически во всех регионах мира.

У руля оказывается все больше женщин. По результатам исследования, проведенного Всемирным банком, существует прямая связь между гендерным равенством и демократией. Чем больше в парламенте женщин, тем ниже уровень коррупции в стране.

Данные о количестве патентных заявок, а также научные новшества — например, вакцины от коронавируса — указывают на то, что при либеральном правительстве наука развивается успешнее, чем при авторитарной или диктаторской власти.

Поэтому потребность в гражданском просвещении ныне остра как никогда. Обеспечить знание основ демократического общества — одна из главных задач будущего.

Свобода и ответственность — родные сестры. Ответственность невозможна без свободы, а свобода без ответственности означает свободу только для сильнейших.

В борьбе с глобальным потеплением преимущество не на стороне автократов и деспотов. Если бы решения принимали только они, мы бы скоро оказались в куда более жарком мире с куда меньшим количеством свобод.

Демократия — это прикладная общественная технология. Ее можно оптимизировать, улучшать. Одно из величайших преимуществ демократии — ее жизнестойкость.

Приведем же нынешний кризис демократии к успешному разрешению при помощи важнейших рычагов воздействия: давайте сопротивляться, спорить, голосовать!

Перевод с английского Анны Заславской

Этика и политика*

Тема «Ценности и интересы в политике» фактически вечная. Те из вас, кто знаком с политической теорией (особенно любят ее преподавать в американских университетах), наверняка знают о так называемой реалистической школе во внешней политике. Но это касается и политики вообще. Скажем, когда идет дискуссия между официальной Россией и странами Центральной Европы о том, что предшествовало началу Второй мировой войны, и говорят о пакте Молотова — Риббентропа, Кремль отвечает: «А как насчет Мюнхенского соглашения?» Поэтому очень важно, конечно, иметь какие-то ориентиры, в том числе моральные и правовые.

На мой взгляд, после наполеоновских войн постепенно выкристаллизовывается более или менее понятный корпус международных законов о правилах ведения войны (о том, «что такое хорошо и что такое плохо»). Затем возникает движение, как сказали бы сегодня, за разоружение — это Гагская конференция 1899 года, в которой активное участие принимала в том числе императорская Россия. Тогда стало ясно: войну нужно вести так, чтобы щадить гражданское население. К тому же времени восходят первые попытки заключить соглашения о разоружении. Как мы знаем, ничего из этого не вышло, и случилась Первая мировая, она же Великая война, из которой в значительной степени произрастают и наши сегодняшние проблемы.

После Первой мировой войны, после несправедливых во многом решений Версальской конференции появляются попытки кодифицировать мораль в международной политике (я пока говорю лишь о международной политике). И кстати, с этой точки зрения события 1938–1939 годов — очень интересный пример, потому что Мюнхенское соглашение было действительно плохой, но попыткой стабилизировать

*Константин Эггерт,
независимый журналист*

* Выступление на семинаре в Вильнюсе 27 октября 2021 г.

ситуацию в Европе, добиться мира. Она была для кого-то наивной, для кого-то циничной, но это была попытка именно сохранить мир, хоть и абсолютно негодными средствами. Пакт Гитлера — Сталина абсолютно незаконен и аморален даже по понятиям того времени. Секретные протоколы — это точно незаконно даже по меркам 1939 года.

Политика — это всегда сочетание ценностей и интересов

Почему я об этом говорю? Потому что мы видим постепенную эволюцию международного сообщества и подходов международного сообщества к отношениям между государствами, отношению между народами. И конечно, здесь рубеж (для меня он очень важный) — события, связанные с созданием Организации Объединенных Наций, принятием Всеобщей декларации прав человека, которые уже фактически на очень крутом международном уровне закладывают основу того, «что такое хорошо и что такое плохо» в международной политике.

Очень трудно иметь политику, как внешнюю, так и внутреннюю, которая основана исключительно на морали. Точно так же, как невозможно иметь политику, которая основана исключительно на ценностях. Я считаю, что политика может жить лишь на стыке между моралью (или представлениями о морали, которые у каждого человека и общества могут быть свои) и интересами. Собственно, это и есть политика. Потому что если бы речь шла только о ценностях, то мы бы жили в каком-то монастыре, наверное. А если бы речь шла только об интересах, то все вопросы решались бы очень быстро: сильные

убивали бы слабых, богатые побивали бы бедных, и затем все приходило бы к очень прагматическому, ясному, рациональному решению вопросов. Так не бывает. Именно потому, что политика — это всегда сочетание ценностей и интересов.

В сегодняшнем мире, на мой взгляд, есть факторы, которые, наверное, изменили этот баланс и создают новые конструкты, новую реальность в какой-то степени в отношениях между моралью и политикой, между ценностями и интересами. Один из главных факторов в этом — глобализация. Глобализация всего. Глобализация экономических связей, глобальная миграция, при которой общества перестают быть более или менее монолитными и связанными общей историей, общими ценностями. И конечно, глобальная информационная революция, прежде всего *social media*. Потому что социальные сети де-факто почти лишили работы людей моей профессии, журналистов. Те, кто работает в медиа, хорошо знают эту тему, а тем, кто нет — скажу, что один из главных результатов этого «информационного взрыва» — то, что у людей потеряна необходимость слышать другую точку зрения благодаря гигантскому предложению. Если вы хотите слышать только про то, что «мусульмане захватили Европу», или что «коммунизм — это прекрасно», или что «США — это исчадие ада», или что «масонские ложи руководят всем миром», вы можете это слушать и смотреть 24 часа в сутки. И все эти факторы ведут к дроблению морали обществ и в конечном счете к очень жесткому противостоянию в этих обществах. И эта проблема очень большая... Кстати,

в самом факте наличия раздробленных обществ, в которых есть внутреннее противостояние, ничего странного нет, это существует со времен Ветхого Завета. Но одна из главных проблем сегодня заключается в том, что людям очень трудно преодолеть этот разрыв. И таким образом, договориться об общих ценностях, а потом и об общих формах решения вопросов. Если раньше вам нужна была *BBC* или 1-й канал для того, чтобы донести какие-то вещи до реально массовой аудитории, то сегодня это можно сделать с айфоном или даже не очень хорошим ноутбуком. Если вы затрагиваете какие-то вещи, которые занимают умы значительной части общества, то вам не нужен *CNN*, или *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *Daily Telegraph*, или газета «Коммерсантъ». Это один из гигантских вызовов сегодняшнего мира. Потому что эта политическая партизанщина начинает переходить границы того, что было принято раньше, например, в парламентских демократиях. И давление 24-часового телевидения (которое появилось не вчера), но плюс теперь и давление социальных сетей (твиттера и так далее), давление информационного поля, в котором люди, особенно публичные, должны жить 24 часа в сутки, очень сильно смещает шкалу ценностей. Возьмем пример Дональда Трампа. Я не отношусь к категории людей, которые говорят, что при Трампе все было ужасно. Могу перечислить как минимум 7–8 внешнеполитических инициатив республиканской администрации того времени, которые были очень позитивными, а некоторые даже историческими, если мы говорим о *Abraham Accords* по Ближнему Востоку и ряде других. Однако, несомненно, сам

45-й президент США использованием социальных сетей, и прежде всего своего твиттера, изменил дискурс в американской политике: то, что раньше было нельзя, сегодня можно. Политическая традиция, берущая начало в Великой хартии вольностей 1215 года, она всегда была хотя бы внешне уважительной: «Уважаемый сенатор сказал то-то...» Всегда было ощущение, что есть некий «общий знаменатель». Сегодня это во многом взорвано. Я не говорю, что это сделал только Трамп, и я не отношу себя ни к фанатичным трампистам, ни к фанатичным борцам с ним. Но, очевидно, для этого были предпосылки, созданные в значительной степени информационной революцией. И на мой взгляд, к сожалению, нынешняя обстановка очень способствует тем, кто хочет подрывать разговор хотя бы о поиске общего морального знаменателя. Кстати, в эпоху глобализации, когда идет всемирная конкуренция за капиталы, говорить об интересах (да еще с таким мощным мегафоном, как соцсети) намного проще, чем говорить о ценностях. Потому что деньги — вот они, а ценности — а какие ценности?.. Например, ценности прибывшего в Лиссабон китайского инвестора с «золотым паспортом», который одновременно сделал свою карьеру и свои миллионы с помощью компартии и эксплуатации каких-нибудь несчастных уйгуров на своем заводе, — как его ценности будут сочетаться с ценностями Евросоюза?

В этой ситуации вопрос «Что есть мораль?», конечно, важен. В том числе и потому, что (в Европейском союзе особенно, да и в Соединенных Штатах) сегодня наблюдается упадок религиозности. А как ни оценивай, религия, вера все-таки дает определенные

моральные ориентиры. А индифферентизм (на мой взгляд, особенно индифферентизм) как раз способствует размыванию этих ценностей. С этой точки зрения для меня лучше убежденный атеист, потому что он все равно будет иметь определенный набор принципов, пусть мне и не близких. И мне кажется, поэтому сегодня авторитарным режимам намного проще говорить об интересах. Во-первых, потому что у них тоже появились «мегафоны» — они используют соцсети часто намного лучше, чем демократии. А во-вторых, они обращаются к примитивным человеческим инстинктам, прежде всего потребительским. А мы живем сегодня в мировой консюмеристской цивилизации, в которой — неважно, находитесь ли вы в Дубае, на Тасмании или Огненной Земле — вам будут настойчиво навязывать одну и ту же рекламу одних и тех же кроссовок *Nike* или, скажем, робота-пылесоса.

Может ли это измениться? Мне кажется, что какая-то часть интеллектуалов начинает понимать, что так больше продолжаться не может, надо возвращаться если не к центру, то к попыткам общественного диалога. Я думаю, что сегодня вся группа *Dow Jones* и *Wall Street Journal* являются в какой-то степени медийными платформами для этого, если говорить об англоязычном мире. Мне кажется, что постепенно что-то выкристаллизуется на центральноевропейском пространстве, где мы с вами находимся и где есть свое видение, например, того, чем должен быть Евросоюз. И полагаю, что это видение постепенно становится все более важным и все более значимым, и определять, что такое демократия в XXI веке, в ближайшее время станут

те страны, которые будут противостоять Китаю. Концептуально обоснованная при Обаме, начатая при Трампе и продолженная при Байдене политика «сдерживания Китая» во многом определит XXI век.

И если мы считаем, что это вторая холодная война, то не стоит забывать: первая холодная война была в том числе и ценностным противостоянием. Необходимо будет сформировать максимально широкую коалицию по противостоянию влиянию китайской компартии, которое является, конечно, политическим, но в авангарде которого идут не люди с «Цитатниками» Мао, как раньше. Это однозначно потребует формирования некоего представления о ценностях, объединяющих всех тех, кто будет противостоять пекинским неоимпериалистам. И это будет очень широкая коалиция — далеко не только Австралия, Великобритания и Соединенные Штаты, но и какая-то часть Центральной Европы... (Мы с вами сейчас находимся в стране, которая первой вышла из формата «17+1», бросив вызов Пекину, за что литовцам честь и хвала.) Это также, скорее всего, будет «самая большая демократия мира» — Индия, у которой к тому же внутри есть очень большие проблемы с демократией.

И это будет влиять на ценностные ориентиры во всем мире, в том числе в странах, которые сегодня многие называют странами «пост-постсоветского пространства». Самое главное, что в них отсутствует после 70 с лишним лет коммунистического правления, — представление о нормальных человеческих связях. В целом это общества ярых индивидуалистов почти анархического типа. Кстати, именно поэтому

Марина Абрамович. Перформанс «В присутствии художника». 2010

так популярны, на мой взгляд, в России радикальные либертарианские идеи. Почему, например, в России так популярны книги Айн Рэнд? Потому что это общества, которые «соседа не видят в лицо», общества, живущие очень маленькими ячейками, иногда просто одиночки. Строительство обществ и налаживание горизонтальных связей — вызов для этих обществ на ближайшие полвека как минимум.

Второе, что очень важно, — то, как авторитарные режимы стимулируют раздробление, атомизацию обществ, пропагандируют цинизм и безверие. Это, на мой взгляд, вообще один из главных

экспортов авторитарных режимов по всему миру. Мол, «зачем участвовать в политике, голосовать, беспокоиться? Все равно мы ничего не можем, за нас все решат и нас не спросят. И везде, во всем мире, так. А демократия просто ширма».

И из-за этого в странах посткоммунистического и особенно постсоветского пространства отсутствует понятие репутации. Был такой политик Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе — министр иностранных дел при Горбачеве и до этого первый секретарь ЦК компартии Грузии. К Шеварднадзе по-разному относятся, в том числе и потому,

что позднее он был не самым удачным президентом Грузии. Но он сделал одну очень важную вещь. В 1990 году, когда он и Горбачев находились под очень серьезным давлением партийных консерваторов, реакционеров, которые требовали сворачивания всех демократических реформ и возвращения в «совок», Шеварднадзе выступил публично и ушел в отставку публично, прямо с трибуны. Чем предостерег о состоявшихся в 1991 году событиях, но также заложил основу — тогда еще в Советском Союзе! — принятия решений, не связанных с креслом, пайком, доходом и благополучным будущим. Кстати, я думаю, в том числе и поэтому он потом стал главой Грузии, среди прочего. Потому что показал себя человеком незаурядным и смелым на тот момент.

Понятия репутации в обществах пост-постсоветского пространства очень сильно не хватает. Оно есть в обществах сложившейся демократии — хотя и там иногда размывается влиянием демагогии и политического

оппортунизма, — использующих мегафон соцсетей. И кажется немножко фальшивым и иногда чрезмерным, когда люди уходят в отставку из-за чего-то, за что они, может быть, даже не несут прямой ответственности. Но это та лицемерная (с нашей точки зрения), но важная дань, которую политический класс обязан отдавать обществу. Потому что все-таки политики обязаны находиться в определенных рамках. И то, что эти рамки сегодня глобально размываются, — это опасная вещь. И то, что сегодня в мире ученые, журналисты, историки об этом задумываются — хорошо, это очень важная работа на будущее.

Многим нашим предкам казалось, что они живут в эпоху катастрофических кризисов, после которых ничего хорошего быть не может. Потом эти кризисы как-то преодолевались, возникало что-то новое. Без этой надежды делать нечего, надо запереться и пить водку, пока не придет апокалипсис, но, я думаю, мы с вами можем попробовать пожить как-то иначе.

Эволюция конституционных ценностей

Елена Лукьянова,
доктор юридических наук

Вряд ли я расскажу вам что-то новое. То, о чем пойдет речь, — общеизвестно. Моя задача — дать вам в руки некий инструмент для понимания. Не знаю точно, как он называется. На ум приходит что-то связанное с увеличением угла зрения. Для юристов (особенно для публичных) самое трудное — научиться видеть большую картинку. Большую, комплексную, объемную, такую, которую невооруженным глазом не видно. Тогда процесс осмысления, оценки происходящего идет на порядок эффективнее. Становится проще понять, как двигаться, как строить «дорожную карту» по выходу из, казалось бы, тупиковой ситуации. Это зачастую важнее, чем конкретные знания каких-либо законов.

Я хочу сегодня поговорить об эволюции конституционных ценностей. И это будут очень простые вещи, которые вы, конечно, знаете. Просто мы постараемся посмотреть на это шире, увидеть то, что скрывается за областью обычного восприятия.

За 30 лет, прошедших после крушения социалистической системы, почти все постсоциалистические страны (за редким исключением) приняли демократические конституции. И 30 лет назад мы думали, что этого вполне достаточно. Мы записали на бумаге правильные слова, и казалось: «Всё! Тоталитарное, авторитарное, неграмотно экономически обустроенное прошлое окончилось. Достаточно прописать право собственности, рыночные отношения, права человека, разделение властей — и мы полетим вперед со скоростью ракеты к светлому будущему». Ан нет! 30 лет прошло — как раз в прошлом году. И как раз к этому юбилею вышло самое большое количество научных исследований о том, что в жизни мало что поменялось. Например, Иван Крастев написал книгу «Свет, обманувший надежды». У него взгляд достаточно

пессимистический: о том, что происходит антидемократический откат назад. Давайте попробуем разобраться, почему это стало происходить. Каждый, кто писал подобные книжки (в том числе и ваша покорная слуга — хоть и не политолог, но пыталась разобраться с юридической точки зрения — философы, историки), по-своему трактовал ситуацию. Но во всем многообразии этих углов зрения нет противоречий, просто каждый увидел эти процессы со своей позиции. Об этом говорили ученые не только в тех странах, на которые навалилась эта беда возвратного авторитаризма. Об этом писали ученые по всему миру: и немцы, и американцы, и французы, и многие другие. Потому что явление-то непростое! Особенно это важно сегодня для Евросоюза. Потому что новых стран с ретросознанием, вошедших в его состав, оказалось неожиданно много. В том числе Польша и Венгрия доставляют Венецианской комиссии Совета Европы немало проблем. Маленькая Латвия «отличается» известными «изысками» в конституционном регулировании! Просто до нее еще дело не дошло, но уже поданы заявления и в Суд Евросоюза по спорам, связанным с языком и с преамбулой к Конституции. Что происходит?

Для того чтобы это понять, нужно раздвинуть временные границы. Не ограничиваться только этими тридцатью годами. Давайте посмотрим ретроспективно. Когда, зачем, почему возникли конституции, какой путь они проходили в тех странах, которые мы сегодня называем демократическими или развитыми? Какие процессы происходили? Тогда становится понятно, что ни в одной из этих стран ничего не проходило гладко. Посмотрите фильм «Суд над чикагской семеркой» об антивоенных демонстрациях в Чикаго против вьетнамской войны. Это было всего полвека назад. По крайней мере, я уже жила на этой земле. Становится понятно, что каждое право, каждую запятую — в Конституции ли, в *amendments* ли — недостаточно записать на бумаге, ее надо отстаивать в судах и доказать на практике. Когда в 2014 году еще не был разобран киевский Майдан, а на площади лежали обгорелые покрывшки, там стояло дерево, обернутое огромным плакатом «Свобода стоит того, чтобы за нее бороться». Не будет никакой свободы, если за нее не бороться! Можно что угодно записать на бумаге. Можно что угодно записать в каких угодно прекрасных документах, но пока эти документы не будут подтверждены реальной практикой, которая не рождается мирно, не рождается спокойно, эти документы останутся просто бумагой.

Незадолго до того, как Трамп покинул Белый дом, умерла одна из старейших и самых уважаемых судей Верховного суда США, Рут Гинзбург (о ее судьбе есть также хороший фильм). Она очень хотела дожить до дня, когда переизберется демократ, потому что баланс в Верховном суде США во многом определяется тем, представителем какой партии назначен судья. И она не хотела, чтобы этого судью назначил республиканец. Всю свою жизнь Рут Гинзбург посвятила только одному — отстаиванию

прав женщин. Она умерла очень пожилым человеком. Она очень хотела дожить до победы демократов, чтобы ее место занял демократический судья. Сегодня в России есть молодая женщина-политик Алена Попова. Ее, естественно, не допустили до выборов в Госдуму по понятным причинам. Но придет время, и она станет депутатом. У нее только одна цель: провести в жизнь закон о борьбе с домашним насилием.

Алена, в отличие от тех, кто сегод-

ня стали депутатами и рассказывают нам о том, что «они за все хорошее против всего плохого», ставит себе только одну четкую цель. И в этом плане она наиболее эффективный политик, хоть пока и не депутат.

Откуда вообще взялись конституции? Кто и зачем их придумал? И что с ними стало за две с лишним сотни лет с момента их появления? На самом деле конституции возникали там и тогда, где и когда ограничивалась абсолютная власть. Абсолютные монархии трансформировались в ограниченные монархии либо в республиканское правление. Нужно было создать систему институтов, создать систему управления государством такую, чтобы абсолютный монарх не смог вернуть себе абсолютную власть. Для этого появился принцип разделения властей. То есть система разделения властей — это всего лишь то, что не позволяет ни одной ветви власти, ни одной части государственной машины узурпировать власть. То есть изначально конституции были нужны для предотвращения возврата абсолютизма.

То есть первые конституции — это документы, которые появлялись в тот момент, когда расширялась социальная база власти. Кто и как ограничивал абсолютную власть монархов? В разных странах это происходило по-разному. Если вы смотрели сериал «Корона» на *Netflix*, наверное, помните слова королевы: «Сначала пришли бароны, потребовали... потом пришли купцы, а теперь пришли средства массовой информации...» В этих словах суть расширения социальной базы власти. Сначала пришли бароны и учредили *Magna Carta*, Билль о правах. Они сказали: «Абсолютная власть? Нам это не нравится! Вы берете у нас деньги и тратите их на проведение политики, которая нас не устраивает. Мы не согласны!» И они сделали первый Билль о правах, который ограничил абсолютную монархическую власть. Это и есть прообраз конституции. *Magna Carta* — это великий документ! Говорят: «В Великобритании нет конституции». Да есть, конечно! Начиная с *Magna Carta*. Просто конституции не обязательно существуют в виде единого документа. Они могут состоять из нескольких законов, и это совершенно не мешает им существовать и работать.

Вместе с конституциями появляются парламенты. Это мощнейший инструмент ограничения абсолютной власти и элемент системы разделения властей, главная функция которых — помимо народного

Конституции возникали там и тогда, где и когда ограничивалась абсолютная власть

представительства — сдерживать правительство. А правительство, оно действует в режиме 24/7, то есть постоянно. Именно оно принимает больше всего решений. И ему совсем неохота согласовывать эти решения в сложной парламентской процедуре. То есть правительство, исполнительная власть, всегда самая потенциально авторитарная ветвь власти. Ее больше всех надо сдерживать, контролировать и за ней глядеть. Вот для этого контроля и нужен независимый парламент! А если ставится задача позволить правительству все что угодно, тогда, наоборот, парламент должен быть зависим. Чтоб не мешал... Вот очень простыми словами я показываю, что произошло в России. Как только парламент зависимый, как только в нем нет ни одного бузотера, как только в нем нет ни одного Гудкова, Пономарева, Петрова и Зубова, которые могут устроить «итальянскую забастовку», — правительству как хорошо-то! Деньги воровать — хорошо, бюджет под себя распределять — хорошо, воевать хорошо! Да все что угодно! Вот вчера что они сделали (я сегодня утром прочитала): они предложили запретить содержание домашней птицы на приусадебных участках. По-че-му? Потому что перпендикуляр. Потому что очень нравится запрещать. Потому что нужна новая коррупционная ниша для поборов с населения. Запретить сбор валежника? Отлично! Сколько штрафов можно собрать! Маршрутные карты для сбора грибов и ягод — это ж какая прелесть! Это же как здорово! Это же какая потенциальная коррупция! Народ шутит: «Когда же у них “запрещалка” отвалится?» Ну никак не отваливается, все равно власть хочет что-нибудь ограничить, запретить, урегулировать.

Итак, первая задача конституции — всего лишь удержать расширившуюся социальную базу власти. Не дать сузить круг лиц, участвующих в принятии решений. Постепенно, по мере снижения этой угрозы функции конституции в мире менялись. Ведь настоящее, хорошее государство — это государство, в котором удобно жить и которое эффективно развивается. А как этого добиться? Всего лишь нужно жить в консенсусе с населением! Это государству и дешевле, и выгоднее... Да, конечно, с обществом надо договариваться. Это непросто. Но в результате значительно удобнее, чем управлять авторитарно. Тогда не надо содержать такую дорогую принудительную машину. Не надо содержать огромный бюрократический аппарат, который будет проверять точность исполнения закона. Ну вот что это за закон о запрете содержать кур и перепелок на приусадебных участках?! Попробуйте это исполнить — это же просто невозможно в такой большой стране. Но это непременно будет использовать каждый отдельный участковый, у которого кончатся деньги на игрушки сыну. А зачем? Государству выгодно (и это уже доказано историей) жить, когда его решения разделяются населением, поддерживаются населением. Для того чтобы они поддерживались населением, нужно, чтобы население принимало участие в принятии этих решений, корректировало их, отлаживало. Тогда государству дешевле, проще и

лучше жить! И заодно безопаснее. Тогда оно действительно начинает направлять усилия в те области, которые его развивают, а не туда, где надо постоянно проверять и подавлять. И не надо будет крутить гайки до срыва резьбы. Вот первые конституции на то и были направлены, чтобы устроить все так, чтобы потихоньку население научилось принимать участие в управлении делами государства и общества.

Это социальная солидарность, это формирование органов, это инструменты по участию населения в принятии решений. И не только через парламент. Но, например, посредством референдума. Правда, референдум нужно очень аккуратно использовать. Это непростой инструмент, он обоюдоострый. По-моему, все-таки только одна страна в мире пользуется референдумом в повседневном режиме — это Швейцарская Конфедерация,

Постепенно роль конституций стала меняться от оборонительной (против возврата абсолютизма) к созидательной

в которой может проходить до десяти референдумов в год, и все в порядке. Но этому надо очень сильно не только обучить свое население, но сделать его предельно ответственным. И поэтому когда в Швейцарии, например, задают населению вопрос: «А не ввести ли нам всеобщий базовый доход независимо от того, работаете вы или нет?» — швейцарцы, «почесав репу», на референдуме ответили: «Нет. Не хотим пока. Не надо, это безответственно». Хотя, казалось бы, какой дурак от такого бы отказался?..

Итак, постепенно роль конституций стала меняться от оборонительной (против возврата абсолютизма) к созидательной. Чтобы так все устроить, чтобы было удобно и эффективно жить. Ведь уже никто не хочет узурпировать власть. Все поняли и привыкли, что жить в системе разделения власти при таком порядке, когда население участвует в управлении, когда хорошо выполняются законы, когда есть возможность народной инициативы, — это так удобно! Это ведет к развитию, в том числе к экономическому. Дальше перед конституциями встала новая задача. А давайте посмотрим, как нам еще усилить это развитие? Нужно было найти точку входа. Что же главное в этих странах, которые ограничили абсолютную власть и построили демократические институты? Недавний пример — выборы президента США. Как на январском кризисе удержалась американская демократия! Там же все кипело. Многие говорили: «Вот сейчас все у них рухнет». Но удержалось. Именно за счет баланса ветвей власти. И вдруг стало понятно, что государства развиваются лучше всего, быстрее всего, эффективнее всего там, где свободен человек. Где человек свободен, где ограничения его собственного творчества, жизни разумны, но не излишни, где вмешательство в его частную жизнь минимально — там лучше, нежели в странах, где по-другому. «Мое право заканчивается там, где начинается право

другого» — главное правило и главное ограничение. Ага! Вот она, цель и задача конституции! Вот мы нашли эту «точку входа»: права человека!..

И постепенно именно это стало сердцевинной конституций. То есть у конституций стал постепенно появляться совершенно другой смысл и целеполагание. Они закрепили права человека. И долго пошли по этому пути, апробируя и отстаивая каждое из них. И до сих пор идут. Кто быстрее, кто медленнее. Посмотрите на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, какой она была в 1950 году, когда ее принимали. Вы сейчас посмотрите и скажете: «Какой убогий документ». А этот документ оброс судебной практикой, огромным количеством судебных решений, решений Венецианской комиссии! Понимание и толкование каждого права, которое там очень скупо описано, сегодня расширено и углублено кратно. Ну что такое, например, «свободные и справедливые выборы, проводимые с определенной периодичностью», — это все, что сказано в Конвенции о выборах. А вы посмотрите сейчас, какое количество требований: что такое «свободные», что такое «справедливые», что такое «проходящие с определенной периодичностью» — огромное количество критериев, по которым в том числе будут оцениваться последние российские выборы. И это уже международные общеобязательные документы. Но начиналось-то со скупых строк конвенции. А уже потом за 70 лет нарабатывался огромный опыт, практика, применение. Вот так и с конституцией. У каждой конституции тоже был свой путь каждого права внутри своей собственной страны, и везде этот путь был разным. Поэтому я и говорю о фильме «Суд над чикагской семеркой» и про Рут Гинзбург. Это очень показательные вещи!

Многие говорят, что не надо сравнивать системы континентального права, где главенствует закон, и системы общего права, где многое решают судебные прецеденты. Но сегодня это уже не две разных системы. Они смешались и взаимообогатили друг друга. Потому что ЕСПЧ в своих решениях опирается как на текст конвенции, так и на свои собственные решения. И именно судебная практика позволяет адаптировать конституцию, даже принятую много лет назад, к меняющейся жизни. Можно ее даже ничем новым не наполнять — собственно, как и сделали в Соединенных Штатах. Там всего лишь полтора десятка поправок за двести лет. И ничего! Все живет и работает. Но настоящая Конституция Соединенных Штатов Америки сегодня состоит не из этого маленького документа и *amendments*, а из толстых томов решений, практик, критериев — и эта работа бесконечна.

То есть права человека — «точка входа». Понятно, что вот она, основа, от которой может пойти развитие. И тогда возникает еще одна новая цель у конституции. Хорошо, права человека мы провозгласили. А как создать ситуацию, при которой вот это все заработает? Потому что, опять же, напишем на бумаге... А чтобы это работало, нужны еще две штуки: верховенство права и правовое государство. Потому что

Люй Вэй (Liu Wei). Dark Matter. 2008/2020

только они могут обеспечить исполнение конституции с точки зрения верховенства прав и свобод человека. Кто чаще всего нарушает права? Конечно, государство. Как его удержать? Посадить в конституционную клетку. Правовое государство — это государство, содержащееся в клетке. То есть если для человека действует принцип «разрешено все, что не запрещено», то для государства принцип обратный: «разрешено только то, что разрешено». Это и есть конституционная клетка. Но заставить государство не ломать прутья клетки может только система разделения властей и гражданский контроль. Только при наличии гражданского общества, свободных СМИ, представительного парламента и независимого суда можно удержать государство, его исполнительную власть.

Верховенство права — это немного другая задача и другая система. Это гарантии нормального правосудия для всех. И об этом можно не одну лекцию прочитать.

В том числе сейчас мир приходит к выработке критериев «правовых» и «неправовых» законов. То есть оказывается, что не все законы могут считаться правовыми, но только правовые законы могут применяться и использоваться при осуществлении правосудия. И уже фактически вплотную подошла к этому вопросу Венецианская комиссия. То есть для нас, для обычных граждан: вот закон, а значит, его надо исполнять. Специалисты говорят: «Закон закону рознь: вот это закон — правовой, а этот — неправовой, он не соответствует принципу верховенства права. Он не должен действовать. И если он принят, то должен быть отменен». Еще только тронули пальчиками эту историю. То есть у конституций появился ценностный аспект. И конституции становятся ценностными документами. Именно в это время, когда сформировалась триада «права человека — правовое государство — верховенство права», Фукуяма и написал свою книгу «Конец истории». А я утверждаю, что это — начало! Потому что это начало новой истории, потому что она никогда не заканчивается. Сейчас многие говорят, что он тогда ошибся, написав «Конец истории». А я утверждаю: нет, не ошибся — это конец этапа и начало новой истории.

И всем нашим странам этот путь все равно придется пройти. Он просто должен быть пройден. Иначе никак. И никакая граница нам не поможет. Нам и так повезло, что когда принималась наша Конституция, уже были все международные документы, критерии и принципы. Так что есть шанс, что по этому пути мы пройдем быстрее. Международные обязательства — это тоже отличная клетка для государств, которые эти обязательства на себя взяли.

В 1995 году Московской школой политических исследований была издана книга Эрнеста Геллнера «Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники» — ученого с мировым именем, эксперта и вдохновителя Школы. Написанная более 25 лет назад, она стала своего рода интеллектуальным завещанием, обращенным к посткоммунистической России, и предвосхитила многие тенденции и события в современном мировом сообществе.

6–8 мая 2021 года Чешской ассоциацией социальной антропологии при поддержке Центра политики открытого общества (Фонды «Открытое общество») прошла Международная конференция *Ernest Gellner Legacy and Social Theory Today*, посвященная наследию Эрнеста Геллнера (1925–1995).

Публикуем статью одного из участников этой конференции.

В защиту Эрнеста Геллнера: комментарии к выступлению Криса Ханна «Критика неолиберализма Геллнера»¹

*Анатолий Хазанов,
профессор, Висконсинский
университет (США)*

После некоторых колебаний я решил назвать эти комментарии «В защиту Эрнеста Геллнера». Как ученый Геллнер не нуждается ни в какой защите, во всяком случае, не в моей — его коллеги меньшего калибра и с более узким кругом знаний. Кроме того, его научная биография, написанная Джоном Холлом², действительно очень хороша и остается актуальной и по сей день. Однако, будучи близким другом Эрнеста в течение нескольких десятилетий, я считаю своим долгом защитить его память от фактических ошибок, плохо скрывааемых предубеждений и враждебности, а особенно от политических обвинений. Я написал бы эти комментарии в любом случае, но я ценю заверения Ханна в том, что он всегда разделяет личные отношения и научные разногласия; и я хотел бы добавить, что это именно то, что всегда делал Геллнер.

Похоже, что Ханн не нашел в работах Геллнера ничего, что остается ценным и по сей день. Геллнер для него — уже ученый прошлого, падшая звезда, чей индекс академического цитирования снижается. На самом деле Ханн очень критично относился к учености

Геллнера, даже когда тот был еще жив, а после смерти Геллнера стал особенно активен в этом своем отношении. Он никогда не упускал из виду ничего, что могло бы нанести ущерб репутации Геллнера как ученого. Так, Ханн упоминает критические рецензии на книги Геллнера и считает их «блестящими» и «проницательными». Он даже не преминул отметить, что книга «Условия свободы» не была опубликована университетом и никогда не переиздавалась. Но я не буду спорить с ним по этим вопросам. Плодотворные исследования Геллнера говорят за него лучше, чем кто-либо другой может это сделать. Тридцать участников прошедшей конференции придерживаются совершенно иного мнения, чем Ханн.

Атака Ханна на Геллнера носит не только научный, но и гораздо более личный и политический характер. Но, справедливости ради, я хотел бы обратить внимание на то, что он также говорит и много хорошего о Геллнере — как о человеке и коллеге. Он пишет, что Геллнер был щедрым, эгалитарным наставником. На самом деле именно Геллнер познакомил меня с Ханном в Кембридже и попросил поговорить с ним о реальном положении дел в социалистических странах. Но очень скоро я пришел к выводу, что в этом отношении Ханн был безнадежен: его не интересовали факты.

Ханн также упоминает гостеприимство Геллнера и даже красное вино, которое он потягивал у него в гостях во время просмотра футбольных матчей по телевизору. Он отмечает, что Геллнер был терпим к иным мнениям и любым точкам зрения, которые никак не совпадали с его собственными. Он призывал студентов следовать их личным принципам и теориям. Увы, у него был только один недостаток: он всегда пренебрежительно относился к взглядам Ханна и никогда не принимал их всерьез.

Не то чтобы Геллнера удивила критика Ханна — он уже сталкивался с ней однажды и на самом деле справился с ней довольно ловко. В журнале, посвященном социальной философии Геллнера, он подробно ответил на все критические статьи, в том числе и на работу Ханна. Геллнер заканчивает свой ответ Крису так: «Большая часть эссе Криса — это прямая политическая полемика, впрочем, сама работа от этого ничуть не пострадала. Крис пишет, что мои замечания о Малиновском говорят больше обо мне, чем о Брониславе, в таком случае замечания Криса обо мне говорят нам больше о Крисе. Крис — социалист, чья оправданная неприязнь к недостаткам западного капитализма (а также большевизма) привела его к надежде на Третий путь, а то, как развалилась коммунистическая империя, разрушило такие надежды»³. Очевидно, что Ханн был — и до сих пор остается — очень обижен отношением Геллнера.

Как бы то ни было, политические разногласия между Геллнером и Ханном были очень существенными и серьезными. Гвидо Францинетти в своем выступлении на конференции упоминал, что академические

Эрнест Геллнер в своем кабинете Лондонской школы кономики. 1979

левые всегда негативно относились к Геллнеру. Я хотел бы немного остановиться на причинах этого.

Первая причина очевидна: Геллнер никогда не принимал марксизм во всех его воплощениях, будь то классический марксизм, советский марксизм, неомарксизм или постмарксизм. Точно так же ему была совершенно чужда догматическая концепция вечной классовой борьбы, хотя он и уделял должное внимание экономическому неравенству, которое существовало и продолжает существовать в западных демократических странах.

Ханн упоминает и другие причины взглядов Геллнера. По его мнению, история жизни Геллнера исказила его понимание социализма и закрыла ему глаза на самые темные стороны капиталистического способа производства. Что ж, это объяснение граничит с марксистским детерминизмом, который предполагает, что политические взгляды людей определяются обстоятельствами их жизни.

Последнее объяснение Ханном политических взглядов Геллнера отдает дурным тоном, и это еще мягко сказано. Он утверждает, что Геллнер провел свою жизнь в социально-экономическом коконе. Утверждать это может только очень предвзятый человек с односторонними суждениями, игнорирующий общеизвестные факты биографии Геллнера. Неужели так трудно понять, что всю свою жизнь он мужественно преодолевал многочисленные проблемы и трудности — экономические, социальные, физические?

В возрасте тринадцати лет ему пришлось бежать из Чехословакии, и он оказался бездомным беженцем. В Англии, ставшей для него принимающей страной, ему удалось посещать только маргинальную школу,

которую сложно было назвать средней школой в общепринятом смысле. Однако затем он получил стипендию на учебу в Баллиоле в Оксфорде, потому что руководитель этого учебного заведения считал, что его колледж непременно должен принять несколько иностранцев, дабы научить их, как стать настоящими англичанами. Во время Второй мировой войны Геллнер добровольно пошел воевать, вступив в Чехословацкую бронетанковую бригаду, затем вернулся в свою любимую Прагу, но вскоре снова был вынужден ее покинуть, потому что пришел к справедливому выводу, что коммунистический захват власти в стране неизбежен. После его второго переезда в Англию продвижение в британском академическом мире было очень трудным, медленным и постепенным. Многие влиятельные члены британского научного сообщества так и не стали считать Геллнера своим полноправным коллегой, если вообще считали его хоть какой-то частью этого сообщества.

Ханн же, напротив, провел свою жизнь в академических башнях из слоновой кости, успешно и непрерывно поднимаясь по карьерной лестнице с одной должности на следующую, более высокую — иногда и с помощью Геллнера. В своих публикациях он всегда заявлял о своей преданности бедным, обездоленным и эксплуатируемым людям по всему земному шару. Но когда представился шанс, предпочел переехать из Англии в богатую и комфортабельную капиталистическую Германию. Так в итоге кто провел свою жизнь в социально-экономическом коконе, Геллнер или Ханн?

Были и гораздо более серьезные причины для отвращения Геллнера к социалистическим режимам. В общей сложности они были ответственны за смерть около ста миллионов своих подданных. Миллионы людей были заключены в многочисленные концлагеря. Некоторые национальности оказывались в изгнании, другие подвергались дискриминации. Но, судя по всему, на Западе все еще есть некоторое количество представителей интеллигенции, для которых все это не имеет значения. Для них цель оправдывала средства. Но не для Геллнера. Уровень жизни в капиталистических странах был намного выше, чем в социалистических. Но это тоже не имело значения. Для западных левых социализм обещал светлое будущее, в то время как капитализм был не способен это сделать.

Ханн обвиняет Геллнера даже в том, что он якобы голосовал за Консервативную партию. Я не знаю, как Ханну удалось это выяснить; приведенная им ссылка на биографию Геллнера некорректна. Холл⁴ упомянул только, что в 1974 году Геллнер однажды пошутил, что британской политике нужно, чтобы за Мэгги [Тэтчер] следовали социал-демократы. Когда Геллнер говорил со мной о британской политике, он несколько раз упоминал, что никогда не голосовал за консерваторов. И я доверяю ему больше, чем Ханну. Более того, я очень сомневаюсь, что Геллнер вообще обсуждал с ним свои электоральные предпочтения.

Жан-Мишель Баския. *Отвратительные либералы*. 1982

Но давайте предположим, что Ханн был прав. Мне почти неловко напоминать ему об очевидном: выборы реальны только тогда, когда граждане могут выбирать, за кого голосовать. Действительно ли он предпочитает социалистическую практику голосования только за одного кандидата, которая существовала при компартии? Такая практика высмеивалась в старом советском анекдоте: «Бог создал Еву, привел ее к Адаму и сказал: выбирай!» И наконец, считает ли Ханн, что невозможно быть хорошим ученым, придерживаясь консервативных политических взглядов?

Как давно заметил Джордж Оруэлл, некоторые идеи настолько глупы, что в них могут поверить только представители интеллигенции. Меня всегда поражали те западные интеллектуалы, которые предпочитали любить — на безопасном расстоянии — так называемый научный социализм, при этом наслаждаясь комфортной жизнью в капиталистических странах, которые, по их собственным утверждениям, так сильно ненавидели. Многие люди, живущие в коммунистических странах, предпочли этот капиталистический ад социалистическому раю и переехали на Запад, как только у них появилась такая возможность. Другие просто бежали в западные страны, даже рискуя своей жизнью. С другой стороны, некоторые люди, которые вовсе не хотели покидать свои родные страны, были вынуждены сделать это из-за своей диссидентской деятельности. Кто-то бросал вызов коммунистическим правителям, настаивая на своем человеческом и гражданском праве на эмиграцию. Кстати, Геллнер и голландский антрополог Анри Классен были двумя наиболее активными среди моих западных коллег, чье неустанное

давление на советские власти предотвратило мой неминуемый арест и в конечном итоге позволило эмигрировать из Советского Союза. Но я никогда не слышал о ком-либо, кто бы добровольно двигался в противоположном направлении. Ханн в этом плане не исключение.

Тем не менее после периода выездной работы в Венгрии Ханн стал и до сих пор остается большим поклонником ее коммунистического режима. Венгрия, по его мнению, кардинально отличалась от Советского Союза. Неужели? Как ни странно, Ханн по-прежнему ссылается только на свои полевые материалы, собранные в небольшой части страны, и игнорирует многочисленные публикации о коммунистической Венгрии — возможно, потому, что они противоречат его мнению. Интересно, знал ли Ханн о специфике этнографических исследований при нахождении в коммунистических странах? Многие люди там боялись говорить иностранцам, что они на самом деле думают о своем режиме из-за вездесущих осведомителей тайной полиции. Популярная шутка о том, что Венгрия была самым счастливым баракком социалистического (исправительного) лагеря, доказывает, что многие венгры не разделяли энтузиазма Ханна.

Я очень удивлен, что, восхваляя поздний режим Кадара, Ханн никогда не упоминает его предысторию: подавление венгерской антикоммунистической революции советскими танками и последующие жестокие массовые репрессии, жертвы которых варьировались от тех, кто был убит, заключен в тюрьму, подвергнут пыткам или депортирован, до тех, кого «всего лишь» обстреливали, преследовали и шантажировали. Многие венгры сейчас пишут, что Кадар начал свои экономические реформы только после того, как ему удалось сломить национальный дух, конформизм стал доминирующим в стране и многие ученые, журналисты и известные деятели культуры стали сотрудниками и информаторами тайной полиции. Только после этого Кадар-палач превратился в Кадара-реформатора (см., например, работу Ковача⁵).

Примечательно, что советские покровители Кадара, которые стали подозрительными и нервными с первых дней Пражской весны и пребывали в этом состоянии вплоть до движения «Солидарности» в Польше, не были обеспокоены и не противились кадаровскому «гуляш-социализму» — инъекции ограниченной дозы рынка в практически неизменную командную экономику. Да и почему они должны были возражать против его предложения о некотором улучшении уровня жизни в Венгрии? Государство сохраняло за собой право собственности на ключевые экономические ресурсы и продолжало подавлять инакомыслие. Его подданные по-прежнему были лишены основных гражданских прав и свобод. По сей день Ханн разочарован тем, что Геллнер безоговорочно отверг его радужную картину Венгрии Кадара. Но неужели так трудно понять, почему он это сделал?

Наконец, о гражданском обществе. Ханн утверждает, что сам Геллнер чувствовал себя неуютно из-за обобщения, которое он предложил в своей книге, и чтобы доказать это, он снова ссылается на биографию Геллнера авторства Холла⁶. Я снова внимательно перечитал эти страницы, но не нашел там ничего, что могло бы подтвердить мнение Ханна. Геллнер однозначно считал гражданское общество незаменимым элементом демократии, и Ханн не согласен с его взглядами. Но собственное восприятие Ханном гражданского общества довольно странное: он называет его высокоэлитарным и обвиняет в экономических и других недостатках неолиберализма.

Цель гражданского общества – сохранять либерально-демократический характер стран, в которых оно существует

Однако гражданское общество в понимании Геллнера не состоит из правительств или транснациональных корпораций. Оно не должно заниматься экономическими проблемами, неравенством, налогообложением, благосостоянием и так далее. Его цель — сохранять либерально-демократический характер стран, в которых оно существует. Ни больше ни меньше. Именно гражданское общество защищает право Ханна думать так, как он хочет, говорить то, что думает, и публиковать то, что он говорит публично. Что бы ни думал Ханн, но жесткая и трезвая аргументация Геллнера по этому вопросу остается актуальной и по сей день.

Это право очень дорого таким людям, как я, которым было в нем отказано, когда мы жили в социалистических странах. Многие люди на Западе принимают это как должное, не проявляя достаточной бдительности. Но были и есть те, кто понимает, что это право и гражданское общество в целом следует постоянно защищать от различных недемократических идеологий, движений и партий — как правых, так и левых. Геллнер был одним из таких людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *A Critique of Gellner's Neo-Liberalism: Economy, Equality, Epistemology*

² Hall, J. A. 2010. Ernest Gellner. An Intellectual Biography. London & New York: Verso.

³ Gellner, E. 1996. 'Reply to Critics.' In John A. Hall and Ian Jarvie (ed.). The Social Philosophy of Ernest Gellner. Poznań Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. Amsterdam: Rodopi. No. 48. P. 677.

⁴ Hall, John A. 2010. Ernest Gellner: An Intellectual Biography. London & New York: Verso. P. 157.

⁵ Kovacs, J. M. 2009. Accomplices Without Perpetrators: What Do Economists Have to Do with Transitional Justice in Hungary? In A. M. Khazanov and S. Payne (eds.). Perpetrators, Accomplices and Victims in Twentieth-Century Politics. Reckoning with the Past. London and New York: Routledge. P. 150–173.

⁶ Hall, John A. 2010. Ernest Gellner: An Intellectual Biography. London & New York: Verso. P. 356–360.

Аннотации и фрагменты наших только что вышедших или готовящихся к изданию книг

Лев Гудков.

Иллюзии выбора: 30 лет постсоветской России. Рига, 2021. 228 с.

По словам социолога Льва Гудкова, доктора философии, с 2006 по 2021 год директора Аналитического центра Юрия Левады, объявленного Минюстом РФ «иностранным агентом», волны общественного воодушевления и разочарования в России слабо связаны с пониманием состояния общества и власти. Они питаются другими источниками — надеждами, иллюзиями, возмущением или чувством гордости и коллективного единства. Такие установки устойчивы, поскольку исходят из внутренних побуждений, а не из знания. Но именно поэтому они так важны для анализа особенностей общества и его взаимодействия с государством. Накопилось много поводов, побуждающих высказаться на тему, как мы понимаем и объясняем сложившуюся ситуацию. Книга написана на основе лекций, прочитанных автором на семинарах Школы гражданского просвещения.

Лекция 1. Предварительные замечания

Я очень рад всех видеть, Школа жива, есть люди, которых волнуют общие вопросы и кто, несмотря на все злоключения последнего времени, хочет их обсуждать с другими. Я исхожу из предположения, что слушатели Школы участвуют в ее работе, потому что внутренне стоят перед проблемой, которая раньше, лет 100 назад, именовалась примерно так: «Современная духовная ситуация и ее вызовы» или «Диагноз нашего времени». Всеми нами движет потребность знать, каковы перспективы того, что жизнь придет в соответствие с нашими ожиданиями и убеждениями, каковы шансы на реализацию наших надежд, что мы должны и что мы можем делать, если они расходятся.

Почему 100 лет назад? Потому что примерно тогда, в то время интеллектуалы в Европе впервые столкнулись с неоднозначными последствиями процессов модернизации общества: переходом от закрытого сословного иерархического общества к открытому, к представительской политической системе, свободному рынку, стремительному экономическому развитию, индустриализации, мобильности населения, возникновению новых систем коммуникаций и информации, и с прочими социальными формами, неизвестными ранее. Обратной стороной появления массового индустриального общества оказалось нарастание социальных конфликтов и идеологических противоречий, особенно обострившихся после катастрофических последствий Первой мировой войны, утрата групповой и индивидуальной идентичности, проблемы аномии, массовых неврозов. Вместе с ними обозначился кризис веры в прогресс, просвещение, гуманизм и демократию, то есть во все то, что

ранее придавало смысл общественному, публичному существованию — политике, науке, культуре как идеалу совершенствования человека и общества. То, во что верили в XIX веке, — свобода, демократия, равенство — все обернулось против человека, начало показывать свою темную сторону. На сцену вышли массы фрустрированных, ущемленных и дезориентированных людей, полных агрессии, вражды и ксенофобии.

Вопросы, подобные названным выше, возникают всякий раз, когда у нас, вопрошающих, уходит почва из-под ног, когда наши ожидания расходятся с тем, что происходит в обществе, когда усиливается ощущение надвигающегося мрака, собственного бессилия и утраты достоинства. Сегодня мы погружаемся как раз в такое состояние неопределенности, раздвоенности, нарастающей депрессии. Причины этого весьма многообразны, их нельзя свести только к наступлению реакции в России. На Западе закончился длительный, почти 70-летний, период послевоенного мира и благосостояния, обусловленного опытом осмысления идеологий и практик тоталитаризма, геноцида и сознанием значимости демократии и прав человека как факторов, блокирующих организованное насилие. Исчез образ врага в виде угрозы со стороны СССР. Обнаружились негативные стороны быстрого включения восточноевропейских стран в Евросоюз, ресентиментные и антидемократические настроения, рост национализма. В России массовое разочарование в реформах стало основанием авторитарного, плутократического режима, приобретающего с течением времени все более репрессивный характер.

Результаты 30-летнего развития страны (после начала реформ — горбачевских, затем ельцинских) повергают многих в состояние тревоги и фрустрации. Это касается не всех, но многих — демократов, националистов, либералов и просто людей без особых идеологических установок. Вместо демократии, свободы, экономического процветания в последние 10 лет мы имеем дело со снижением доходов населения, милитаризацией государства, экономической стагнацией (экономисты говорят о стагфляции) при относительно стабильном плутократическом режиме. Расширяются масштабы репрессий, исчезают даже номинальные признаки правового государства, разделения властей. На общественной сцене — торжество наглой, циничной и неумной власти, обладающей всеми ресурсами принуждения, монополией на пропаганду, демагогию и средствами административной мобилизации населения.

Социологические исследования свидетельствуют о том, что эти явления — закономерное проявление длительного и противоречивого процесса разложения советского тоталитаризма. Мой опыт социолога заставляет меня думать, что такой процесс (в лучшем случае) может

захватить несколько поколений, в худшем — обернуться неизбежной инволюцией и национальной деградацией страны, вызванной несостоятельностью общества. Для понимания текущих событий важно иметь в виду именно большие временные размерности в качестве исходной системы координат настоящего и перспективы оценок.

Между тем такая позиция вызывает неприятие, она противоречит установкам той части демократически ангажированной общественности, которая верит в свои возможности скорого изменения политической системы.

На своих публичных лекциях и в выступлениях я постоянно сталкиваюсь с очень характерными реакциями аудитории — с упреками в пессимизме и даже обвинениями в том, что я «торгую пессимизмом», с сетаованиями на то, что мои оценки происходящего «угнетают», «демотивируют», навязывают чувство безнадежности, подавляют всякую готовность что-то делать.

Я категорически с этим не согласен. «Пессимизм» — неправильное, по меньшей мере неточное слово. Предаваться пессимизму, с моей точки зрения, психологическая роскошь, непозволительная для нас. Скрытая слабость позиции тех, кто это говорит, состоит, на мой взгляд, в том, что значимость целей собственного действия (участия в общественной жизни, в протестах, в просветительской деятельности, в работе НКО, комментируя происходящее в фейсбуке и т.п.) остается непроясненной. И этот скрытый момент имеет важное значение. Он означает, что к утверждаемым нами ценностям, убеждениям добавляется принципиально иной компонент (наши интересы), имеющий иную природу, чем познавательная мотивация. Назвать это эгоизмом было бы, наверное, неправильно, но и не учитывать его нельзя. Девиз Школы — кантовское требование «Имей мужество пользоваться своим умом» — это не просто красивые слова, но и менее приятное требование трезво смотреть на мир, видеть реальность, отличную от наших идеалов, и достойно встречать свою судьбу. В противном случае встает вопрос: какова собственная, «настоящая» цена наших убеждений и ценностей, если мы исходим из их значения для «себя», так или иначе применяя их к себе, к сроку собственной жизни?

Вообще-то это старая религиозная или этическая дилемма: является ли добро добром, если ты каким-то образом или в какой-то степени заинтересован в добром поступке, или доброе поведение, дело, ценности (представление о прекрасном, истине, свободе и т.п.) могут быть только внутренним императивом, как утверждал Кант?

Это одна сторона проблемы, другая (не менее сложная) связана с двусмысленностью последствий чисто этического поведения. Юрий Трифонов, явно недооцененный у нас писатель, когда-то описал эти моральные ловушки в своем романе о Желябове и народовольцах, назвав его «Нетерпение».

Нет оснований сомневаться в этической искренности и готовности к самопожертвованию таких людей, но отсутствие в сознании исторического измерения, то есть готовности принять в расчет последствия своего действия или последствия достижения своих целей, и приводит к непредвиденным последствиям своего поведения: к быстрому разочарованию, астении, депрессии. Либо, напротив, толкает к идее радикального слома несправедливой системы, к насилию, которое, в свою очередь, порождает или восстанавливает репрессивный режим. Этот отказ от сознания ответственности (от исторической перспективы своего действия), от способности без иллюзий смотреть на происходящее в стране, не ожидая награды или наказания, по сути, и выражает характерную черту российского общества-государства: социальную ограниченность горизонтальных, межгрупповых связей, неспособность понимания интересов и ценностей людей, не таких, как мы сами.

Я хочу подчеркнуть тем самым опасность завышенных ожиданий, порожденных либо аберрацией зрения, либо недостаточностью средств анализа социальной действительности. Часто ригидность подобных представлений связана с тем, что для их обладателей верность таким взглядам оказывается более важной (для поддержания чувства собственного достоинства), чем осознание фактической стороны. Это особенно актуально на фоне прорыва накопившегося недовольства, протестных настроений и состояния эйфории у демонстрантов. А нам нужно долгое дыхание, поскольку историю не делают спринтеры.

Волны общественного воодушевления и разочарования слабо связаны с пониманием состояния общества и власти. Они питаются другими источниками — надеждами, иллюзиями, возмущением или чувством гордости и коллективного единства, в том числе верой в детерминированность демократического транзита России, на которой строились реформы начала 1990-х годов и их поддержка населением. Такие установки чрезвычайно устойчивы, поскольку они исходят из внутренних побуждений, а не из знания. Но именно поэтому они так важны для анализа особенностей российского общества и его взаимодействия с нынешним государством. Обратная сторона слепой веры в транзит — отчуждение от политики большей части населения, его конформизм, готовность терпеть, равно как и оппортунизм нашей интеллектуальной элиты, превращающей эти иллюзии в источник своего авторитета. И то и другое образует «нерасколдованную», нерефлексивную основу общественной культуры России, «бессознательное» общества, о которых я, собственно, и хотел бы говорить.

Парадигма транзита мне кажется сегодня устаревшей, а точнее, неадекватной в принципе. Сила ее заключается в том, что в ней слились как не проработанные остатки коммунистической веры в светлое будущее, инерция перестроечной идеологии, желание жить «как в нормальных странах» и русское авось. Убедительность этим иллюзиям придает и

аналогия с (относительно) успешными преобразованиями в Восточной Европе: в Польше, Чехии, Венгрии, странах Балтии, прежних советских республиках. Но при этом упускается из виду, что успешный «транзит» в Восточной Европе проходил не на пустом месте, демократия в этих странах не была актом «творения» нового порядка из ничего. «Транзит» продолжал те тенденции, которые складывались задолго до 1989 года, до бархатных революций. Напомню о рабочих волнениях в Польше в 1956, 1967–1968, 1976–1977 годах и в 1980-м (закончившихся введением военного положения), о вооруженном восстании в Венгрии в 1956 году, подавленном нашим национальным героем Г. Жуковым, о Пражской весне 1968 года. Массовое участие в них (при поражении самих движений) меняло общественное сознание, становилось условием накопления опыта и радикального неприятия режима. Появление таких социальных форм самоорганизации общества, как КОС-КОР (Комитет защиты рабочих), профсоюз «Солидарность», членами которого были 10 миллионов из 37 миллионов жителей тогдашней Польши, никак нельзя считать случайным. Равно как и продуктивное влияние польской, чешской и венгерской эмиграции.

В чем суть этих движений, заложивших основу трансформации политических режимов, привнесенных в эти страны СССР после Второй мировой войны? Необходимой основой их успеха была гражданская солидарность, готовность терпеть тяжесть переходного периода реформ, скрепленная антисоветизмом (и не просто антисоветизмом, а антиоталитаризмом) и национализмом, ущемленностью национального чувства. В культуре этих стран сохранялись, воспроизводились образцы национальной государственности, утраченной в ходе завоевания этих стран Германией и последующей советской оккупации. Это чрезвычайно важные вещи для формирования демократии. Наконец, немалое значение имела помощь Запада, поддержка этих движений, которая невозможна, немыслима в нужных объемах для России, учитывая ее размеры и антизападные установки.

В России опереться было не на что. События в Новочеркасске (1962), похожие на польские выступления рабочих, или национальные волнения в разных регионах (в Тбилиси, Абхазии, Узбекистане, Туве и других местах) не были (и не стали позже) фактом общественного сознания, люди ничего не знали о них. Поэтому такие аналогии России с восточноевропейскими странами здесь неоправданны и не очень уместны.

С моей точки зрения, «транзит», как и весь корпус связанных с ним понятий, заимствованных из чужого контекста и механически перенесенных на нашу почву, — «авторитаризм», «гибридный режим», «плебисцитарная демократия», — плохо работает, потому что у этих понятий совершенно другая концептуальная, идеологическая и институциональная основа. Они выработаны для описания и объяснения коллизий в обществах, отличных от России. Транзитологический

язык непродуктивен в качестве средства описания и анализа текущих процессов в России, но очень практичен в качестве внутригрупповой коммуникации, средства поддержания консенсуса в среде с «демократическими» взглядами. Убедительность его связана не с эффективностью в качестве инструмента анализа, а со своим происхождением из словаря и языка западной политологии. Западная политология в этом плане служит критерием подтверждения «правильности» таких установок. В результате мы имеем не парадигму, которая объясняет происходящее, а символ веры: Россия будет свободной!

С моей точки зрения, эта проблема гораздо серьезнее, чем кажется. Конечно, она затрагивает наши средства познания, инструменты анализа социальной реальности, но главное — скрывает наши ценности, тот моральный базис, который определяет, мотивирует исследовательский и общественный интерес, необходимость и потребность знать. Я не хочу сказать, что ситуация безнадежна, в противном случае я не выступал бы здесь. Но быстрых изменений режима ждать не приходится именно потому, что по-настоящему мы не готовы что-то менять, не очень хотим, а потому не знаем, что делать. Пренебрежение мнениями людей, не таких, как мы сами, оставляет нас наедине с властью. Воспроизводится старая российская дилемма: революция либо «сверху», либо радикальным меньшинством без участия темных масс.

Отсутствие понимания демократами природы массового отношения к власти играет в этом далеко не последнюю роль. Это проблема. Ее нужно объяснять, осмыслить, что мы понимаем (хотим понять) и что мы не понимаем (не хотим понимать). Вместо этого идут бесконечные и пустые разговоры о правовом государстве, о демократии, оставляя в стороне реальные, повседневные нужды и интересы обычных людей, которые отвечают либералам той же монетой. В этом отказе от понимания заключается моральная ограниченность и слабость или бессилие российского либерализма. Либералы (к среде которых я принадлежу) не хотят замечать огромной инерции и массивности политической культуры, которые блокируют возможности изменений. А раз так, то их протест обречен на отсутствие массовой поддержки и неудачу.

*Дмитрий Травин,
журналист, экономист,
политолог*

Нравнодушное наблюдение

Тому, кто не склонен к интеллектуальным соблазнам, книга германо-британского мыслителя Ральфа Дарендорфа «Соблазны несвободы» может показаться не слишком актуальной. Она ведь о фашизме и коммунизме.

То есть о делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой. Однако в российских интеллектуальных кругах вопрос о том, как следует себя вести в обществе, соблазняющем нас несвободой, является, пожалуй, наиболее дискутируемым в последние несколько лет. И вряд ли надо объяснять почему. Следовательно, трудно представить себе более актуальную книгу, чем только что появившийся на прилавках небольшой томик Дарендорфа.

От книги с таким названием ждешь если не призыва немедленно «выйти на площадь в назначенный час», то по крайней мере размышлений на тему «Вчера они пришли за коммунистами, сегодня — за евреями, завтра придут за тобой...» Но автор, не отрицая, конечно, значения Соппротивления, размышляет совсем о другом варианте поведения — о «нравнодушном наблюдении» (с. 99–105), которое, с одной стороны, отличается от активной борьбы за свободу, а с другой — от внутренней эмиграции или тем более от чистого созерцания, при котором человек стремится вообще не обращать внимания на социальные события (с. 163–183).

У Дарендорфа есть три любимых героя-наблюдателя: Карл Поппер, Раймон Арон и Исайя Берлин. Сегодня, когда мы отделены от них уже двумя-тремя поколениями, нетрудно признать, что они были выдающимися интеллектуалами и могут считаться классиками (особенно первый), труды которых должен изучать всякий человек, претендующий на то, чтобы быть интеллектуалом современным. Но вообще-то

Поппер был боязлив и сам это признавал, а Берлин, когда речь заходила о его характере, прямо говорил: «Я трус» (с. 86). Лишь Арон, по мнению Дарендорфа, обнаруживал свою слабость не столь явно. Что же в них во всех героического?

Отвечая на подобный вопрос, автор резко меняет угол зрения. Можно, конечно, выйти на площадь в назначенный час и, прежде чем тебя свяжут, успеть прокричать, что король-то голый. Спору нет, это героизм. Но те интеллектуалы, которые привлекли внимание Дарендорфа, «не возвещают истину, а отдаются ее поиску» (с. 89). Пока коммунисты гневно клеймили фашистов, а фашисты — коммунистов, «неравнодушные наблюдатели» стремились понять, что происходит с миром и как сделать так, чтоб избежать соблазна несвободы как с той, так и с другой стороны.

Поппер, например, не боролся ни с Гитлером, ни со Сталиным. В своей книге «Открытое общество и его враги» он боролся с Платоном и Марксом. Во времена Гитлера и Сталина уход от прямой борьбы в теоретические дебри многим, наверное, казался трусостью. Но сегодня у нас (во всяком случае, у честных людей) нет особых проблем с оценкой гитлеризма и сталинизма, а вот вопрос о том, как относиться к марксистскому соблазну несвободы, волнует миллионы интеллектуалов по всему миру. Поскольку при одном взгляде на вещи марксизм выглядит борьбой с эксплуатацией за справедливость, а при другом — борьбой со свободой индивида за коллективизм. В этом споре лозунгами не отделаешься. Здесь нужно мыслить.

А что значит мыслить? Невозможно делать это совместно с другими людьми. Даже в научных коллективах, связанных единой задачей и единой идеей, каждый мыслит самостоятельно. И самостоятельно отстаивает свою позицию перед сторонниками иной точки зрения. Поэтому так выходит, что в самом главном своем деле — в мышлении — интеллектуал одинок. «Одиночество — плата за свободу» (с. 88).

Переносить истинное одиночество нелегко. Всегда легче сбиваться в стаю. Вместе легче травить тех, кто от стаи отбил. И вместе легче травить вожака стаи, когда он состарился и потерял былые лидерские свойства. Стаей легче защищать режим, и стаей легче с режимом бороться. Но если ты в стае, то ты уже несвободен. Точнее, ты можешь, конечно, сохранять иллюзию свободы, но путь к по-настоящему свободному, независимому мышлению для тебя уже закрыт.

Кто-то скажет на это, что в данном деле свобода и не нужна. Лишь бы не наезжали, не превращали в раба, не пороли на конюшне. И это верно.

*Р. Дарендорф.
Соблазны несвободы.
Интеллектуалы во
времена испытаний;
послесловие Юлиуса фон
Фрайтаг-Лорингховена /
Пер. с нем. М. Гринберга.
М.: НЛО, 2021. 360 с.*

Для миллионов людей такой свободы вполне достаточно. Но... вспомним, как называется книга Ральфа Дарендорфа. «Интеллектуалы во времена испытаний». Миллионам людей достаточно, чтоб на конюшне не пороли, а десятку интеллектуалов – нет. На то ведь они и интеллектуалы. Без свободы мышления существовать не могут. А потому уходят из стаи, страдают от одиночества, наблюдают и стремятся понять.

Подобное поведение Дарендорф возводит к Эразму Роттердамскому и всех равнодушных наблюдателей называет эразмианцами (с. 128–138). Они не образуют партию или даже научную школу. Эразмианцы — это общее название для одиночек, которые в разные века, в разных странах, во времена разных испытаний стремились к интеллектуальному индивидуализму. Если ты готов жить и наблюдать в человеческом мире с его противоречиями и конфликтами, но при этом готов не страшась оставаться одиноким ради разума как орудия познания, значит, ты эразмианец. Для эразмианца любые времена — времена испытаний.

Эразмианец Гайдар

Судьба знаменитого российского реформатора, биографии которого Андрей Колесников и Борис Минаев посвятили свою книгу «Егор Гайдар. Человек не отсюда», поначалу напоминала судьбу типичного дарендорфского эразмианца. Егор Тимурович не был ни активным коммунистом — строителем советской системы, как его дед Аркадий Петрович Гайдар, ни скрытым диссидентом, противником советской системы, как его отец Тимур Аркадьевич. Егор Гайдар формировался именно как равнодушный наблюдатель, как мыслитель, как ученый-экономист, пытающийся понять механизмы, с помощью которых работает система, выстроенная поколением наших дедов. Думается, Карл Поппер, Раймон Арон и Исайя Берлин приняли бы его за своего. С той оговоркой, конечно, что, по Дарендорфу, каждый из них одиночка, каждый наблюдает со своей точки зрения и каждый видит мир своими собственными глазами.

«Если не считать нескольких юношеских эпизодов, линия Бажова, то есть “мамины гены” (писатель Павел Петрович Бажов был дедом Гайдара по материнской линии. — Д. Т.), в судьбе Егора долгое время была определяющей, — отмечают А. Колесников и Б. Минаев. — Это была линия человека кабинетного, который выстраивает свой мир вокруг письменного стола, в работе над рукописями, в благодатной тиши библиотеки. Это был тип человека книги, погруженного в свои идеи и ученые занятия. Мир чистого интеллектуала, отнюдь не практика» (с. 196–197).

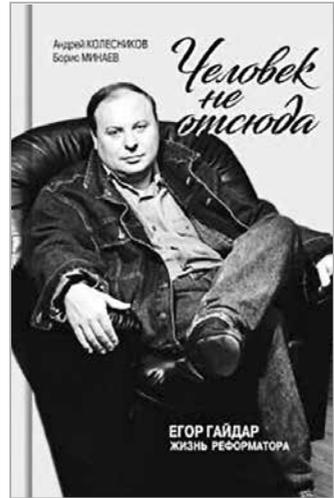
Книга А. Колесникова и Б. Минаева очень хороша. Тем, в частности, что авторы показывают не только суть экономических преобразований и не только внешнюю канву политических событий, связанных с гайдаровской реформой, но раскрывают сложный мир своего героя — человека,

которого у нас принято порой упрощать и представлять эдаким «бездушным монетаристом». Тому, кто искренне хочет разобраться в реформах и в том, кем же на самом деле был Егор Тимурович, стоит почитать эту книгу. В ней показано, в частности, что примерно за полтора года до реформы Гайдар предлагал более мягкий вариант осуществления преобразований, поскольку время еще не было упущено (с. 257–258). И лишь очень конкретные обстоятельства, сложившиеся к осени 1991 г. из-за катастрофических действий властей СССР, обусловили тот жесткий сценарий, который был реализован на деле.

Гайдар рос во времена испытаний, в те времена, когда после подавления Пражской весны равнодушный советский интеллигент должен был выбирать: выходить ли на площадь с протестом или наблюдать, изучать, осмысливать... Выбор для Егора Тимуровича был нелегким, и соблазн предпочесть кабинету площадь в его жизни имел место. Однако в конечном счете он избрал не активные коллективные действия, а индивидуальную внутреннюю свободу. Не внутреннюю эмиграцию, а именно внутреннюю свободу. В науке он посвятил себя актуальным проблемам хозяйственного реформирования. Изучал опыт Пражской весны, присматривался к югославскому рыночному социализму (тем более что еще ребенком жил в Белграде со своим отцом журналистом-международником). Но если бы Михаил Горбачев не объявил перестройку, Гайдар, скорее всего, так и провел бы жизнь за письменным столом и в библиотеках. А мы, размышляя о жизни таких, как он, кабинетных ученых, возможно, говорили бы, что побоялись они, мол, выйти на площадь, хотя умом понимали, как гнило и безнадежно все то, что формировали деды.

Перестройка, однако, случилась. А после случился распад СССР, подавление путча, приход к власти Бориса Ельцина и призывание Гайдара во власть. Вот в этот момент и пришлось делать свой главный жизненный выбор равнодушному наблюдателю. Он состоял не в выборе конкретной модели реформ, как полагают у нас многие слабо разбирающиеся в экономике люди. С моделью возможностей для осуществления выбора к осени 1991 г. уже практически не оставалось. Развитие ситуации диктовало реформаторам совершенно конкретную линию поведения. Выбор же состоял в том, остаться ли верным своему долгу интеллектуальному одиночеству или примкнуть к толпе, став конформистом.

Одиночество предполагало проведение радикальных реформ, несмотря на то, что миллионам людей они не понравятся и масса рассерженных обывателей обрушится на реформатора с критикой, а то и с руганью. А. Колесников и Б. Минаев показывают, что Гайдар с самого

А. Колесников, Б. Минаев.
Егор Гайдар: *Человек не отсюда*. М.: Молодая гвардия, 2021. 604 с.

начала хорошо понимал: правительство реформ окажется правительством «камикадзе», которое через несколько месяцев вынуждено будет уйти в отставку. И Ельцину близка была эта «идея “короткого”, или “технического”, правительства, которое быстро и по возможности жестко и бескомпромиссно выполнит свою задачу, а потом на место ему может прийти другое» (с. 219). Иными словами, тот, кто, наблюдая, понимал, как выводить Россию из кризиса, должен был взять на себя и моральную ответственность за тяготы этого вывода.

Конформизм же предполагал устранение от всякой ответственности за реформы — сохранение роли критикующего наблюдателя или принятие поста вице-премьера с последующим быстрым выходом в отставку и перекладыванием всей вины за провал преобразований на Ельцина. В той или иной мере многие российские политики начала 1990-х гг. вели себя именно так. Коммунисты критиковали демократию и рынок в принципе, но при этом благоразумно не призывали избирателя голосовать за возвращение пустых прилавков, талонов и карточек на продукты. А некоторые демократы уверяли, что на месте Ельцина и Гайдара обеспечили бы беспроблемный переход к рынку примерно за полтора года, но серьезных научных обоснований того, как это можно сделать, не предлагали, ограничиваясь лишь такими декларациями для широких масс, которые сильно упрощали картину реформ.

Гайдар перешел от наблюдения к действиям, поэтому формально его, наверное, к чистым эразмианцам причислить нельзя. Именно в это время он, отказавшись от эразмианства, скорее всего, и подорвал свое здоровье, что привело меньше чем через 20 лет к его ранней кончине (с. 292). Впрочем, проиграв политическую борьбу, к началу нулевых он вновь стал равнодушным наблюдателем и успел до смерти написать ряд важных научных книг («Долгое время», «Гибель империи», «Смуты и институты»), которые, наряду с книгами Поппера, Арона и Берлина, останутся актуальными даже через много лет после того, как стихнут нынешние политические страсти. Для нас эти книги уже стали классикой отечественной экономической истории и исторической социологии. Иной классик мог бы такими трудами гордиться и почивать на лаврах до преклонного возраста. Однако Егора Гайдара его наблюдения за жизнью, похоже, уже не могли сделать счастливым.

Так может ли в жизни равнодушного наблюдателя равнодушие восторгаться над наблюдением? Может ли истинный эразмианец покинуть кабинет и выйти на площадь? Можно ли с площади вновь уйти в кабинет и пережить это с эразмианским спокойствием? Однозначных ответов на эти вопросы у нас нет.

15 июля 2021 года Минюст сообщил о внесении Института права и публичной политики, который занимается ведением общественно значимых судебных процессов и правовым просвещением, в реестр НКО — иностранных агентов, а 16-го на его сайте появился перевод заключения Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия, консультативный орган по конституционному праву при Совете Европы) «О соответствии международным стандартам в области прав человека ряда законопроектов, внесенных в Государственную Думу России с 10 по 23 ноября 2020 года и вносящих изменения в законодательство об «иностранцах агентах»».

Ниже публикуется предисловие к книге «Между мстостью и забвением: концепция переходного правосудия для России» (или «аналитическому докладу», как назвали ее авторы Н. А. Бобринский и С. М. Дмитриевский), изданной этим институтом в ноябре 2020 г.

Восстановительное правосудие как путь к верховенству права и демократии

*Борис Грозовский,
обозреватель,
организатор
публичных дискуссий,
автор телеграм-
канала EventsAndTexts*

На протяжении последних десятилетий множество стран проделывали переход от авторитарных и тоталитарных политических режимов к демократическим. Одни такие переходы оказывались устойчивыми, другие, как в России после распада СССР, нет. Множество стран Европы, Латинской Америки, Азии на протяжении XX — начала XXI века проделывали такие переходы по несколько раз.

Часто оказывается, что при возникновении первых трудностей людям, которых годы авторитаризма отучили нести ответственность за свою жизнь и вступать в горизонтальные, не опосредованные властью социальные отношения с согражданами, хочется поскорее отдаться новому вождю, обещающему решение всех проблем. Тогда демократический транзит быстро сменяется авторитарным ренессансом.

Поначалу исследователи переходных политических систем полагали, что успех или неудача демократического транзита, его устойчивость обуславливается сугубо политическими и экономическими факторами. Но постепенно стало понятно: результат транзита во многих случаях объясняется тем, как страны, пережившие в своем развитии тяжелые периоды беззакония, осуществляют расчет с прошлым, — насколько им удалось осмыслить, что с ними произошло, и принять меры, чтобы не повторять прежних ошибок. Это не единственный, но важный фактор, который определяет, окажется ли прочным новый, демократический социально-политический фундамент.

Почему демонтаж авторитарных режимов нуждается в каком-то особом расчете с прошлым? Причина проста: такие политические режимы не связывают себя верховенством права. Главенство закона — это не их

* Некоторые идеи этого предисловия навеяны необычайно интересной книгой Евгении Лёзиной о политике памяти и переходном правосудии, которая

история. Военные хунты, персоналистские диктатуры, коммунистические режимы — все они подчиняют закон текущему моменту, превращают право в оружие, которым можно разить врагов и защищать друзей режима.

Насколько далеко автократы отойдут от принципов права и справедливости, зависит от конкретных особенностей режима, но в той или иной степени все они это делают. Использование правовой системы, государственного аппарата принуждения для расправы с классовыми, социальными, политическими или идеологическими противниками может сопровождаться многомиллионными жертвами, как при Сталине, а может небольшим количеством жертв и злоупотреблений, если режим «вегетарианский». Но такие жертвы в авторитарных режимах всегда есть.

В истории практически не было авторитарных систем, которые бы открыто декларировали свою приверженность беззаконию и произволу, делали бы своим девизом отказ от права. Наоборот, все они стремятся, насколько это возможно, делать вид, что отъем собственности и расстрелы, депортации, «исчезновения», многолетнее лишение свободы и прочие репрессии производятся в рамках закона (при этом, разумеется, выгибая и ломая закон так, как им нужно). Весь государственный аппарат, вся судебная-правоохранительная система в авторитарных режимах поставлены на службу автократии.

Поэтому, пока эти режимы делят, расследовать санкционированные,

инспирированные или непосредственно осуществленные ими преступления невозможно. Чем более долгая у авторитарного режима жизнь и чем более он жесткий, чем больше у него врагов, которых «пришлось» репрессировать, тем больше накапливается со временем системной безнаказанности — преступлений, которые не могут быть расследованы и осуждены, пока такой режим продолжает существовать.

Необходимость «расчета с прошлым» кажется совершенно очевидной: 1) несправедливый режим, совершивший множество беззаконий, пал, а значит, надо 2) восстановить справедливость и наказать виновных в прошлой несправедливости. Правовой порядок был нарушен несправедливым политическим режимом — теперь его надо восстановить (поэтому правосудие переходного периода называют еще «восстановительным»). Но на практике у стран находится миллион причин, мешающих это сделать.

Самая распространенная из них связана с условиями передачи власти от старого режима к новому. Если прежняя элита отдает бразды правления более-менее добровольно и бескровно, неприкосновенность ее агентов и молчание об их делах часто становится условием передачи власти. Пока авторитарное правление длится, даже на его излете, это не кажется слишком высокой платой за безболезненность транзита. Но когда автократия пала, плата за спокойный транзит выглядит уже завышенной. Однако договориться о

готовится к публикации издательством «НЛО»; книгой Николая Эппле «Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах» («НЛО», 2020); работами Лавинии Стан, Ани Мир, Синтии Хорн и особенно Элизабет Андерсен (Transitional Justice and the Rule of Law: Lessons from the Field).

новых условиях бывает сложно. Поэтому, например, в Аргентине и Испании после военных диктатур процесс, в котором преступники были названы преступниками, переживал откаты, занял много лет и потребовал очень много сил и мужества от тех, кто боролся за справедливость, показывает Николай Эппле в упомянутой мной книге.

Еще больше причин помешало России разобраться с преступлениями 70+ лет советского режима. Среди этих причин в 1991–1998 годах были, в частности, кризис советской экономики, распад всех институтов государства, резкие реформы начала 1990-х, которые быстро отвлекли внимание всех акторов от мысли, что надо заниматься восстановлением справедливости. Помешала слабость диссидентского и демократического движения на рубеже 1980–1990-х и то, что партийно-хозяйственная номенклатура быстро увидела для себя выгоду в начавшихся преобразованиях и оказалась в их авангарде. Еще одно препятствие: новый политический режим пришлось собирать из осколков старого. После путча-1991 поддержка спецслужб была очень важна для Бориса Ельцина (который сам был «плотью от плоти» коммунистической бюрократии), особенно в условиях неготовности населения терпеть издержки реформ.

Наконец, очень сильно помешало отсутствие детальной проработки будущих реформ в годы перестройки. За 5 лет (1987–1991) относительной и постепенно увеличивавшейся свободы слова лидеры мнений не успели обсудить ни детали перехода к демократии, ни план перехода к рыночной экономике. И тем более не успели подготовить к этим транзитам население. Парадокс

советской перестройки состоял в том, что сначала обсуждать эти вопросы было нельзя (или можно, но очень осторожно). Когда же цензура ослабла и обсуждение стало возможным, в нем уже не было смысла, оно запоздало, отставая от темпов распада Советского государства, политической системы и экономики.

В результате подготовиться к стихийно начавшимся транзитам к демократии и рынку не получилось. Идея люстрации, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, была в России отвергнута почти без обсуждений; виновные в преступлениях коммунистической диктатуры не понесли никаких наказаний; жертвы этих преступлений фактически не получили компенсаций или иного возмещения.

Российский политический класс не извлек уроков из краха преступного советского режима, сделавшего нарушение прав человека нормой жизни. 70 лет пошли не впредь, демократический транзит закончился неудачей. В 2000-е, «наигравшись со свободой», люди охотно способствовали становлению нового авторитарного режима. Этот поворот мог произойти и раньше — в 1993, 1996 или 1998-м.

В 1990-е у россиян было слишком много неотложных дел, чтобы заниматься восстановительным правосудием по преступлениям советской эпохи. В 2000-е и далее эта работа целенаправленно блокировалась. Редкое исключение — борьба за возвращение права на жилье жертвам советских репрессий и их детям в 2020–2021 гг. Зато за 30 лет с момента распада СССР добавились новые преступления, которые не могли быть своевременно расследованы, — начиная с преступлений первой

и второй чеченских войн и заканчивая путинскими репрессиями.

Теперь у нас есть шанс лучше подготовиться к следующему демократическому транзиту. В последние годы стало появляться довольно много аналитики, цель которой — продумать, что делать «после Путина» с политической системой, экономикой, образованием, здравоохранением и т.д. Но до сих пор оставался без ответа основной вопрос: что делать с остающимися безнаказанными преступлениями постсоветской и советской эпох. В ноябре 2020-го ситуация радикально изменилась. Теперь у нас есть карта, позволяющая разобрататься с главными вопросами демократического транзита — вопросами правосудия.

Решение этой задачи делает опубликованный на сайте Института права и публичной политики доклад юриста Николая Бобринского и историка Станислава Дмитриевского «Между местью и забвением: концепция переходного правосудия для России» одним из главных текстов, написанных, как скажут потом историки, в эпоху путинского авторитаризма. В докладе подробно разбирается, какие юридические и политические вопросы нужно будет решить, чтобы восстановить правосудие.

Продумывать механизмы восстановления справедливости уже сейчас, когда путинский маховик репрессий только разгоняется, очень важно. Какими бы ни были обстоятельства следующей попытки российского демократического транзита, карта мер переходного правосудия очень облегчит дело.

Заниматься этим нужно будет во все не для того, чтобы «отмстить» организаторам и исполнителям сталинских, хрущевских, брежневских или

путинских репрессий или наказывать кого-то за преступления, совершенные во время чеченских войн. Именно ненужные и избыточные ассоциации восстановительного правосудия с местью заблокировали разговор об этом в конце 1980 — начале 1990-х годов. Даже многие диссиденты и правозащитники называли суд над коммунистами и кагэбэшниками и их люстрацию плохой идеей. Они считали, что никаких гарантий повторения прошлого не нужно. Достаточно того, что это прошлое закончилось, а разбираться с тем, кто расстреливал, кто доносил, кто отдавал приказы, — это все лишнее. Как поется в иронической песенке Юлия Кима «Забудь былое»:

Зачем былое ворошить?

Тебе так легче, что ли, жить?

Вот тебе пиво и ветчина,

А что вчера было —

То было вчера!

Шуточный стишок выражает настроение целой эпохи. 30 лет назад казалось, что разбирать роли палачей и их пособников действительно незачем. «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, а мы скорее рванем в новую жизнь!» — таким было общее настроение. Были и другие доводы. В СССР, в отличие от восточноевропейских стран, общественная эрозия шла на протяжении жизни не полутора, а почти трех поколений и была почти тотальной. «Как же делить на “чистых” и “нечистых”, если нечисты все?» — говорили одни. Гуманность и милосердие требуют отказаться от уголовного преследования виновных в советских репрессиях, говорили другие. А раз все «одним миром мазаны», все повязаны, все соучастники и все виноваты, то стоит ли разбираться в степенях виновности,

говорили третьи: «Не лучше ли просто перевернуть страницу?»

Все эти соображения легко блокировали суд над КПСС и КГБ, люстрацию, восстановление правосудия в отношении жертв коммунистических преступлений. Но забвение прошлого не облегчило путь в «светлое будущее». Наоборот, оказалось, что такой подход выгоден только коммунистам и кагэбэшникам — он позволил им: 1) избежать каких-либо кар за преступления советской эпохи; 2) встроиться в новый политэкономический режим, сохранив привилегированные позиции; 3) дождавшись благоприятной ситуации, расчехлить висевшее в 1990-х на стенке ружье и начать прибегать ровно к тем же методам борьбы с политическими оппонентами, использование которых в СССР не было осуждено по причине избыточного милосердия.

Путинская реставрация чекистского политического режима (без коммунизма), надеюсь, ясно показала всем: расследование преступлений, которые не наказываются и не могут быть наказаны в авторитарном режиме, — это не вопрос мести. Это даже не вопрос «расчета с прошлым». Это крайне важный элемент заботы о будущем. Преступление должно быть названо преступлением, даже если с момента его совершения прошло больше 100 лет (красный террор), почти 100 лет (коллективизация и голод) или без малого 35 лет (голодовка и смерть Анатолия Марченко, добивавшегося освобождения политзаключенных СССР).

Цель переходного правосудия не месть, а закладка фундамента правового государства — социальной системы, построенной на верховенстве права.

Иначе ужасное снова случится — преступления будут повторены. Верховенство права — это защита от трудного прошлого, попытка сказать ему never again (такое не должно повториться). Права человека должны быть защищены, и не только на бумаге.

Но невозможно перейти от социальной системы, стоящей на беззаконии (включая нарушения прав человека) и несправедливости, к верховенству права, не «починив» произведенные предыдущим режимом поломки. Лечение этих ран (у многих жертв они кровоточат) — это и есть восстановление права. Оставить в стороне обиды и несправедливости прошлых лет и строить правовую систему с нуля, как если бы мы все только что родились, — это наивность, ошибка и ложь, которая делает основанные на ней социальные системы неустойчивыми.

Только восстановив порушенное правосудие, можно двигаться дальше и идти не теми же, а новыми дорогами. Без этого верховенство права остается пустым звуком. Только восстановив право, можно строить новое государство на его основе. Как восстанавливать, какие развилки при этом придется пройти — об этом подробно рассказано в докладе «Между мстью и забвением». Прочитайте его внимательно. Ведь теперь мы точно знаем, что будет, если лень, ложный гуманизм, конформизм еще раз подскажут нам отказаться от этой работы. Если не строить общество на верховенстве права, верх в нем рано или поздно снова возьмет сила. Чтобы строить новое на принципах права, сначала придется восстановить правосудие. Как только появится такая возможность.

Фактически одновременно со смертью Л. Н. Толстого российским акционерным обществом «Книга» было издано собрание его писем (Толстовский альманах. Письма Л. Н. Толстого. 1840–1910), на которое вскоре появилась рецензия русского философа Семена Людвиговича Франка. По словам автора рецензии, эти письма «представляют огромный интерес для уяснения личности и мировоззрения Толстого и появляются весьма кстати именно теперь... Несмотря на несомненную искренность в его писаниях, предназначенных для печати, в своих личных обращениях к друзьям Толстой еще более искренен, или, вернее, искренен более интимно и непосредственно...

Письма Толстого показывают, что его душа, в особенности в последний период его жизни, была гораздо более мудра и менее рационалистична, чем это казалось по внешнему смыслу его писаний» (Франк С. Л. Полное собрание сочинений. Том 4: 1911–1916 / Под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. С. 72).

1 июня 2021 года в России, как известно, вступил в силу Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», который вводит понятие просветительской деятельности и основы ее правового регулирования.

Л. Н. Толстой. Письмо А. М. Калмыковой*

1896 г. Августа 31. Ясная Поляна.

Многоуважаемая Александра Михайловна,

Очень рад был бы вместе с вами и вашими товарищами Девелем¹ и Рубакиным² — деятельность которых знаю и ценю — отстаивать права комитета грамотности³ и воевать против врагов народного просвещения; но не вижу никаких средств противодействия на том поприще, на котором вы работаете.

Я утешаю себя только тем, что занят, не переставая, этой же самой борьбой с теми же врагами просвещения, хотя и на другом поприще.

По тому частному вопросу, который занимает вас, я думаю, что, вместо уничтоженного комитета грамотности, надо бы устроить множество других обществ грамотности, с теми же задачами и независимо от правительства, не спрашивая у него никаких цензурных разрешений и предоставляя ему, если оно захочет, преследовать эти общества грамотности, карать за них, ссылать и т.п.

Если оно будет это делать, то только придаст этим особенное значение хорошим книгам и библиотекам и усилит движение к просвещению.

Мне кажется, что теперь особенно важно делать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно избегая его участия. Сила правительства держится на невежестве народа,

* Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. – Т. 69. – С. 128–138. Впервые опубликовано под названием «Письмо к либералам» в издании «Свободного слова» под ред. В. Г. Черткова (Лондон, 1897).

Л. Н. Толстой

Александра Калмыкова

и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мрак, делать вид, что оно занято просвещением народа, как это делают всякого рода мнимо-просветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды, — бывает чрезвычайно вредно. Добро — добро, и просвещение — просвещение только тогда, когда оно совсем добро и совсем просвещение, а не применительно к циркулярам Делянова⁴ и Дурново⁵. Главное же, мне всегда жалко, что такие драгоценные, бескорыстные, самоотверженные силы тратятся так непроизводительно. Иногда мне просто смешно смотреть на то, как люди, хорошие, умные, тратят свои силы на то, чтобы бороться с правительством на почве тех законов, которые пишет по своему произволу это самое правительство.

Дело, мне кажется, в следующем:

Есть люди, к которым мы принадлежим, которые знают, что наше правительство очень дурно, и борются с ним. Со времен Радищева и декабристов способов борьбы употреблялось два: один способ — Стеньки Разина, Пугачева, декабристов, революционеров 60-х годов, деятелей 1-го марта⁶ и других; другой — тот, который проповедуется и применяется вами — способ «постепеновцев», — состоящий в том, чтобы бороться на законной почве, без насилия, отвоевывая понемногу себе права. Оба способа, не переставая, употребляются вот уже более полувека на моей памяти, и положение становится все хуже и хуже; если положение и улучшается, то происходит это не благодаря той или

другой из этих деятельностей, а несмотря на вред этих деятельностей (по другим причинам, о которых я скажу после), и та сила, против которой борются, становится все могущественнее, сильнее и наглее. Последние проблески самоуправления: земство, суд, ваши комитеты и др. — все упраздняется, как «бессмысленные мечтания»⁷.

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видеть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мне, по крайней мере, который всегда питал отвращение к нашему правительству, но никогда не прибегал ни к тому, ни к другому способу борьбы с ним, недостатки этих обоих средств очевидны.

Первое средство не годится, во-первых, потому, что если бы даже и удалось изменение существующего порядка посредством насилия, то ничто бы не ручалось за то, что установившийся новый порядок был бы прочен и что враги этого нового порядка не восторжествовали бы при удачных условиях и при помощи того же насилия, как это много раз бывало во Франции и везде, где бывали революции. И потому новый, установленный насилием порядок вещей должен был бы непрестанно быть поддерживаемым тем же насилием, то есть беззаконием, и, вследствие этого, неизбежно и очень скоро испортился бы так же, как и тот, который он заменил. При неудаче же, как это всегда было у нас, все насилия революционные, от Пугачева до 1-го марта, только усиливали тот порядок вещей, против которого они боролись, переводя в лагерь консерваторов и ретроградов все огромное количество нерешительных, стоявших посредине и не принадлежавших ни к тому, ни к другому лагерю людей. И потому думаю, что, руководствуясь и опытом и рассуждением, смело можно сказать, что средство это, кроме того, что безнравственно, — неразумно и недействительно.

Еще менее действительно и разумно, по моему мнению, второе средство. Оно недействительно и неразумно, потому что правительство, имея в своих руках всю власть (войско, администрацию, церковь, школы, полицию) и составляя само те так называемые законы, на почве которых либералы хотят бороться с ним, — правительство, зная очень хорошо, что именно ему опасно, никогда не допустит людей, подчиняющихся ему и действующих под его руководством, делать какие бы то ни было дела, подрывающие его власть. Так, например, хоть бы в данном случае, правительство, как у нас (да и везде), держащееся на невежестве народа, никогда не позволит истинно просвещать его. Оно разрешает всякого рода мнимо-просветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды и подцензурные издания до тех пор, пока эти учреждения и издания служат его целям, то есть одурачивают народ, или, по крайней мере, не мешают одурению его; но при всякой попытке этих учреждений или изданий пошатнуть то, на чем зиждется власть правительства, то есть

невежество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступает так, а не иначе, произносит свое «veto», преобразовывает, закрывает заведения или учреждения и запрещает издания. И потому, как это ясно и по рассуждению и по опыту, такое мнимое, постепенное завоевание прав есть самообман, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый им.

Но мало того, что эта деятельность неразумна и недействительна, она и вредна. Вредна этого рода деятельность, во-первых, потому, что просвещенные, добрые и честные люди, вступая в ряды правительства, придают ему нравственный авторитет, который оно не имело бы без них. Если бы все правительство состояло бы из одних только тех грубых насильников, корыстолюбцев и льстецов, которые составляют его ядро, оно не могло бы держаться. Только участие в делах правительства просвещенных и честных людей дает правительству тот нравственный престиж, который оно имеет. В этом — один вред деятельности либералов, участвующих или входящих в сделки с правительством. Во-вторых, вредна такая деятельность потому, что для возможности ее проявления эти самые просвещенные, честные люди, допуская компромиссы, приучаются понемногу к мысли о том, что для доброй цели можно немножко отступить от правды в словах и делах. Можно, например, не признавая существующую религию, исполнять ее обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человеческому достоинству адреса, если это нужно для успеха дела, можно поступать в военную службу, можно участвовать в земстве, не имеющем никаких прав, можно служить учителем, профессором, преподавая не то, что сам считаешь нужным, а то, что предписано правительством, даже — земским начальником, подчиняясь противным совести требованиям и распоряжениям правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о том, что нужно сказать, и печатая то, что велено. Делая же эти компромиссы, пределов которых никак нельзя предвидеть, просвещенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую-нибудь преграду правительству в его посягательстве на свободу людей, незаметно отступая все дальше и дальше от требований своей совести, не успеют оглянуться, как уже попадают в положение полной зависимости от правительства: получают от него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводят либеральные идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, против которого они выступили.

Правда, есть еще и лучшие, искренние люди этого лагеря, которые не поддаются на заманивания правительства и остаются свободными от подкупа, жалованья и положения. Эти люди, большей частью, запутавшись в тех сетях, которыми их опутывает правительство, бьются в этих сетях, как вы теперь с своими комитетами, топчась на одном месте, или, раздражившись, переходят в лагерь революционеров, или стреляются, или спиваются, или, отчаявшись, бросают все и, что чаще всего,

удаляются в литературу, где, подчиняясь требованиям цензуры, высказывают только то, что позволено, и, этим самым умолчанием о самом важном внося самые превратные и желательные для правительства мысли в публику, продолжают воображать, что они своим писанием, дающим им средства к существованию, служат обществу.

Так что и рассуждение и опыт показывают мне, что оба средства борьбы против правительства, употреблявшиеся до сих пор и теперь употребляемые, не только не действительны, но оба содействуют усилению власти и произвола правительства.

Что же делать? Очевидно, не то, что в продолжение семидесяти лет оказалось бесплодным и только достигало обратных результатов. Что же делать? А то самое, что делают те, благодаря деятельности которых совершалось все то движение вперед к добру и к свету, которое совершилось и совершается с тех пор, как стоит мир. Вот это-то и надо делать. Что же это такое?

А простое, спокойное, правдивое исполнение того, что считаешь хорошим и должным, совершенно независимо от правительства, от того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаивание своих прав, не как члена комитета грамотности, или гласного, или землевладельца, или купца, или даже члена парламента, а отстаивание своих прав разумного и свободного человека, и отстаивание их не так, как отстаиваются права земств и комитетов, с уступками и компромиссами, а без всяких уступок и компромиссов, как и не может иначе отстаиваться нравственное и человеческое достоинство.

Для того чтобы успешно защищать крепость, нужно сжечь все дома предместья и оставить только то, что твердо и что мы ни за что не намерены сдать. Точно так же и здесь: надо сначала уступить все то, что мы можем сдать, и оставить только то, что не сдается. Только тогда, утвердившись на этом несдаваемом, мы можем завоевать и все то, что нам нужно. Правда, права члена парламента, или хоть земства, или комитета, — больше, чем права простого человека, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сделать очень многое; но горе в том, что для приобретения прав земства, парламента, комитета, надо отказаться от части своих прав, как человека. А отказавшись хотя от части прав, как человека, нет уже никакой точки опоры, и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящего права. Для того чтобы вытаскивать других из тины, надо самому стоять на твердом, а если для удобства вытаскивания самому сойти в тину, то и других не вытащишь и сам завязнешь. Очень может быть хорошо и полезно провести в парламенте восьмичасовой день, или в комитете либеральную программу школьных библиотек; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уважение тому, чего он не уважает; или, для нас, для проведения самых либеральных программ, служить молебны, присягать, надевать мундиры, писать лживые

и льстивые бумаги и говорить такие же речи и т.п., то, делая все эти вещи, мы теряем, отказываясь от своего человеческого достоинства, гораздо больше, чем выигрываем, и, стремясь к достижению одной определенной цели (большой частью цель эта и не достигается), лишаем себя возможности достигнуть других, самых важных целей. Ведь сдерживать правительство и противодействовать ему могут только люди, в которых есть нечто, чего они ни за что, ни при каких условиях не уступят. Для того чтобы иметь силу противодействовать, надо иметь точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится, главное, о том, чтобы вытравить из людей то, что не уступает — человеческое достоинство. Когда же оно вытравлено из них, правительство спокойно делает то, что ему нужно, зная, что оно не встретит уже настоящего противодействия. Человек, который согласился публично присягать, произнося недостойные и лживые слова присяги, или покорно в мундире дожидаться несколько часов приема министра, или записавшись в охрану на коронации, или для приличия исполнивши обряд говения и т.п., уже не страшен правительству.

Александр II говорил, что либералы не страшны ему, потому что он знает, что всех их можно купить не деньгами, так почестями.

Ведь люди, участвующие в правительстве или работающие под его руководством, делая вид, что они борются, могут обманывать себя и своих единомышленников; но те, кто с ними борются, несомненно знают по противодействию, которое они оказывают, что они не тянут, а делают только вид. И это знает наше правительство по отношению либералов и постоянно делает испытания, насколько действительно есть настоящее противодействие, и, удостоверившись в достаточном для своих целей отсутствии его, делает свои дела с полной уверенностью, что с этими людьми все можно.

Правительство Александра III знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило все то, чем так гордились либералы, воображая себе, что они все это сделали: изменило, ограничило суд присяжных; уничтожило мировой суд; уничтожило университетские права; изменило всю систему преподавания в гимназиях; возобновило кадетские корпуса; даже казенную продажу вина; установило земских начальников; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало бесконтрольную власть губернаторам; поощряло экзекуции; усилило административные ссылки и заключения в тюрьмах и казни политических; ввело новые гонения за веру; довело одурение народа дикими суевериями православия до последней степени; узаконило убийство на дуэлях; установило беззаконие в виде охраны со смертной казнью, как нормальный порядок вещей; и в проведении всех этих мер не встречало никакого противодействия, кроме протеста одной почтенной женщины⁸, смело высказавшей правительству то, что она считала правдой. Либералы же говорили потихоньку между собою, что им все это не нравится, но

продолжали участвовать и в судах, и в земствах, и в университетах, и на службе, и в печати. В печати они намекали на то, на что позволено было намекать, молчали о том, о чем было велено молчать; но печатали все то, что велено было печатать. Так что всякий читатель, получая либеральную газету и журнал, не будучи посвящен в то, что говорилось потихоньку в редакциях, читал изложение без комментариев и осуждений самых жестоких и неразумных мер, подобострастные и льстивые адреса, обращенные к виновникам этих мер, и часто даже восхваления их. Так вся печальная деятельность правительства Александра III, разрушившая все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшаяся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия, — вся эта постыдная деятельность виселиц, розг, гонений, одурения народа, — сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в великого человека, в образцы человеческого достоинства. То же продолжается и при новом царствовании. Вступившего на место прежнего царя молодого человека, не имеющего никакого понятия о жизни, уверили те люди, которые стоят у власти и которым это выгодно, что для управления ста миллионами надо делать то самое, что делал его отец, то есть надо ни у кого не спрашивать, что нужно делать, а делать только то, что взбрет в голову или что посоветует первый из приближенных льстецов. И, вообразив себе, что неограниченное самодержавие есть священное начало жизни русского народа, молодой человек этот начинает свое царствование тем, что вместо того, чтобы просить представителей русского народа помочь ему советами в управлении, в котором он, воспитанный в гвардейских полках, ничего не понимает и не может понимать, он дерзко, неприлично кричит на явившихся к нему с поздравлениями представителей русского народа, называя робко выраженное некоторыми из них желание доводить до сведения власти о своих нуждах «бесмысленными мечтаниями». И что же? Русское общество возмутилось, просвещенные и честные люди — либералы — высказали свое негодование и отвращение, по крайней мере воздержались от восхваления такого правительства и от участия в нем и поощрения его? Нисколько. С этого времени начинается особенно напряженное взапуски восхваление и отца и подражающего ему сына, и не слышится ни одного протестующего голоса, и залы Зимнего дворца заваливаются подлыми, льстивыми адресами и подносимыми иконами. Устраивается ужасающая по своей нелепости, безумной трате денег, коронация; происходят от презрения к народу и наглости властителей страшные бедствия гибели тысяч людей, на которые устроители ее смотрят,

* Иногда мне просто смешно подумать, как могут люди заниматься таким очевидно невозможным делом, точно как думать, что можно отрезать у животного ногу так, чтобы оно не заметило. [Сноска Толстого.]

как на маленькое омрачение торжеств, которые не должны от этого прерываться; устраивается никому, кроме тех, кто устроили ее, не нужная выставка, на которую тратятся миллионы; с неслыханной прежде наглостью выдумываются в канцелярии Синода новые, самые глупые средства одурения народа, — мощи человека⁹, про которого никто ничего никогда не знал; усиливаются строгости цензуры, продолжается положение охраны, то есть узаконенное беззаконие, и положение становится все хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, если бы те просвещенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной деятельностью на почве законности в земствах, комитетах, подцензурной литературе и т.п., направляли бы свою энергию не на то, чтобы в формах, учрежденных самим правительством, как-нибудь обмануть его и заставить действовать себе на вред и погибель*, а только на то, чтобы, ни в коем случае не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним, отстаивать свои личные права человека. «Вам угодно учредить, вместо мировых судей, земских начальников с розгами, — это ваше дело; но мы не пойдем ни судиться к вашим земским начальникам, ни сами не будем поступать в эту должность; вам угодно сделать суд присяжных одною формальностью, — это ваше дело, но мы не пойдем в судьи, ни в адвокаты, ни в присяжные; вам угодно под видом охраны установить бесправие, — это ваше дело, но мы не будем участвовать в ней и будем прямо называть охрану беззаконием и смертные казни без суда — убийством; вам угодно устроить классические гимназии с военными упражнениями и законом Божиим или кадетские корпуса, — ваше дело, но мы не будем в них учителями, не будем посылать в них наших детей, а будем воспитывать их так, как считаем хорошим; вам угодно свести на нет земство, — мы не будем участвовать в нем; вы запрещаете печатать то, что вам не нравится, — вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиков, но говорить и писать вы не можете нам помешать, и мы будем делать это; вы велите присягать на верность царю, — мы не будем делать этого, потому что это глупость, ложь и подлость; вы велите служить в военной службе, — мы не будем делать этого, потому что считаем массовое убийство таким же противным совести поступком, как и убийство одиночное, а, главное, обещание убивать, кого прикажет начальник, — самым подлым поступком, который может сделать человек; вы исповедуете религию, отставшую на тысячу лет от века, с Иверской¹⁰, мощами и коронациями, — это ваше дело, но идолопоклонство и изуверство мы не только не признаем религиею, но называем изуверством и идолопоклонством и стараемся избавить от него людей».

И что может правительство против такой деятельности? Можно сослать, посадить в тюрьму человека за то, что он готовит бомбу или даже печатает прокламацию к рабочим, и можно передать комитет грамотности из одного министерства в другое или закрыть парламент; но что

может сделать правительство с человеком, который не хочет публично лгать, поднимая руку, или не хочет детей отдавать в заведение, которое он считает дурным, или не хочет учиться убивать людей, или не хочет участвовать в идолопоклонстве, или не хочет участвовать в коронациях, встречах и адресах, или говорит и пишет то, что думает и чувствует? Преследуя человека, правительство делает из такого человека возбуждающего общее сочувствие мученика и подрывает те основы, на которых оно само держится, так как, поступая так, оно вместе того, чтобы охранять человеческие права людей, само нарушает их.

И стоит только всем тем просвещенным и честным людям, силы которых гибнут теперь во вред себе и делу на революционной, социалистической и либеральной деятельности, начать поступать так, и тотчас же составилось бы ядро честных, просвещенных и независимых людей, и к ядру этому примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса средних людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряет правительства, — общественное мнение, требующее свободы слова, свободы совести, справедливости и человечности. А как скоро составилось бы такое общественное мнение, так не только нельзя бы было закрывать комитет грамотности, но сами собой уничтожились бы все те бесчеловечные учреждения охраны, тайной полиции, цензуры, Шлиссельбурга¹¹, Синода, с которыми борются теперь революционеры и либералы.

Так что для борьбы с правительством пробованы были два средства, — оба неудачные, и остается теперь испытать третье, которое еще не пробовано и которое, по моему мнению, не может не быть успешно. Средство это, коротко выраженное, состоит в том, чтобы всем просвещенным и честным людям стараться быть как можно лучше, и даже лучше не во всех отношениях, а только в одном, именно соблюсти одну из своих элементарных добродетелей — быть честным, не лгать, а поступать и говорить так, чтобы мотивы, по которым поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилетнему сыну; поступать так, чтобы сын этот не сказал: «А зачем же ты, папаша, говорил тогда то, а теперь делаешь или говоришь совсем другое?» Средство это кажется очень слабым, а между тем я убежден, что только одно это средство двигало человечество с тех пор, как оно существует*.

Убежден же я в этом потому, что то, что требуется совестью — высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время.

Простите, что так много написал вам, может быть, совершенно ненужного вам; но мне давно хотелось высказаться по этому вопросу. Я начал даже большую статью об этом¹², но едва ли успею до смерти

кончить, и потому хотелось бы хоть кое-как высказаться. Простите, если в чем ошибся.

Дружески жму вам руку.

* Только потому, что были такие люди — прямые, правдивые, мужественные и не уступавшие никому в деле своего человеческого достоинства, и совершились все те благие перевороты, которыми теперь пользуются люди — от уничтожения пытки, рабства до свободы слова и совести. И это не может быть иначе, потому что то, что требуется совестью, высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая плодотворная и самая нужная в данную минуту для человечества деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь влияние на людей, и только деятельность, сообразная с совестью, может быть полезна.

Но я должен оговориться: то, что для достижения тех целей, к которым стремятся и революционеры и либералы, самое действительное средство есть деятельность, сообразная с своей совестью, — не значит то, что для достижения этих целей можно начать жить сообразно с своей совестью. Нарочно начать жить сообразно с своей совестью для достижения каких-либо внешних целей — нельзя.

Жить сообразно с своей совестью можно только вследствие твердых и ясных религиозных убеждений. Когда же есть твердые и ясные религиозные убеждения, то благие последствия от них во внешней жизни придут неизбежно. А потому сущность того, что я хотел сказать вам, состоит в том, что невыгодно хорошим, искренним людям тратить силы ума и души на достижение мелких, практических целей, как разные борьбы народности, партий, либеральных вымогательств, когда не установлено ясное и твердое религиозное мировоззрение, т. е. сознание смысла своей жизни и своего назначения. Я думаю, что все силы души и разума хороших людей, желающих служить людям, должны быть направлены на это.

А когда это будет, то будет и все остальное. [Сноска Толстого.]

ПРИМЕЧАНИЯ

Александра Михайловна Калмыкова, рожд. Чернова (1849–1926) — писательница и деятельница по народному образованию.

Ответ Толстого на коллективное обращение к нему общественных деятелей по народному образованию — членов Петербургского комитета грамотности В. В. Девеля, Н. А. Рубакина и А. М. Калмыковой от 2 мая 1896 г., в котором они просили Толстого высказаться по поводу правительственных репрессий, выразившихся, в частности, в закрытии комитетов грамотности.

¹ Виктор Владимирович Девель (1856–1899), бывший секретарь Петербургского комитета грамотности.

² Николай Александрович Рубакин (1862–1946), писатель, библиограф, секретарь Петербургского комитета грамотности, автор ряда работ по вопросам народного образования, в том числе широко распространенного библиографического справочника «Среди книг» (2-е изд., в трех томах, 1911–1915).

³ Комитеты грамотности — общественные учреждения, образованные одно в 1845 г. при Московском обществе сельского хозяйства, другое в 1861 г. в Петербурге при Вольно-Экономическом обществе. Комитеты ставили своей целью

разработкой теоретических вопросов и непосредственной практической деятельностью по изданию дешевых книг для народа и устройству народных библиотек содействовать начальному народному образованию. В конце 1895 г., по требованию министра внутренних дел И. Н. Дурново, комитеты были закрыты, а в 1896 г. преобразованы в особые общества грамотности с официальной консервативной программой.

⁴ Иван Давыдович Десянов (1818–1897), в 1882–1897 гг. министр народного просвещения, отличавшийся заметной консервативностью; поддерживал в гимназиях систему классического образования, ограничил прием в средне-учебные заведения детей трудящихся; издал новый «университетский устав 1884 г.», заменивший самоуправление университетов (по уставу 1865 г.) системой бюрократической регламентации академической жизни.

⁵ Иван Николаевич Дурновó (1830–1903), с 1889 по 1895 г. министр внутренних дел, а затем председатель Комитета министров, инициатор положения о земских начальниках (1889), по которому все крестьянское население России было отдано под административно-судебную опеку местного дворянства, и ряда других малопопулярных охранительных постановлений.

⁶ Группа членов партии «Народная воля», организаторов террористического акта 1 марта 1881 г., в результате которого был убит Александр II.

⁷ По случаю восшествия на престол Николая II представители земств обратились к нему с пожеланием введения либеральных реформ, на что он ответил им в своей речи от 12 января 1895 г., назвав эти пожелания «бессмысленными мечтаниями». См. статью Толстого «Бессмысленные мечтания», т. 31.

⁸ Имеется в виду Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917), писательница. Написала в 1880 г. «Открытое письмо» Александру III, за что была сослана в Вологодскую губ. См. т. 85, стр. 183.

⁹ Имеется в виду открытие весной 1896 г. в Чернигове «мощей» черниговского архиепископа Феодосия Углицкого.

¹⁰ В Иверской часовне у Воскресенских ворот в Москве находилась икона, считавшаяся «чудотворной».

¹¹ Шлиссельбургская крепость при выходе р. Невы из Ладожского озера; служила местом заточения государственных преступников; уничтожена после революции 1917 г.

¹² Толстой имеет в виду свою статью «Бессмысленные мечтания», начатую в 1895 г., но в то время еще не законченную.

TABLE OF CONTENTS

No 3–4 (83) 2021

TO OUR READER

On International Law
Yuri Senokosov 5

THEME OF THE ISSUE

On the Culture of Peace
Ingeborg Breines 12

On Politics and Moral Choice: Authority
and Society in 2021 Russia
Tatiana Vorozheikina 22

Madame de Pompadour in Moscow. Risk
Systematization Experience in Russian Politics
Andrey Kolesnikov, Denis Volkov 35
P. S.

Critics Welcome
Yuri Senokosov 54

On the Misson to Correct Errors.
The specifics of the Political Outlook
of the Russian Elite
Pavel Luzin 56

MEMORIAL

Split Memory. Why is Memorial
to Be Shut Down?
Alexander Baunov 63
P. S.

On the Meaning of Memorial Society
Yuri Senokosov 68

ECONOMICS AND POLITICS

World Economics and Political Consequences
Michael Sohlman 70

HISTORICAL EXPERIENCE

30 years of Post-Soviet Political Experience
Mikhail Minakov 81

We Must Do Everything We Can to Return
to a Normal Country
Andriy Stryzhak 92

A VIEWPOINT

On Common Sense
Alexander Morozov 106

Anthropocene and the Modern
Ecological Crisis
Sergey Medvedev 115

Democracy in Distress
Daniel Dettling 130

Ethics and Politics
Konstantin von Eggert 137

THE HORIZONS OF UNDERSTANDING

The Evolution of Constitutional Values
Elena Lukyanova 143

IN MEMORY OF ERNEST GELLNER

In Gellner's Defence: Comment on Chris
Hann's Critique of Gellner's Neo-Liberalism
Anatoly Khazanov 151

FUTURE PUBLICATIONS

Lecture 1. Preliminary Notes
Lev Gudkov 158

BOOKS

The Counterpoint
Dmitry Travin 164

NOTA BENE

Restorative Justice as a Way to the Primacy
of Fairness and Democracy
Boris Grozovsky 169

Letter to A. M. Kalmykova
L. N. Tolstoy 174

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2021 год

К ЧИТАТЕЛЮ

Сенокосов Юрий

Целью закона является закон, а не диктатура закона (№ 1)

Обществу граждан — гражданское просвещение (№ 2)

О мировом праве (№ 3–4)

БЕРЛИНСКИЙ ФОРУМ

*Бокхари Лайла, Груден Матьяш,
Чигане Лолита, О’Доннелл Фрэнсис,
Минаков Михаил*

Как реформировать ООН и вернуть мир к многосторонности (№ 1)

ОНЛАЙН-БЕСЕДА

*Немировская Лена, Ногойбаева Эльмира,
Сооронкулова Клара, Становски
Кшиштоф, Шмелёвы Светлана и
Александр*

Траектории развития: от диктатуры к свободе и обратно (№ 2)

ТЕМА НОМЕРА

Астапеня Рыгор

Революция в Беларуси заглохла? (№ 2)

Брейнес Ингеборг

О культуре мира (№ 3–4)

Ворожейкина Татьяна

Политика и моральный выбор: власть и общество в России в 2021 году (№ 3–4)

Гуриев Сергей

Глобальные вызовы и уроки 2020 год (№ 1)

Закария Фарид

Как пандемия открыла путь в новый мир (№ 1)

Колесников Андрей, Волков Денис

Мадам де Помпадур в Москве. Опыт систематизации рисков для российской политики (№ 3–4)

P. S.

Сенокосов Юрий

«Пенять» не возбраняется (№ 3–4)

Лузин Павел

Миссия по исправлению ошибок.

Об особенностях политического мировоззрения российской элиты (№ 3–4)

Мартиневич Виктор

«Если зло побеждает зло, то мне не по пути с этим хэппи-эндом» (№ 2)

Панфилова Елена

«Человечество начинает выстраивать партизанские тропы в кризисных условиях» (№ 1)

МЕМОРИАЛ

Баунов Александр

Раздвоение памяти. Зачем закрывают «Мемориал»? (№ 3–4)

P. S.

Сенокосов Юрий

О смысле общества «Мемориал» (№ 3–4)

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Блейк Джонатан, Гилман Нильс

«Национальное государство слишком мало для больших проблем и слишком велико для маленьких» (№ 2)

Буммель Андреас

Пора активно продвигать демократию по планете (№ 2)

Снайдер Тимоти

Институты, теории заговора и будущее Америки (№ 1)

ДИСКУССИЯ

*Ворожейкина Татьяна, Петров Николай,
Травин Дмитрий*

Как будет меняться Россия в 2021 году (№ 2)

Ло Бобо

Что изменится в мире в ближайшее десятилетие (№ 2)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ*Колесников Андрей*

Немыслимый альянс. Опыт сотрудничества СССР с западными державами во Второй мировой войне (№ 2)

Минаков Михаил

Тридцатилетие постсоветского политического опыта (№ 3–4)

Стрижак Андрей

«Мы должны сделать все, чтобы вернуться в нормальную страну» (№ 3–4)

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ*Ахутин Анатолий*

Сообщество просвещения (№ 2)

Согомонов Александр

Конгениальность просветительской мысли. Мендельсон и Кант: образы европейского универсализма (№ 2)

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА*Сульман Михаэль*

Мировая экономика и политические последствия (№ 3–4)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ*Беляев Иван*

Вацлав Гавел на саммите тысячелетия (№ 2)

Большаков Сергей

Государство, кризис и проблемы глобализации (№ 1)

Деттинг Даниэль

«Демократия в опасности» (№ 3–4)

Медведев Сергей

Антропоцен и экологический кризис современности (№ 3–4)

Морозов Александр

О здравом смысле (№ 3–4)

Эггерт Константин

Этика и политика (№ 3–4)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО*Володина Наталья*

Всесоюзный ребе (№ 1)

Колесников Андрей

«Все силы отдаю Чувашии» (№ 1)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ*Кара-Мурза Алексей*

Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В.М. Межуева) (№ 1)

Лукьянова Елена

Эволюция конституционных ценностей (№ 3–4)

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ*Эптеле Николай*

Примирение сверху: равновесие без вины и ответственности (№ 1)

90 ЛЕТ МИХАИЛУ ГОРБАЧЕВУ*Мироненко Виктор*

Уроки Михаила Горбачева (№ 1)

Сенокосов Юрий

Солженицын и Горбачев. Прошлое и настоящее России (№ 1)

ПАМЯТИ ГЕЛЛНЕРА*Хазанов Анатолий*

В защиту Эрнеста Геллнера: комментарии к выступлению Криса Ханна «Критика неолиберализма Геллнера» (№ 3–4)

IN MEMORIAM

Уильямс Ширли (1930–2021) (№ 2)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*Беляев Иван*

Агора (№ 2)

НАШ АНОНС*Гудков Лев*

Лекция 1. Предварительные замечания (№ 3–4)

Согомонов Александр

Парадоксы и уроки русских просветителей (№ 1)

КНИГИ*Рыжков Владимир*

Контрапункт (№ 1)

Травин Дмитрий

Контрапункт (№ 3–4)

NOTA BENE*Гордин Алексей*

Мысли о народах (№ 1)

*Грозовский Борис*Восстановительное правосудие как путь к
верховенству права и демократии (№ 3–4)*Жарков Василий*

С днем рождения, Лена! (№ 1)

Зелинский Владимир

Застолье со Сталиным (№ 2)

О Леониде Лиходееве (№ 2)

Толстой Л. Н.

Письмо А. М. Калмыковой (№ 3–4)

Яхиханов Зелимхан

О Лене. Не всё! (№ 1)

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ И ИНОСТРАННЫЕ*Немировская Лена, Сенокосов Юрий*Открытое письмо Генеральному
прокурору РФ (№ 1)

Письмо Андрея Кабанова Лене

Немировской и Юрию Сенокосову (№ 1)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

СВОБОДА И

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Наши авторы:

Андреас Буммель

Олег Грешнев

Даниэль Деттлинг

Кшиштоф Занусси

Андрей Захаров

Андрей Колесников

Анна Кулешова

Алексей Левинсон

Михаил Минаков

Анатолий Михайлов

Александр Морозов

Яспер Роин

Славомир Сераковский

Дмитрий Травин

Илья Шуманов